

ПИОНЕР

АПРЕЛЬ 4 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

Ленин

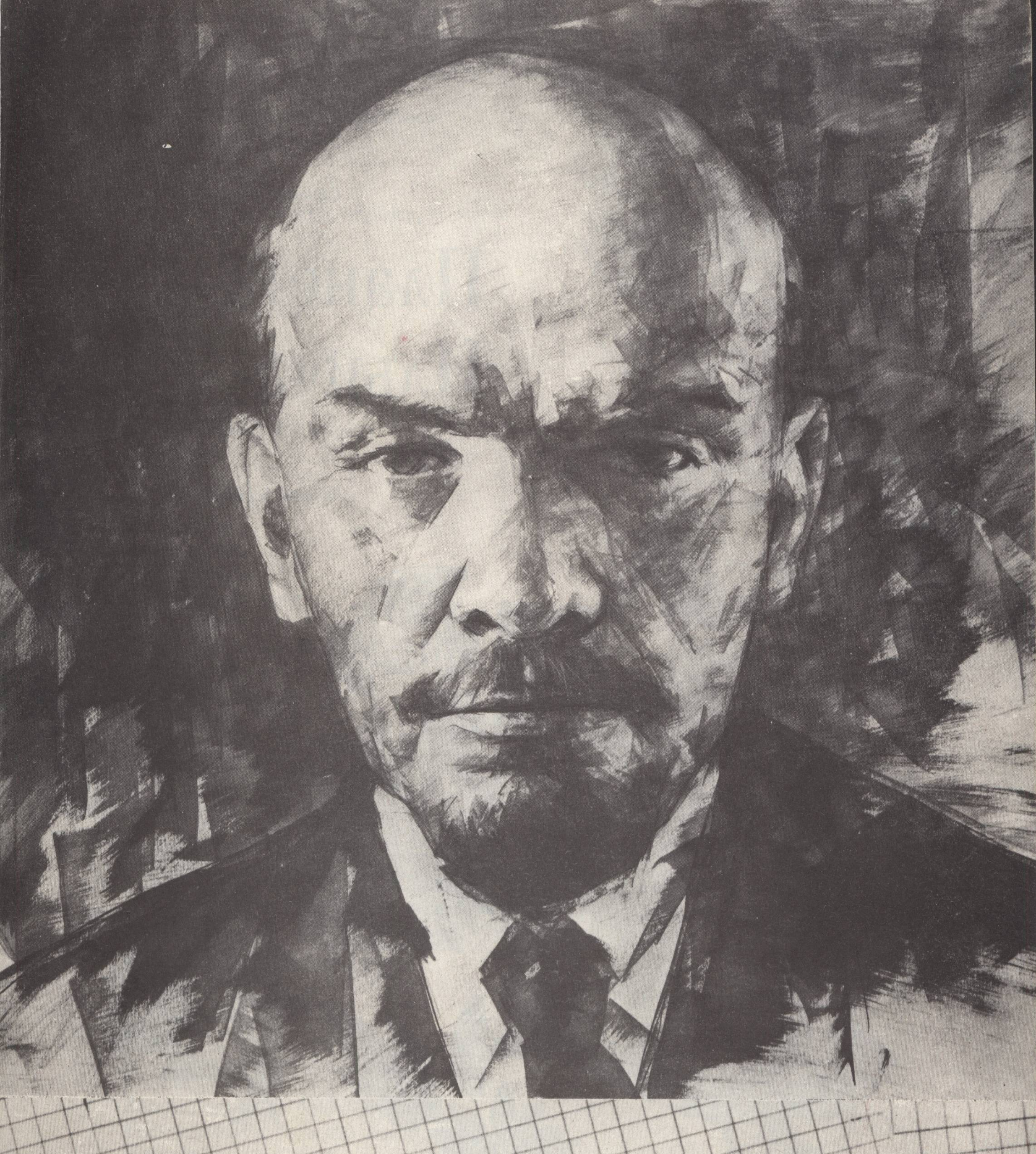
Это имя вошло в мою жизнь легко, просто и естественно, как слова «мама», «папа», «солнышко». Еще в детском саду я узнала, что Ленина звали просто Володя, когда он был таким же маленьким, как я. В школе я носила звездочку, на которой был маленький, кудрявый мальчик. А в классе у нас висел портрет большого Ленина. Мне было очень удивительно, что Ленина все знали.

Мне рассказали, что он был очень хороший человек, он сделал все, что сейчас есть в нашей стране. Я не поняла, что именно «все».

Сейчас мне уже четырнадцать лет, и я знаю, что значит «все», и что-то хорошее, доброе, понятное, большое и чистое, как детство, осталось в моем отношении к В. И. Ленину.

Из того, что я знаю о Владимире Ильиче, что читала о нем, у меня осталось впечатление об удивительном, мудром и очень простом и понятном человеке. Мне очень понравились строки А. М. Горького о нем: «Коренастый, плотный, с черепом Сократа и всевидящими глазами, он нередко принимал странную и немножко комическую позу—закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно-петушиное, и весь он в такую минуту светился радостно, великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви».

По-моему, самая яркая черта Владимира Ильича—это любовь к человеку, такая большая, беспредельно большая любовь. Эта любовь и повела его на борьбу за счастье людей. По-моему,

зная его, нельзя было не любить его. И все, кто знал его, вспоминают о нем с большим уважением, гордостью и любовью.

Чем больше я узнаю о Владимире Ильиче, тем больше радуюсь и горжусь, что я живу в стране, где жил этот великий человек, и живу так, как он хотел, чтоб жили люди.

Элеонора ГОРОХОВСКАЯ,
г. Вильнюс,
Литовская ССР.

Салман **ОЗИЕВ**

Планета Ильича

Рисунок Е. **МЕДВЕДЕВА.**

Этот гипсовый бюст
Предо мной на столе...
Вот морщинки забот
На высоком челе.
Будто все,
Что сегодня, сейчас
Происходит
На нашей земле,
То печалит его,
То тревожит...

И пока я поэму пишу,
Он вьетнамскому мальчику
Выжить поможет...

И пока
Я кончаю вот эту строку,
Он в атаку
Поднял батальон,
И не будет пощады врагу!
Что запреты ему!
Что таможни
И стрелки границ!
Он идет
По земле,
Недоступен прицелам
Убийц.

Даже время
Не тронет
Вовеки его —
Он нетленен...
Побеждает добро
На земле!
Продолжается Ленин.

Может быть,
И земля
Хороша оттого,
Что лежит —
Вся в цвету —
У подножья его!

Благодарность земли —
Это новый завод,
Новый сад,
Новый город,
Который в ущелье растет.

Это рев
Над плотиной,
И ракеты полет.
Узнает ли он
Землю свою?
Благодарную землю свою
Узнает?

И давно ли, давно ль
Догорела в окошке
Свеча!
Вол сошел с борозды,
Будто сразу ослеп.
И ударил из окон
В селениях
Свет Ильича,

И, как мощный корабль,
Вышел трактор
В туманную, тихую степь...
Эту землю
Еще мы украсим
Не так!
Потому что
У сердца она —
Каждый кустик ее,
И ручей, и овраг.

Потому что
Свободна она
И лицо ее чисто
В весеннем дожде,
Тишина, тишина...
Первый луч золотой на
воде...

...Может быть,
И земля
Хороша оттого,
Что лежит —
Вся в цвету —
У подножья его.

Перевел с абхазского
Ю. КУШАК.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

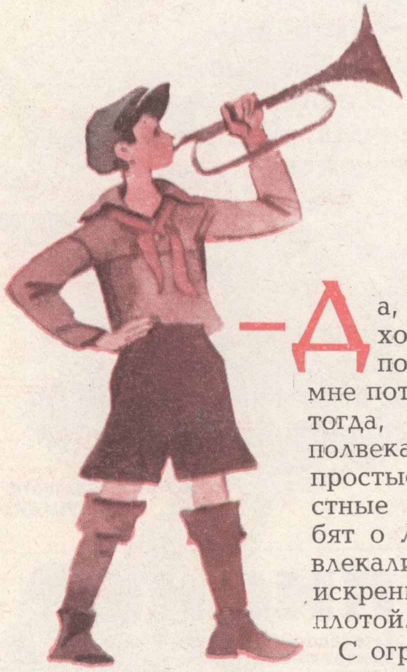
АПРЕЛЬ 4

Издательство «Правда»
Москва 1970 г.

Дорогие ребята!
Сейчас,
когда все передовое человечество
готовится отметить столетие
со дня рождения В. И. Ленина,
у редакции нашего журнала
родилась мысль:
а нет ли среди старых
книг, газет и журналов рассказов,
написанных в те далекие годы
детьми, видевшими Ленина
или слышавшими о нем?
Наши долгие и нелегкие поиски
увенчались успехом:
в одном из крупнейших
книгохранилищ
мы нашли тоненькую книжку
с пожелтевшими от времени
страницами.
Библиотекарь нас предупредил:
перелистывайте осторожно,
бумага может рассыпаться.
Называется эта книжка
«Ильич. Детские рассказы и стихи
о Владимире Ильиче Ленине».
Издана она в 1924 году,
вскоре после того,
как Владимира Ильича не стало.
Поэтому большое место в ней
занимают рассказы о траурных днях,
когда наш народ провожал Ленина
в последний путь.
Мы решили опубликовать
некоторые из рассказов,
вошедших в эту книжку,
и спросили
писательницу-коммунистку
Елизавету Яковлевну ДРАБКИНУ,
лично знавшую В. И. Ленина,
читала ли она эту книжечку,
помнит ли ее?

В ТЕ ПРЕКРАСНЫЕ, ТРУДНЫЕ

РАССКАЗЫ ДЕТЕЙ О ЛЕНИНЕ

— Да, я ее помню хорошо. Запомнилась она мне потому, что уже тогда, без малого полвека тому назад, простые, бесхитростные рассказы ребят о Ленине привлекали особенной искренностью и теплотой.

С огромным волнением беру я книгу. Зная о предупреждении библиотекаря, осторожно переворачиваю страницы.

«Минувшее проходит предо мною»... Мне вспоминается Москва в первые годы Советской власти, ее суровая жизнь, отряды, уходящие на фронт, праздники революции, Владимир Ильич Ленин. Словно не прошло с тех пор полстолетия, ясно вижу я те прекрасные, трудные годы. И вижу Ленина, его глаза, улыбку, слышу его голос, вижу обращенные к нему просветленные лица рабочих и работниц, вижу серьезных не по летам, но радостных и счастливых детей.

Да, радостных и счастливых, несмотря на голод, холод, плохую одежонку. Ибо революция принесла этим детям то, чего они были лишены: она принесла им детство! Детство с его светом, любовью, надеждами.

В одной из своих книг я уже рассказала о мальчике, жившем тогда. Его звали Алеша Калёнов. Он родился и вырос на рабочей окраине Петербурга, в подвале, окна которого выходили в глубокий двор-колодец. Узнала я его уже после революции, на детской площадке, которую помогла устроить Надежда Константиновна Крупская для ребят петербургской рабочей бедноты. Алеша привлек мое внимание своими рисунками. Они были похожи один на другой: внизу яркие, пестрые мазки, напоминающие сказочных птиц, а над ними — грязно-голубой четырехугольник.

ГОДЫ

Потом уже я узнала, что пестрые мазки эти — цветы, а четырехугольник — петербургское небо, каким оно казалось из окна подвала. Алеша никогда не бывал за городом, он никогда не видел цветов. Он думал даже, что цветы поют.

Быть может, из Алеши вырос бы крупный художник. Но он погиб подростком в 1919 году, защищая Петроград от белых банд Юденича.

Таким же, как у Алеши, было детство большинства детей рабочей бедноты. Они не знали ни яслей, ни детских садов, лишь немногие учились в школе. Чаще всего лет в десять-одиннадцать их отдавали в ученики — на завод или к хозяину в мастерскую, а девочек — в няньки или портнихи. И начиналась для них тяжкая трудовая жизнь.

И вдруг вся жизнь словно перевернулась! Революция! Свобода! Свергли царя! Свергли буржуев и помещиков! Декреты Советской власти об охране детства! Детские сады! Детские ясли! Бесплатные школы, в которых народ, отрывая от себя последний кусок, кормит детей горячими завтраками!

И человек, который привел трудящийся народ к этим и многим другим победам, Владимир Ильич Ленин!

Кто он? Какой? Как прошла его жизнь?

Книг о Ленине тогда еще не было. И ребята жадно расспрашивали о нем взрослых. И по этим рассказам, а еще больше по жизни, которая раскрывалась рядом с ними, составляли свое представление о Ленине.

«Нет такого уголка, где бы не знали отца пролетариата, сильного, смелого, бодрого, находчивого, умного Ленина, — пишет автор одного из рассказов.— *...Ленин был способный и стойкий, чего хотел, то и делал. Жил небогато, по-пролетарски, и был жизнерадостный. Люди удивлялись, как он может упорно работать и не обращать внимание на себя...»*

В другом рассказе дана история жизни Ленина: семья его родителей, история его старшего брата Саши, казненного царским правительством. Но особенно увлекло внимание автора описание того, как Ленин, живя в ссылке, занимался спортом, как он *«бегал наперегонки с другими, на коньках или так просто, и когда бежал, то напрягал все свои силы, лишь бы перегнать и не остаться побежденным».* А когда вернулся в Россию после революции и скрывался от Керенского в Разливе, он, верный своему смелому характеру, *«руководил и давал из шалаша письма о революции».* А когда подошло время, *«у товарища Ленина не хватило терпения дожидаться. Он вернулся в Питер и там организовал Октябрьское восстание. Власть перешла к рабочим и крестьянам».*

Некоторые из авторов сборника не только слышали рассказы о Ленине, но и видели Ленина и слушали его выступления на Красной площади в Москве, во время праздников.

В то время Москва была по сравнению с теперешней небольшим городом, и празднования Первого мая и годовщин Октября происходили иначе, чем в наши дни.

Вся революционная Москва стройными колоннами приходила на Красную площадь, слушала выступления ораторов, проходила мимо Ленина, пела, произносила клятву верности социалистической революции и, проведя здесь, на Красной площади, несколько часов, расходилась по своим районам, чтобы там закончить празднование.

И Красная площадь была совсем не такой, как в наши дни. Вдоль кремлевской стены голо и неприютно тянулись обложенные дерном могилы жертв революции. Площадь была вымощена брусчаткой. По ней были уложены две трамвайные линии, по которым со звоном и скрежетом проезжали трамваи. Сразу за храмом Василия Блаженного шел ряд невзрачных домов — площадь была от этого меньше и теснее, чем сегодня.

Но в дни революционных празднеств площадь разукрашивали. На теперешнем здании ГУМа обычно вывешивали огромные алые полотнища; на одном из них был нарисован рабочий, на другом — крестьянин. На каждом зубце кремлевской стены трепетал красный флажок.

Радио тогда не существовало, и ораторов, выступавших у кремлевской стены, было слышно лишь тем, кто стоял неподалеку. Поэтому на Красной площади устанавливали несколько деревянных трибун, и ораторы переходили с одной трибуны на другую.

Двое из ребят рассказывают о том, как они слышали на Красной площади Ленина.

Я тоже слышала его выступления. И не один раз. Но больше всего запомнился мне он в день Первого мая 1919 года.

В тот ясный, весенний день ярко светило солнце. Деревья были усыпаны почками и зеленоватым кружевом вырисовывались на фоне чистого неба. Настроение у всех было радостное. С фронтов приходили вести о победах Красной Армии.

Около полудня на площади появился Владимир Ильич, бурно приветствуемый собравшимися. Он обратился к ним с приподнятой речью, которую закончил словами: «Да здравствует коммунизм!» Потом он спустился, чтобы перейти на следующую трибуну, но его остановили и протянули ему лопату.

Дело в том, что в тот год день Первого мая был объявлен днем древонасаждения.

Владимир Ильич, лукаво усмехаясь, потер ладони, взял лопату и принялся копать землю у кремлевской стены.

Когда ямка была готова, подъехала подвода с саженцами. Владимиру Ильичу вручили тонкую липку. Он бережно поставил ее на предназначенное место, засыпал землей, полил водой, и только когда работа была закончена, прошел вперед и поднялся на трибуну.

В первой своей речи в этот день он подводил итоги прошлого, теперь его мысль была обращена к будущему — к тому но-

вому миру, который вырисовывался из-за туч порохового дыма, окутавшего Советскую Россию. Он видел это будущее и в молодых деревьях, которые были только что посажены, и в детях, слушавших его, стоя у подножия трибуны.

Опираясь на лопаты, собравшиеся внимали речи Ленина.

— Внуки наши, — говорил он, протянув перед собой почерневшую от земли руку,— как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимающиеся трудом. До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети.

Он посмотрел на детей и, немного помедлив, сказал:

— Мы не увидим этого будущего, как не увидим расцвета деревьев, которые сегодня посажены; но это время увидят наши дети, его увидят те, кто переживает сегодня пору юности...

Быть может, среди слушавших тогда Ленина был один из авторов рассказов о встречах с ним. Быть может, там были отец или мать, бабушка или дедушка сегодняшних читателей «Пионера». Но Ленин обращался со своими прекрасными словами не только к ним одним.

Он обращался ко всем детям Страны Советов, москвичам и немосквичам, к уже бегавшим и учившимся и к тем, которым еще только предстояло появиться на свет.

И, обращаясь к ним, он с глубокой убежденностью говорил о том, что эти дети будут строить здание социализма еще усерднее, чем это делали их отцы.

СТРОИТЬ ЗДАНИЕ СОЦИАЛИЗМА! — таков завет, оставленный нам великим Лениным.

И я убеждена, что этот завет выполнили и авторы рассказов о Ленине, что его выполнят и теперешние дети, которым принадлежит будущее.

Е. ДРАБКИНА

Я видел Ленина

Ленина я видел один раз на Красной площади. Тогда была война с Польшей. Ленин говорил о войне. Тысячи народа ждали его. И я протискался к трибуне вместе с другими. Взрослые заслоняли от меня все, я видел одно небо.

Вдруг раздались крики: «Ильич, Ильич, да здравствует товарищ Ильич!»

Я хотел на что-нибудь взобраться. Кругом ничего не было. Меня толкали. Я даже заплакал, так как очень хотелось увидеть Ленина.

Наконец я вцепился в одного рабочего, ногу вложил

в его карман и, как на лошадь, взобрался к нему на плечи. Я думал, что меня рабочий сейчас сошвырнет с подзатыльником, но, к удивлению, рабочий, назвав меня постреленком, велел держаться крепче за шею. Я очутился выше всех головы на две и увидел Ильича. Он шел к трибуне, перед ним расступались с трудом рабочие, давая место.

Он поднялся на трибуну. На нем был темный, кажется, черного цвета, костюм, рубашка с отложным воротником и галстуком, а на голове кепка. Он вынул из кармана белый платок и вытер себе лоб и лысину.

Я не помню, что говорил Ильич. Я больше следил, как говорил он.

Иногда он низко наклонялся с трибуны, протягивал руки вперед, держа платок и часто вытирая лоб. Часто улыбался. Я осмотрел все его лицо, нос, губы, маленькую бородку.

Ленина часто прерывали рукоплескания и крики; в эти минуты я тоже кричал.

Идя домой по улицам, я все время твердил: «Ленин, Ленин, Ленин». Я останавливался перед каждым портретом Ленина, выставленным в окнах, и смотрел в его лицо.

★

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

К ЛЕНИНУ

Сегодня, 22 января, пришел кто-то и сказал: «Ленин умер». И не знаю, что почувствовали другие, но у меня было сомнение: «Этого не может быть, это неверные слухи, которые не раз до нас доходили». Но вот вечером опять послышались эти слова. На каждом лице были удивление и боязнь. «Надо пришить к флагу черное»,— сказал кто-то.

Мы пошли попрощаться в последний раз с Ильичем. Некоторые из нас не видели его ни разу. Мы шли из школы. Конный патруль сказал нам: «Нельзя, здесь нужен порядок. Идите с Моховой». Вместе с нами шли толпы людей, несли красные знамена с трауром и лозунгами. Вместе с толпой идут продавцы маленьких портретов Ленина. Толпа идет молча. Хочется иметь траурный значок, хочется показать другим, что и тебе тяжела эта тяжелая утрата. Но руки замерзли, они почти не сгибаются, и нельзя достать денег.

Мы встали на Моховой в одну из очередей и смотрим вперед. Видны только головы, а над ними знамена. Толпа молчит. Проходит торговец пирожками и кричит: «А вот горячие!» Женщина впереди сказала: «Уходи, не до пирогов». Очередь подвигается медленно, и сзади нас уже много людей. Все озябли. Мороз щиплет ноги, руки, лицо.

Стояли долго, потом дошли до патрулей и опять стали. Пропустили на Театральную. Выстроились по трое и стали немного быстрее подвигаться. Вся Москва и делегации от других мест тянутся в Дом союзов, чтобы увидеть Ленина. Там редкий порядок: приходишь туда, никто не толкается, никто не кричит, не проталкивается вперед. Сейчас устанавливают тебя в очередь, и вот двигаешься к Дому, в котором он. Над входом красный плакат: «На смерть нашего вождя мы ответим еще большей сплоченностью и железной дисциплиной». Да, этим нужно ответить, мы готовы.

Наконец, входим, снимаем шапки, взбираемся по лестнице, проходим через несколько маленьких залов. Вот он: на возвышении красный гроб, и в гробу он. Хотелось бы отдать свою жизнь за его спасение. Но, значит, нельзя, болезнь взяла свое. Лицо у него желтоватое, как будто восковое. Нос заострился, выражение лица серьезное. Бородка такая же, как на портретах, и руки лежат, как на живом. Он одет в зеленый френч, и на груди у него орден Красного Знамени.

Все видят его, все впиваются глазами, всем хочется получше разглядеть и навеки запомнить. Хочется остановиться, но, к сожалению, тебя тихо просят проходить вперед. Музыка заиграла похоронный марш. Эх, рано, Ильич, рано! Четыре члена ВЦИК стоят вокруг него начеку, кругом все красно, черно, черно, красно и цветы. Нужно уходить.

Оглядываюсь в последний раз, но уже ничего не видно.

Все спускаются и выходят. Но лица не такие, как были при входе: было какое-то ожидание, какое-то нетерпение, а теперь все впились в пол,— каждый старается запомнить лицо Владимира Ильича.

★

ИЗ ПИОНЕР-ПОЭМЫ

В мире грозой нарастало
Что-то могучее.
Солнце лучи бросало,
И расходились тучи.

В душах начиналась весна
Огневого,
В мыслях исчезли тени.
В мире вставал грозой для плохого
Ленин!.. Ленин!..

★

МЫ—ПИОНЕРЫ

Мы — пионеры,
Мы бодры и юны,
Смела и крепка наша рать.
Мы Ленина дело,
Мы дело коммуны
Готовы всегда защищать!

★

Встреча

Мне тогда было десять лет. Семья наша жила в Москве.

Отец мой работал в Кремле, и я часто ходил туда или играть в детском саду, или в кооператив за провизией.

В начале 1919 года я с корзинкой, отец с портфелем шли после обеда в Кремль.

Отец раньше меня заметил идущего нам навстречу Ильича.

— Смотри, Петя, идет Владимир Ильич

Я растерялся, и сердце забилось от радости видеть Владимира Ильича близко. А он уже стоял около нас, здоровался с отцом и протягивал мне руку. Я до того смутился, что выронил из рук корзинку.

Не успели мы с отцом поднять ее, как Владимир Ильич быстро наклонился, поднял корзину и пожал мою руку, протянутую за корзиной. Положил свою руку мне на голову и спрашивает отца:

— Этот или старший у вас большевик-то?

— Этот. А старший белогвардеец: дерется да и в ученье ленив.

— Ну, ничего, придет время, и он большевиком станет, — говорит Владимир Ильич.

Говорит быстро, все время улыбается.

В это время к нам подошел народный комиссар тов. Подбельский, и мы распрощались.

С тех пор я всегда горжусь, что мне выпала честь пожать руку великого человека.

Это я до смерти не забуду.

★

Как жил Ильич в Кремле

Ильич жил в Кремле на третьем этаже. Имел четыре комнаты; они были сырые и плохие. Одна комната была Владимира Ильича, вторая — Надежды Константиновны, а третья — Марии Ильиничны, четвертая комната была у них столовая. В квартире у них есть маленькая кухня, и семья у них обедала вместе с уборщицей в кухне. Уборщица убирала у них комнаты. Когда он узнал, что ей платят из Совнаркома, то он велел, чтоб уборщице платил он сам. Тогда стали у Ильича вычитать из жалованья.

В комнате у него были стол и настольная лампа. Он вставал в восемь часов. Очень часто замечали, что он очень устал и едва шел.

Один раз санитар пришел и удивился,— не может быть, чтобы здесь Ильич жил. Он жил просто и бедно. С окон текла вода. Раз пришел к Ильичу мужчина и увидел, что у него в комнате вода. Он взял войлоком и заложил, где сыро.

★

Василий **ДЮБИН**

РАССКАЗ

Рисунки П. БАГИНА.

СЫН КОММУНАРА

Машина выскочила из леса, и глазам моим предстало родное и такое незнакомое село Голодаевка. Оно утопало в зелени, майский ветер летел над белопенными цветущими садами, звенел в проводах и антеннах, доносил звуки пионерского горна... В восемь рядов стояли высокие новые дома, крытые где тесом, а где и железом. Посреди села легко угадывалось двухэтажное здание школы.

Машина въехала в село и остановилась неподалеку от школы, там, где рядом с четырьмя пирамидальными тополями стоял скромный бюст на невысоком постаменте.

Я выпрыгнул из кабины, махнул шоферу и подошел к памятнику. Человек в гимнастерке с пустым рукавом был... Мартын Лихолай. Да, это, конечно, он. Я прочитал надпись на постаменте:

**«Лихолай Мартын Фролович.
Первый коммунар нашего села.
Погиб от рук кулацкой своры.
1882—1922 гг.».**

«Ну вот,— подумал я.— Вот она, первая встреча. С тобой, дядя Мартын. А теперь я навещу твоего сына, друга своего, Сергуньку».

...Могила Сергуньки была огорожена железной решеткой, вокруг нее разрослись густые ветви сирени. На серой гранитной плите — слова:

**«Пионер
Сергей Лихолай,
сын коммунара,
погиб за дело Ленина
от руки убийцы-кулака.
1909—1922 гг.».**

*

Мы и без приглашения дружно орудовали деревянными ложками.

Сергунька Лихолай был мне самым близким другом. Наши вросшие в землю подслеповатые хатенки стояли рядом. Бывало, выбежит Сергунька на крыльцо, крикнет через двор:

— Филиппок! Дуй к нам на угощенье!

Я к нему. Отец Сергуньки — дядя Мартын — встречал нас ласковой воркотней:

— А ну к столу, пострелята! Нынче у нас блюдо царское. А вот уж завтра сварганим райское...

Он сидел на скамейке возле стола, выставив перед собой самодельную деревяшку правой ноги, и одной правой рукой разминал черствые куски хлеба над деревянной миской. Левый пустой рукав солдатской гимнастерки был заправлен под парусиновый пояс. Ногу и руку он потерял на Западном фронте во время Брусиловского прорыва. Правда, он получил георгиевский крест «за доблесть», но почему-то никогда не надевал его. Дядя Мартын заливал хлеб водой, круто присаливал и плескал в тюрю немного растительного масла.

— А ну, соколята, за работу! Да веселее!

Но мы и без приглашения дружно орудовали деревянными ложками. Однако самым изысканным считалось у нас «райское блюдо». Дядя Мартын ставил на плиту чугунок с водой и, когда вода закипала, бросал ложку соли. Я или Сергунька понемногу сыпали в чугунок муку, принесенную им в кармане с кулацкой мельницы, а он часто помешивал варево ложкой. Потом — ложка постного масла, и «райское блюдо»—соломата — готово. Было оно тягучим и липким, проглатывалось с трудом, но я до сих пор помню, как мы искренне считали, что вкуснее его нет ничего ни на этом, ни на том свете.

Да, я забыл о третьем, вернее, третьей из нашей компании — о Настенке Гаврюхиной, красивой голубоглазой девочке. Она стала нашим другом после такого случая.

Как-то она залезла в огород кулака Гурова. Хозяйский сын Гараска поймал ее, вцепился в ее золотистые волосы и стал колотить по лицу, приговаривая:

— Не воруй чужое, Гаврюха — пустое брюхо, не лезь, рвань, по чужим огородам...

Настенка даже не вырывалась, а только вскрикивала, пытаясь закрыть лицо ладонями.

Мы с Сергунькой как раз проходили мимо. Но, конечно, не прошли, а налетели на Гараску, хотя он был старше и здоровее нас, и задали ему хорошую взбучку. Уходя, Сергунька наказал ему:

— Ты укороти руки. Это вам не царское время.

Да, мы здорово сдружились: Сергунька, Настенка и я. Может быть, оттого, что только так, помогая друг другу, и можно было выстоять в то трудное время. На нас, троих ребят, приходилось две матери и один отец — искалеченный дядя Мартын. Моя мать и мать Настенки получили похоронки в один и тот же ненастный, осенний день. А весной по раскисшей, слякотной деревенской улице проводил Сергунька на погост свою мать, которую сожгла скоротечная чахотка.

И все-таки мы все чего-то ждали, казалось, сам воздух наэлектризован зарядом близких перемен. Об этом и дядя Мартын говорил, когда вечерами собирал нас, детвору, на печи и начинал рассказывать о войне, о большевиках, о Ленине... Шел октябрь семнадцатого года, темнело рано, и в сумерках беспокойный уголек цигарки дяди Мартына чертил в воздухе стремительные линии.

Наконец дядя Мартын не выдержал, отправился в город. А через неделю вернулся, словно все село поджег словами: революция, Ленин...

Не откладывая ни на час, собрал сельчан, организовал комитет бедноты и там же, на собрании, высказал мысль о создании коммуны:

— Землю объединить и усилия рук наших, она, земля-то, втрое родить станет. Верно говорю?

Сорванный от крика голос Мартына был поддержан одобрительным гулом сходки.

— А ты вот что объясни, мил человек! — крикнул через головы собравшихся высокий, обросший бородой мужик.— С землицей Советская власть по справедливости решает, режет у кулаков излишки — и баста. А где инвентарь взять? Где тягло?

— И зерна ни горсти за душой! — поддержал кто-то.

— А Конягин? Про Конягина забыли?

Да, про кулака Конягина, убившего за несколько дней до того своего батрака, никто не вспомнил. А дело так было: работник свалился с крыши сарая да и угодил прямо на курицу, которая рылась под стеной. Батрак поднялся, потирая ушибы, а на него уже с ревом набросился хозяин. Схватив железную занозу, он ударил работника, и тот упал с проломленным черепом. Да так, не приходя в сознание, и скончался... Боясь возмездия, Конягин запряг пару лошадей в бричку, бросил в нее перину, подушку, прихватил заветную кубышку с деньгой и выехал со двора, крикнув работникам:

— Я в город, жену свезу к доктору, захворала баба. В обрат завтра буду, гроб привезу для Василия... Схороним беднягу.

С тем и был таков, будто в воду канул.

Вот про него дядя Мартын и напомнил комбедовцам.

Почти все голодаевские мужики вступили в коммуну «Путь Ильича». Только один Колосок остался у Силы Гурова в батраках. Худой, костлявый, в старом рубище, обросший реденькой соломенной бороденкой, он в самом деле был похож на тощий ржаной колосок. Но его «благодетель» Гуров наделил бедняка парой сапог и овчинным кожушком. И вот Колосок при народе выбросил на улицу лапти и теперь козырем расхаживал по селу в сапогах и тулупе.

— Надолго запродал себя за это барахлишко? — спросил его дядя Мартын.— Тебе что, в коммуне тесно было б?

— На чужом добре далеко не уедешь... А это,— Колосок хлопнул по голенищу,— и это,— он отвернул полу кожуха,— свой, кровный заработок. Так-то. А мы тоже коммунары. Ей-богу! — И он перекрестился.

Дядя Мартын засмеялся, и все, кто был при разговоре, тоже. Даже нам, ребятам, заявление о том, что голодаевские кулаки организовали коммуну, показалось смешным.

— И что же, у вас кулаки работают наравне с батраками?

— Нет у нас батраков! — Колосок явно повторял то, что его заставили затвердить.— Бывшие работники вступили в коммуну на равных правах с хозяевами.

— Так это же... липовая коммуна,— сказал дядя Мартын.

— Может быть, у вас липовая, а наша и в волости и в уезде в списки записана,— торопливо бросил Колосок и зашагал по улице, поглядывая на сапоги.

Потом уже выяснилось, что Гуров, узнав о декретах Советской власти, пользуясь временной суматохой, сумел создать свою лжекоммуну, внеся в список всех батраков кулацких хозяйств... Впрочем, она недолго просуществовала, эта затея.

В Голодаевку пришел продотряд. Коммунары накормили продотрядовцев, поделились зерном. А кулаки зерно припрятали, заявив командиру отряда, что хлеба нет, зерна, мол, осталось только-только на посев да на пропитание... И тогда заговорила совесть в сердцах батраков. Они вскрыли «волчьи ямы», где было припрятано зерно, помогли погрузить его на подводы и сами ушли вместе с продотрядом. Так распалось кулацкое «товарищество». Один Колосок остался батрачить на Гурова.

Зато наша коммуна с каждым днем все крепла. Построили школу, баню, коровник. Мы, ребятишки, во всем были помощниками взрослым.

Учились мы тоже прилежно, с охотой. Особенно поражал всех способностями Сергунька.

— Весь в меня,— гордился сыном дядя Мартын.— Ведь я самоучкой грамоту постиг. Так-то...

А еще Сергунька брал карандаш и быстрыми, точными штрихами рисовал зверей, птиц, деревья, людей. Бывало, так увлечется, что ничего вокруг не видит и не слышит. Он и себя нарисовал, глядел в зеркало и рисовал. И очень похоже получилось.

— Большим талантом наградила природа Сергуньку,—сказала учительница.—Надо его в Москву отправить, в художественное училище.

И быть бы Сергуньке в Москве, если бы не...

То утро я никогда не забуду.

Проснулся я оттого, что мать трясла меня за плечо и кричала:

— Филиппок! Сыночек! Пожар!

Я вскочил, ничего не понимая спросонок. На белой стене плясали тени и отблески пламени. В окно я увидел, как над соломенной крышей Сергунькиной хаты взвился столб огня, рассыпая тучу искр.

Над соломенной крышей Сергунькиной хаты взвился столб огня.

— Что это, мама?

— Горим... Все в огне...— Мама тянула меня за рукав.— Бежим, а то и нас подожгут...

По селу неслись крики женщин и детей.

Сергунька стоял, словно окаменелый, и смотрел на пылающую хату.

— Сергунь... — толкнул я его. —А отец где?

— Там,— показал он на хату. Сухие глаза его блестели.

Когда хату охватил огонь, дядя Мартын и Сергей проснулись, вскочили, кинулись к двери, но она оказалась подпертой снаружи колом. Отец и сын задыхались от едкого дыма. Стропила крыши упали на потолок, он вот-вот должен был обрушиться. Тогда дядя Мартын выбил табуреткой оконце и вытолкнул через него Сергуньку во двор... И тут потолок рухнул и похоронил в огне дядю Мартына.

Мы схватили Сергуньку под руки и кое-как оттащили его от пламени.

Все были убеждены, что местные кулаки находились в тесной связи с бандитами, но доказательств не было, и в суд идти было не с чем. А Гуров с дружками злорадствовали:

— Были голодранцами и остались...

— Думали на чужом добре разбогатеть...

Но по кулацкому злорадству словно хлыстом ударили слухи. Слухи о том, что Сергунька Лихолай пишет письмо Ленину.

Сергунька писал, а мы с Настенкой ждали. Писал он мало, но много думал. Вот уже третий вечер шел, а Сергунька напишет несколько строчек, вздохнет, уставится куда-то в угол или в темное окно и ду-

мает... А мы ждем, затаив дыхание. Нельзя мешать другу, ведь он самому Ленину пишет.

Наконец письмо готово. Мы приготовились слушать. Сергунька читает медленно, внятно. Потому, верно, я и запомнил почти каждое его слово:

«...а жизнь в нашей коммуне была сытной, хлеба вдосталь, мяса тож, молоко каждый день пили и с государством хлебушком делились. А кулаки со злобы давились. А мой батя Мартын Фролович Лихолай, секретарь комячейки на селе, сказал, что теперь мы, голодаевцы, вырвались из горькой нужды.

Товарищ Ленин, мало мы пожили сытной жизнью. Опять мы босые и голые, голодные и холодные. Налетели на коммуну бандиты, пустили по селу красного петуха и пожгли всю живность и весь хлебушек. И много хат спалили, сгорела и наша хата, и отец в огне погиб... Теперь я живу у соседей. В школу ходим по очереди. Сегодня Филиппок, а завтра—я в его сапогах и пальто. Мое-то все сгорело.

Товарищ Ленин, и обувку и одежду мы опять наживем. И никакими пожарами нас не запугать. Кулаки и в банды идут и нас огнем жгут... Владимир Ильич! Помоги нам всех гадов, всех врагов Советской власти в нашей Голодаевке осилить и разничтожить!

Писал вам Сергей Лихолай
из села Голодаевка, Лысогорской области,
сын коммунара».

— Ну как? — взглянул на нас Сергунька.

— Письмо что надо, — сказал я.

— И провианту бы надо, — вздохнула Настенка.

В воскресенье рано поутру снарядили мы Сергуньку в путь-дорогу. Он обул мои сапоги, надел мое пальтишко, натянул на курчавую голову мой треух, махнул нам.

— До свиданья!

— Погоди,— задержала его мама.— Сядем перед дорогой.

Приближалась зима. Начались заморозки, дул холодный ветер. Мама предложила Сергуньке свои старые шерстяные варежки, но он отказался, обещав сегодня же к вечеру вернуться домой.

— Смотри на почту не заходи, — напомнила мама.— Жди поезда на разъезде. От паровоза первый вагон — почтовый. Увидишь в нем щелочку, в нее и сунь письмо.

— Ладно. — И Сергунька хлопнул дверью.

Он ушел еще затемно, до рассвета, а в полдень к нам в дом ввалился Колосок, он был навеселе, видно, самогону хватил. Мама куда-то ушла, Настенка домой убежала, я был один. Колосок подсел ко мне, дохнул винным перегаром и с усмешкой спросил:

— Ну, как житуха, погорельцы? Хлеб не жуем, да весело живем, а? — И рассыпался хриплым смешком.

— А вы пироги жуете да черту душу продаете, — отрезал я любимой поговоркой дяди Мартына.

— Ишь ты! — хлопнул себя по бедрам Колосок. — Востер, а? От Лихолая перенимаешь?.. А где же доносчик?

— У нас доносчиков нет, — сказал я.

— А кто донос сочинял?

— Сергунька товарищу Ленину правду писал. Он за правду жизнь положит. И правда его о бандитах-мироедах теперь уже — ту-ту! — в Москву пошла... к Ленину! — с гордостью воскликнул я.

— А-а-а, вон оно что!.. Зря это он... Зря.

И, не промолвив больше ни слова, Колосок встал и вышел из хаты, а я похолодел, сообразив, что напрасно разоткровенничался о том, куда и зачем ушел дружок мой Сергунька...

...В доме Гурова уже собрались на совет девять кулаков, до десятка не хватало Конягина. Был Колосок, но он в счет не шел.

Гуров сходил в горницу, вернулся с обрезом, протянул его Колоску.

— Хочешь быть помощником господу нашему, возьми и сверши приговор божий над сыном антихриста.

— Один? — Колосок повел вокруг себя мутными глазами.

— Я пойду с тобой,— сказал Гараска.

Гуров кивнул головой и поставил на стол две бутылки самогона, отрезал ломоть сала и хлеба.

— Возьмите, там погреетесь и подкрепитесь. С богом!.. — перекрестился Гуров и сына перекрестил.

Все встали и воззрились на иконы.

— Пошли,— кивнул на дверь Гараска.— Уже вечереет.

Колосок сунул обрез под кожух.

Через час они достигли леса. По небу тянулись редкие тучки, луна бросила черные тени на сверкающую, припорошенную инеем землю... Пройдя лесом, Колосок с Гараской остановились возле Волчьего лога, сели на припушенные инеем сосновые пни и тут же принялись за самогон и сало... Волчий лог — это глубокий овраг в лесу, заросший густым кустарником. Голодаевцы говорили, что там, в овраге, в тайных логовах, волчицы прятали своих волчат.

Колосок и Гараска допили самогон, разбили об сосну пустые бутылки, закурили... И тут появился Сергунька. Он шагал быстро, с подскоком и дул на окоченевшие руки. Когда поравнялся с Гараской и Колоском, он приостановился и, поняв, что это засада, что именно его стерегут здесь, у Волчьего лога, быстро зашагал прочь.

— Стой!.. — окликнул его Гараска.

Сергунька побежал.

— Стой! Стой! — И раздался выстрел.

Парнишка упал, но тут же вскочил, шагнул раз, другой, третий... и стал оседать на землю. Пуля прострелила ему ногу. Он смотрел на врагов потемневшими глазами и молчал.

— Брехню свою отправил? — нагнулся к нему Гараска.

— Я написал, что вы бандиты и вас надо уничтожить...— твердо ответил Сергунька, но голос его звенел и срывался.

Гараска ударил его сапогом в лицо и протянул Колоску обрез.

— Кончай его.

— Не... не... м-м-могу я...—замычал Колосок, отстраняя обрез. Хмель испарился из его головы.

— На кой нужны такие помощники? — зло выругался Гараска и выстрелил Сергуньке в грудь.

Колосок странно подпрыгнул на месте и подстреленным зайцем кинулся к оврагу. Гараска вскинул обрез. Прогремел выстрел. С головы Колоска слетела шапка, а сам он рухнул в овраг.

— Туда тебе дорога, шкура собачья! — крикнул Гараска, вконец опьяневший от самогона и кровавой расправы... Он подтащил за руку Сергуньку к обрыву и столкнул в овраг.— Пущай волки на ваших костях попируют...

Но Колосок был жив. Пуля сбила шапку и только царапину оставила на голове. Скатившись на дно оврага, он вскочил и низом побежал к селу, созвал народ к школе и, как на исповеди, рассказал о кулацком заговоре и убийстве Сергуньки. Рассказывая, он горько плакал.

В ту же ночь кулаки были арестованы и под усиленной охраной отправлены в район. Вместе с ними отправили и Колоска.

Ранним утром комсомольцы, возвращаясь из района, привезли Сергуньку. Я припал к его ледяной щеке, и слезы неудержимо хлынули из моих глаз.

Он был в моих сапогах и пальтишке, а шапки не было. Верно, затерялась в овраге.

❄

Я подошел к двухэтажному зданию школы. Рядом с парадным входом на стене скромная табличка:

«Средняя школа
имени Сережи Лихолая».

Я медленно шел по длинному коридору. Сегодня, в выходной день, здесь было тихо, и шаги отдавались гулким эхом... «Школьный музей», — прочитал я на одной двери, остановился и дернул за ручку.

Дверь открылась, и я сразу же увидел Сергуньку — его автопортрет, нарисованный простым карандашом почти полвека назад.

Портрет был взят под стекло, в аккуратную багетовую рамочку. Знакомые веселые глаза Сергуньки, казалось, поблескивали под стеклом озорными огоньками.

Потом я осмотрел и другие реликвии музея: рисунок Сережи, копию протокола совета дружины о его зачислении в список Ленинского пионерского отряда. И на самом видном месте в простой застекленной рамке старательной рукой выполненную печатными буквами копию письма из Москвы председателю Лысогорского облисполкома: «Примите срочные меры к обеспечению одеждой и обувью пионера села Голодаевка Сережи Лихолая — сына погибшего коммунара. Выясните, есть ли необходимость определить мальчика в детдом».

★

— Стой! — И раздался выстрел.

ВЫ ОТКРЫЛИ ЭТОТ НОМЕР ЖУРНАЛА, и с первой страницы глядит на вас Ленин.

Портрет Владимира Ильича — первый рисунок из серии работ художника С. Трофимова. Пристально и внимательно смотрит Ленин, и есть что-то одобряющее в его взгляде.

Вот Ленин над картой, разостланной на столе. Любой из вас любит рассматривать карту, придумывать путешествие подальше.

Но тут Ленин склонился над той картой России, на которой нет ни аэродромов, ни дорог, по которым так быстро мчатся автобусы с путешественниками наших дней. По рекам и морям тоже не на чем было плавать в годы разрухи. Тогдашние самолеты по ночам не летали, но если все же представить себе такой полет над молодой Страной Советов, то тьма без единого огонька открылась бы под крылом. Россия того времени скупо освещалась керосином, не было тогда мощных электростанций. И думал Владимир Ильич о том, как оживить эту карту, как преобразовать отсталую Россию в мощное социалистическое государство.

Ленина окружили рабочие. О чем же они так оживленно толкуют? Наверно, они погружены в заботы своих дней. Но может быть, рассуждают и про нас с вами, представляя себе жизнь в далекие от них семидесятые годы. А этот мальчик, он, наверно, теперь рассказывает, как видел однажды Владимира Ильича и даже слышал его.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Рисунки А. БОРИСОВА

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Кто в почете?

Сколько разных знаков отличия, сколько орденов придумали люди за последние столетия!

Орден Белого Орла и орден Благотворительности, орден «За гражданские заслуги» и орден Почетного легиона, орден Хризантемы и орден Бани, орден святого Великомученика и Победоносца Георгия и орден святого равноапостольного князя Владимира!..

Кого только не награждали монархи этими орденами!

Полководцев и сановников, придворных дам и офицеров, чиновников и помещиков, а прежде всего, конечно, себя — свою царственную особу!

Как только не носились эти ордена!

И на груди, и на бедре, и на цепях, и на лентах, а, например, знак английского ордена Подвязки надевался на левую ногу чуть ниже колена!

За что только они не давались!

За веру и благочестие, за верность королю и терпение, за благотворительность и добродетель...

Одного только знака отличия, одной награды никак не могли придумать люди.

Награды за труд.

Один только человек всегда оставался без орденов, без наград, без почета.

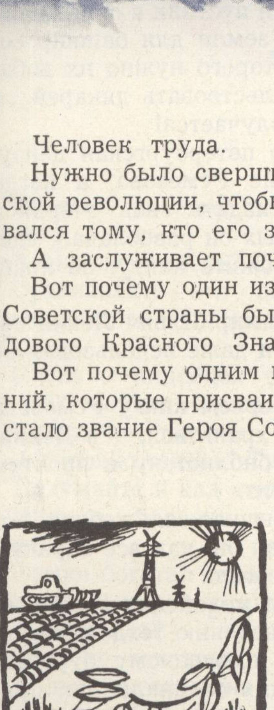
Человек труда.

Нужно было свершиться Великой Октябрьской революции, чтобы наконец почет достался тому, кто его заслуживает.

А заслуживает почета тот, кто трудится.

Вот почему один из самых первых орденов Советской страны был назван орденом Трудового Красного Знамени.

Вот почему одним из самых почетных званий, которые присваиваются в нашей стране, стало звание Героя Социалистического Труда.

Орден Ленина

Как-то в Англию на практику приехала группа советских преподавателей. Среди них была и преподавательница английского языка из Таджикистана Мамлакат Нахангова.

Она разговаривала с английскими учеными о сонетах Шекспира, об английской литературе, и профессора удивлялись потом, когда узнали, что Мамлакат Нахангова — дочь простых крестьян-хлопкоробов. И мало кто из ее собеседников обращал внимание на маленькую орденскую ленточку, приколотую у нее на платье.

А между тем, узнай они, за что, когда и какой орден получила Мамлакат, им бы наверняка пришлось удивиться неизмеримо больше.

Потому что орден, которым была награждена Мамлакат, был высшим орденом Советского Союза — орденом Ленина.

Потому что вручила страна ей этот орден за ударную работу на хлопковых полях.

Потому что получила Мамлакат этот орден, когда была всего лишь одиннадцатилетней девочкой, третьеклассницей, пионеркой.

Вот как это произошло.

Осень 1935 года выдалась на редкость урожайной.

В колхозах не хватало людей, чтобы собрать выращенный хлопок. Школьники помогали взрослым.

И в школе, где училась Мамлакат, было решено создать комсомольско-молодежную бригаду. Попасть в эту бригаду считалось большой честью. Мамлакат, конечно, брать не хотели. Уж больно маленькой была она в то время.

Но Мамлакат была не только маленькой, но и настойчивой.

Она добилась своего и вышла в поле.

И вот тут-то третьеклассница Мамлакат Нахангова поразила всех.

Мамлакат, маленькая Мамлакат собирала хлопка столько, сколько никогда еще не собирал ни один взрослый!

Наступил такой день, когда она выполнила восемь норм!

Теперь, в наше время, таким рекордом никого не изумишь. Теперь и сорта хлопка стали другими, и собирают его по-другому. Нынче даже неопытный сборщик соберет за день не меньше.

Но тогда многие люди просто не верили, что за день можно собрать столько хлопка. Они даже приезжали издалека, чтобы взглянуть на удивительную девочку.

А секрет Мамлакат был прост. Она собирала хлопок двумя руками!

Вот так секрет! Что ж тут удивительного?

Но в том-то и дело, что издавна дехканин

привык собирать хлопок одной рукой, другой он придерживал корзину. Мамлакат первая изменила этой привычке.

Вскоре Мамлакат поехала в Москву на Всесоюзный съезд колхозников.

В Кремле Михаил Иванович Калинин вручил таджикской школьнице высшую награду страны — орден Ленина.

В те годы вся наша страна, все советские пионеры знали имя Мамлакат.

И не удивительно! Попробуйте-ка отыскать другую такую девочку.

Старая книга

Как-то — было это еще до революции — один житель Уфы, большой любитель и собиратель книг о Башкирии, решил приобрести заинтересовавшую его книгу.

Книга называлась «Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране». И написал ее Николай Ремезов.

Каково же было удивление собирателя книг, когда вдруг оказалось, что книги этой нет ни среди залежалого товара в книжных лавках Уфы, ни у продавцов старых изданий, ни в личных библиотеках.

Книга исчезла!

Ее не было даже в городской Уфимской библиотеке. Кто-то выкрал ее из библиотеки.

Кто-то скупил ее в лавках и уничтожил. Кто-то похитил ее из частных собраний.

Но кто?

Догадаться было совсем нетрудно: это сделали те люди, которые не хотели, чтобы книга стала известна читателю. Это сделали те люди, о ком писал Николай Ремезов в своих очерках. А писал он о крупных дельцах, скупавших башкирские земли.

Обман, подкуп, угрозы — все пускалось тогда в ход ради наживы.

Вот один из героев книги Ремезова: купец Уткин. Целую Бельгию купил он у башкир! То есть, конечно, не настоящую Бельгию, а землю, по территории почти равную этому европейскому государству.

И знаете за сколько?

Всего за восемь тысяч рублей!

Как же это делалось? А вот как:

«Он выпоил башкирам несколько бочек вина, так что они подписывали пьяные, сами не зная что; дарил или вернее подкупал «горлохватов»-мироедов деньгами, чаем, сахаром, вином и т. п.».

Вам ничего не напоминает этот кусочек из книги Ремезова?

Мне, например, напоминает.

Разве не так же обходились в Америке белые поселенцы и земельные спекулянты с индейцами, когда захватывали их земли?

«При проверке подписей господин Фок (а господин Фок был посредником между башкирами и купцом Уткиным в этой сделке) на башкир кричал, топал ногами, грозил засадить под арест, в тюрьму, а старшина Давлетбаев до того разошелся, что грозил прямо сослать несогласных на Амур!»

Не торопитесь обвинять господина Фока и господина Уткина. Оказывается, они делали все это для пользы башкир. Нет, не о своей наживе заботились они — они заботились о башкирах!

«Политики внушили и пустили в обращение гениальную идею, что земли для башкир составляют бремя, от которого нужно их избавить, чем и облагодетельствовать дикарей...»

Вот как ловко все получается!

Не удивительно, что петербургская цензура запретила сочинение Ремезова, а когда ему все-таки удалось издать свои очерки в Москве, дельцы, которых он разоблачал, сделали все, чтобы уничтожить книгу, по крайней мере в Уфе.

И не случайно Владимир Ильич Ленин заметил книгу Ремезова и даже использовал ее в своей работе.

Но давайте теперь вернем книгу Ремезова туда, где положено ей храниться, — в Ленинградскую Публичную библиотеку и прочтем совсем другой документ.

Этот документ — обычная служебная характеристика. И написан он, как все характеристики, суховато и сжато:

«Саид Гареев обучал индийских специалистов методам расчета, ведению техдокументации, читал лекции по наклонному бурению на курсах для индийских специалистов, принимал участие во внедрении новой техники и новых процессов в бурении скважин...»

Кто же такой этот Саид Гареев — человек, который читает лекцию индийским нефтяникам и владеет новейшей техникой?

Саид Гареев — внук тех самых башкир, которых спаивали, которых обманывали, которых сгоняли с собственной земли. Вот кто такой Саид Гареев!

Разве не кажется это чудом?

И дело, конечно, не в одном только Саиде Гарееве.

Дело в судьбе целого народа.

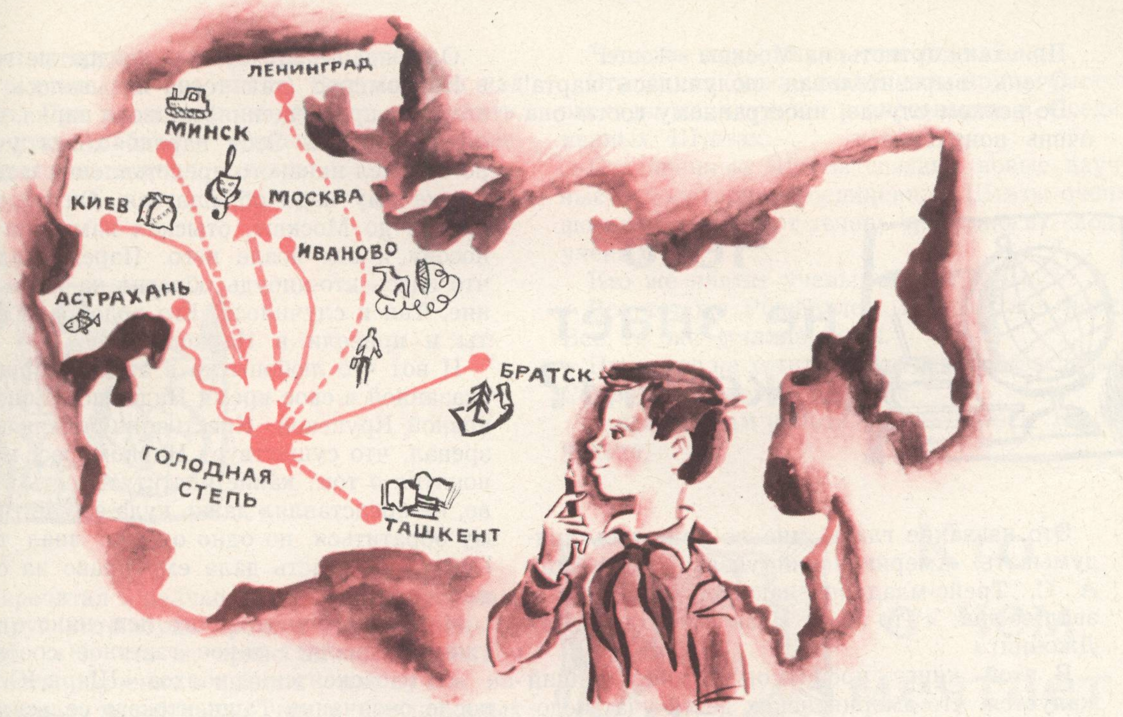
Когда нужно очень коротко сказать о многом, люди пользуются цифрами. Люди вычерчивают диаграммы и составляют таблицы.

Сколько городов было на башкирской земле до революции? Четыре города.

А сколько теперь? Семнадцать.

Сколько вузов было в Башкирии? Ни одного.

А сколько теперь? Восемь.

Сколько ученых было в Башкирии? Ни одного.

А сколько теперь? Около пяти тысяч.

Сравнивайте эти цифры, сопоставляйте, размышляйте над ними, делайте свои выводы.

Сколько индейцев было в американском штате Северная Каролина двадцать лет назад? Двадцать две тысячи.

А сколько теперь? Три с половиной тысячи.

Подумайте и над этими цифрами.

Нищета, болезни и голод сделали свое дело.

Самая богатая страна мира не смогла спасти целый народ от вымирания.

Не смогла?

Или не захотела?

Только революция избавила башкирский народ и многие другие народы нашей страны от подобной судьбы.

Карта дружбы

Вот какой случай произошел однажды в узбекском колхозе, на орошенных целинных землях Голодной степи.

И раньше, еще до революции, пытались орошать здесь пустыню, только селиться на этих землях узбекам царское правительство не разрешало. Как оросят землю, отвоюют крошечный кусок у пустыни, так заселяют эту землю русскими переселенцами.

А теперь? Теперь новые каналы пролегли через Голодную степь. Раскинулись поля хлопка. В колхозах рука об руку работают и узбеки и русские.

И вот как-то в один такой колхоз приехал турист-иностранец. Побывал он в гостях у знатного тракториста.

— Я слышу, вы в Советском Союзе, — сказал иностранец, — часто говорите, что живете единой братской семьей. Что все ваши народы поддерживают друг друга и помогают друг другу. Но ведь все это общие слова. А если говорить конкретно, как лично вы представляете себе эту помощь, эту поддержку? Как лично вы ее чувствуете?

— Вам на этот вопрос лучше ответит мой сынишка, — сказал тракторист. — Он специалист в этом деле. Ну-ка, покажи гостю свою карту.

Сын тракториста, школьник, и правда, принес карту. Это была обыкновенная географическая карта Советского Союза. Вся она была разукрашена какими-то стрелками, линейками, пунктирами, маленькими рисунками. И все эти стрелки и линейки сходились в одном месте — в Голодной степи.

Оказывается, мальчишка надумал отмечать на карте, что и откуда получает их поселок, как связан их колхоз со всей страной.

Привезли тракторы из Белоруссии — протянулась ниточка к Минску. И на рисунке — крошечный трактор.

Отправился парень из колхоза учиться в Ленинград — и побежала линеечка к Балтийскому морю. А по линеечке шагает человечек с портфелем.

Поступили учебники из Ташкента — еще одна стрелка на карте.

Приехали артисты из Москвы — еще.

Очень выразительная получилась карта!

Во всяком случае, иностранному гостю она очень понравилась.

Чего не знает Джонни?

Это название главы мне не пришлось придумывать. Американский ученый профессор А. С. Трейс-младший написал книгу и назвал ее так: «Что знает Иван и чего не знает Джонни?»

В этой книге профессор Трейс-младший жалуется, что американских детей учат недостаточно хорошо.

В этой книге он ставит в пример наши советские школы.

Вот, оказывается, какая штука: вы ходите в школу, учите уроки и, конечно, уверены, что никого, кроме вашей учительницы да еще папы с мамой, не интересует, как и чему вас учат. Какие учебники вы читаете. Какие отметки стоят против ваших фамилий в школьном журнале.

А оказывается, американские ученые пишут об этом толстые книги.

Да что там ученые! Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов, то самое ЦРУ, которое засылает своих шпионов во все страны мира, очень интересуется тем, как учатся советские школьники, как идут дела в советских школах. Целые доклады сочиняют об этом сотрудники ЦРУ.

Почему?

Ясно почему. Ведь от того, чему и как учат сегодня школьников, зависит, какие будут у страны завтра инженеры. Какие ученые. Какие агрономы. Какие солдаты и офицеры. А значит, зависит и то, какой будет страна — сильной или слабой.

Было время, когда Соединенные Штаты Америки называли страной инженеров.

Было, да прошло.

Теперь в нашей стране институты выпускают инженеров в четыре раза больше, чем в Соединенных Штатах. А будут выпускать еще больше. Потому что в нашей стране все учатся — и рабочие и колхозники — кто в школе, кто в техникуме, кто в вечернем институте.

Это право — право учиться — дала нашему народу Великая Октябрьская революция. О том, чтобы в нашей стране все — и рабочие и крестьяне — получали образование, очень заботился Ленин.

Однажды — это было в двадцатые годы — в Наркомпрос (так тогда называлось Министерство просвещения) привели парня, крестьянина-бедняка. Этот парень хотел учиться, но не имел никакого представления о том, куда же ему надо обращаться. Он просто добрался до Москвы, отыскал памятник Ломоносову и сел возле него. Парень надеялся, что здесь кто-нибудь обратит на него внимание. Так и случилось. Его подобрали студенты и привели в Наркомпрос.

И вот что любопытно в этой истории, рассказанной в свое время Надеждой Константиновной Крупской. Крестьянин-бедняк не подозревал, что существует Наркомпрос, не имел понятия о том, какие институты есть в Москве, не представлял даже, куда ему идти, к кому обратиться, но одно он уже знал твердо: Советская власть дала ему право на образование.

И теперь, спустя много лет, никого из нас уже не удивляет такое газетное сообщение:

«В избаскентский колхоз «Шарк Юлдузи» после окончания Ташкентского сельскохозяйственного института приехала Халида Ходжамбердыева. Молодой агроном, в свое время посланная в Ташкент на учебу по рекомендации колхоза, она вернулась в родной кишлак и приступила к исполнению своих обязанностей.

Пятнадцать дипломированных специалистов работают нынче в колхозе «Шарк Юлдузи». Все они местные уроженцы. В вузах Ташкента, Самарканда, Андижана, Ферганы учатся многие юноши и девушки из этого колхоза».

Самое обычное сообщение. Что ж тут удивительного? С каждым годом все больше высокообразованных людей становится в нашей стране. Все больше ученых.

Совсем недавно американцы привезли к нам в страну выставку, которая так и называлась: «НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — США». И, конечно, как каждая страна, когда устраивает свою выставку, Соединенные Штаты старались показать здесь все, чем могут гордиться. Электронные обучающие машины, магнитофоны, цветные диапозитивы, отлично изданные учебники... Кое-чему здесь можно было и позавидовать.

У входа на выставку всем посетителям вручали красочные брошюры-проспекты.

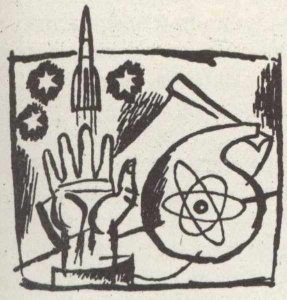
В этом-то проспекте я и прочел такие горделивые строки: «К осени 1968 года число негров в Алабамском университете достигло 308».

308 негров в Алабамском университете! Разумеется, это изумительное достижение, если учесть, что несколько лет их даже на порог сюда не пускали.

308 негров в Алабамском университете! Разумеется, это прекрасное достижение, если забыть на секунду, что всего в этом университете учится ни много ни мало — четырнадцать с лишним тысяч студентов.

Четырнадцать тысяч и триста восемь.

Сравните эти два числа. Задумайтесь над ними. При этом еще не мешает вспомнить, что штат Алабама — южный штат, где большинство населения — негры.

Кто сильнее в науке

Перечитал я сейчас написанное и подумал: а вдруг кто-нибудь прочтет эти страницы и решит: «Ну что ж, право на образование у нас есть, обучение в школах у нас лучше, инженеров у нас больше, чем в Соединенных Штатах, студентов — больше, институтов — больше, можно, мол, на этом и успокоиться».

Нет, успокаиваться рано.

Я хочу рассказать вам о книге, написанной западногерманским профессором.

Называется она «Соревнование к 2000 году».

В этой книге западногерманский профессор Фриц Бааде старается предсказать, как сложится дальше соревнование между капиталистическим и социалистическим миром.

И знаете, как заканчивает он свою книгу?

Пусть, пишет он, в социалистических странах число промышленных отлично знающих свое дело рабочих превысит число таких же рабочих в странах Запада.

Пусть, это неизбежно.

Пусть в социалистических странах станки и все техническое оборудование станет совершеннее.

Пусть. И с этим готов согласиться Фриц Бааде.

— Только одного ни за что нельзя допустить, — говорит он.

Интересно, чего же?

— Нельзя допустить, чтобы социалистические страны превзошли мир капитализма в области науки, образования, культуры.

— Это будет катастрофа! — говорит Фриц Бааде.

Вот что, оказывается, сильнее всего страшит этого ученого.

Вот почему сейчас Соединенные Штаты все больше и больше денег тратят на научные исследования.

В одном научном, очень серьезном журнале мое внимание совсем недавно привлек небольшой график. Этот график просто не мог не броситься в глаза — так круто, почти отвесно взмывала вверх изображенная на нем кривая линия.

Что же показывала эта линия?

Эта линия показывала, как круто растут расходы на научные исследования в Соединенных Штатах.

Соединенные Штаты создают новые научные лаборатории. Соединенные Штаты очень высоко оплачивают теперь труд многих своих ученых.

Кто же платит ученым за их работу?

Все тот же Рокфеллер. Все тот же Форд. Все те же миллиардеры.

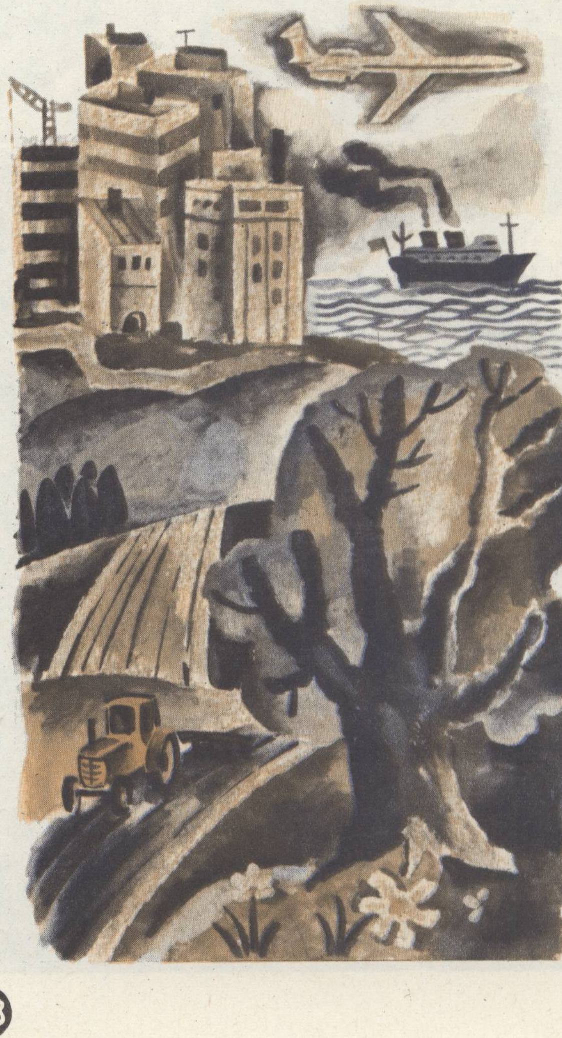
Ни за что не хотят они уступать Советскому Союзу первенство в науке.

А потому нам нельзя успокаиваться. Никак нельзя.

Кто о чем мечтает

У каждого из нас есть своя мечта, свое главное желание, своя цель в жизни.

Один мечтает изобрести новую машину.

Другой — побывать на Камчатке.

Третий — научиться играть на гитаре.

Разные есть желания — большие и маленькие. У кого как. Те, которые исполняются быстро, и те, ради исполнения которых надо трудиться годы.

Но есть у нас, у всех советских людей, и одна самая главная мечта — общая.

Эта мечта владела Томасом Кампанеллой, когда он писал о фантастическом государстве Солнца.

Ради этой великой человеческой мечты работали и боролись Карл Маркс и Владимир Ильич Ленин.

Теперь эта мечта стала нашей общей целью.

Эта цель — построить самое справедливое общество — коммунистическое.

Такой общей мечты, общей цели нет у Соединенных Штатов. В Соединенных Штатах каждый заботится сам о себе, каждый мечтает лишь о своем личном благополучии. Только лучшие люди Соединенных Штатов вступают на путь борьбы против несправедливости, против мракобесия и угнетения.

Об этом говорят сами американцы.

«В настоящее время у нашей нации отсутствуют великие цели, к достижению которых следует стремиться», — говорят они.

«Мы богаты товарами, но бедны духом», — говорят они.

Вот почему теперь все чаще и чаще американское общество называют «больным обществом».

Иное дело — в нашей стране.

Мы отлично знаем, ради чего живем, ради чего работаем. Мы уверенно идем к своей цели.

И в этом наше великое преимущество. ★

ЗДЕСЬ, НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ, рассказ художника С. Трофимова продолжается.

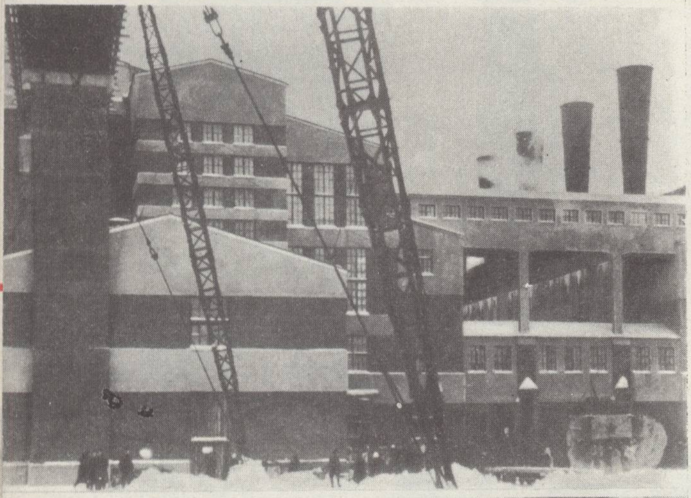
Вот идут сестра Ленина Мария Ильинична, чуть ее обогнав, Владимир Ильич с Яковом Михайловичем Свердловым. Они тепло одеты — зима. Они разговаривают, и по тому, как задумчивы и сосредоточенны их лица, можно предположить, что беседа немаловажна.

Так они шли втроем, разговаривая, видимо, на какое-то важное заседание. День прошел, заседание окончилось, наступил вечер... Вот Ленин один в комнате, один перед темным окном, за которым ночь. Лицо его мягко, задумчиво, спокойно, так бывает, когда думаешь о чем-то хорошем... Но неизвестно, отдых ли впереди или ждут его еще часы неотложной работы.

Работающим запечатлел его художник на рисунке, который вы видите в конце номера на странице 74. Это последний рисунок серии, однако рассказ художника, конечно же, не оканчивается здесь, а продолжается и продолжается...

Пройдет ночь, наполнятся солнцем окна. ...И вот уже заливаются звоном многочисленные служебные телефоны, по многочисленным проводам летят сюда, в Кремль, взволнованные и озабоченные голоса, сообщающие самые серьезные, самые сегодняшние сведения, которые требуют самого безотлагательного и решительного ответа. Начнется новый рабочий день главы рабочего государства — день, может быть, совсем обыкновенный и все-таки исторический, как все дни.

Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
По землям,
покрытым
и снегом
и жнивьем,
Вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
Думаем,
дышим,
боремся
и живем...

ТАК НАЧИНАЛОСЬ

Ты видишь на снимках:
Урок в школе ликбеза.

Одна из первых электростанций — Шатурская.

Крестьяне проводят электричество в свою деревню.

Начало, ты знаешь, было нелегким. У революции была тьма врагов. Приходилось стоять насмерть, чтобы революция жила.

Но вот уже 20 ноября 1922 года в холодном, нетопленном зале Большого театра Владимир Ильич Ленин обратился к своим слушателям со словами:

— Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», — и это казалось ему просто... Теперь перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача.

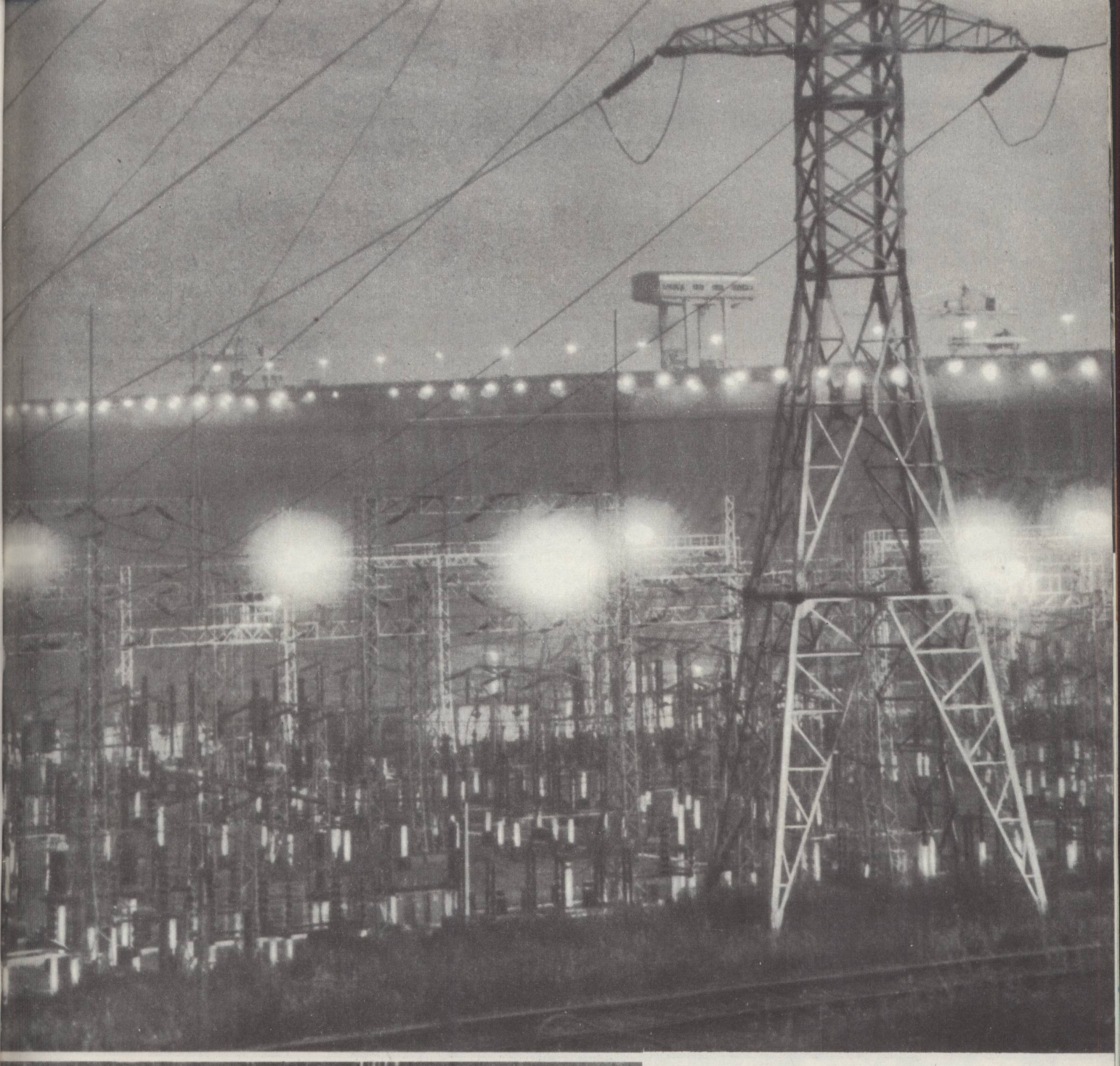
Ленин разрабатывал тогда план превращения нашей страны — голодной, отсталой, разоренной, полудикой — в сильную, богатую, культурную — страну социалистическую.

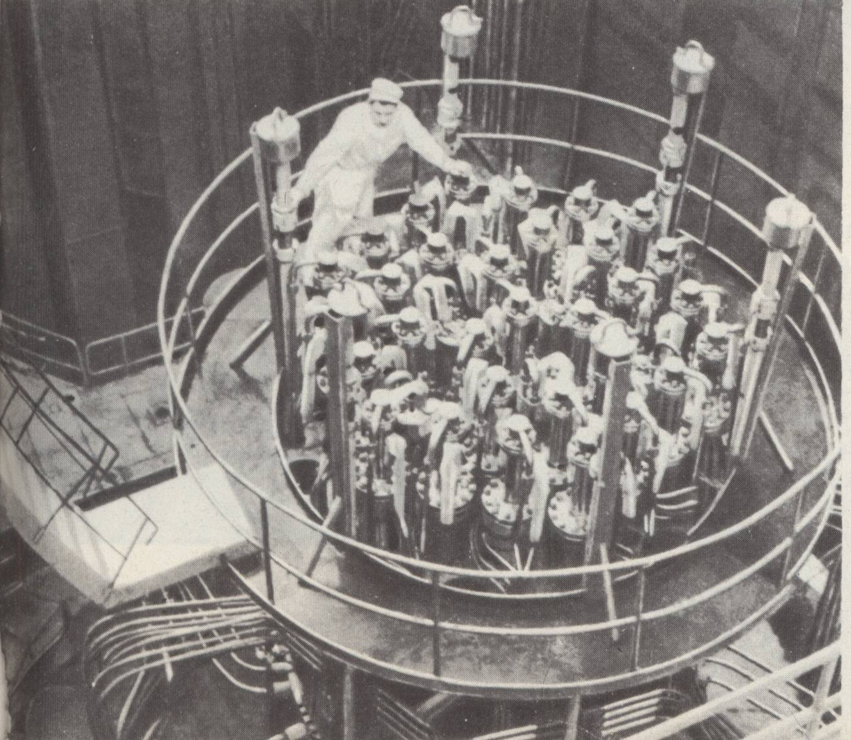
Было немало людей, называвших замысел Ленина несбыточным, а его самого — мечтателем.

Ленин же верил в силы коммунистов, в энергию миллионов рабочих и крестьян — новых хозяев России.

Он видел в этих людях, одолевающих премудрость арифметики, завтрашних ученых, инженеров, врачей, поэтов.

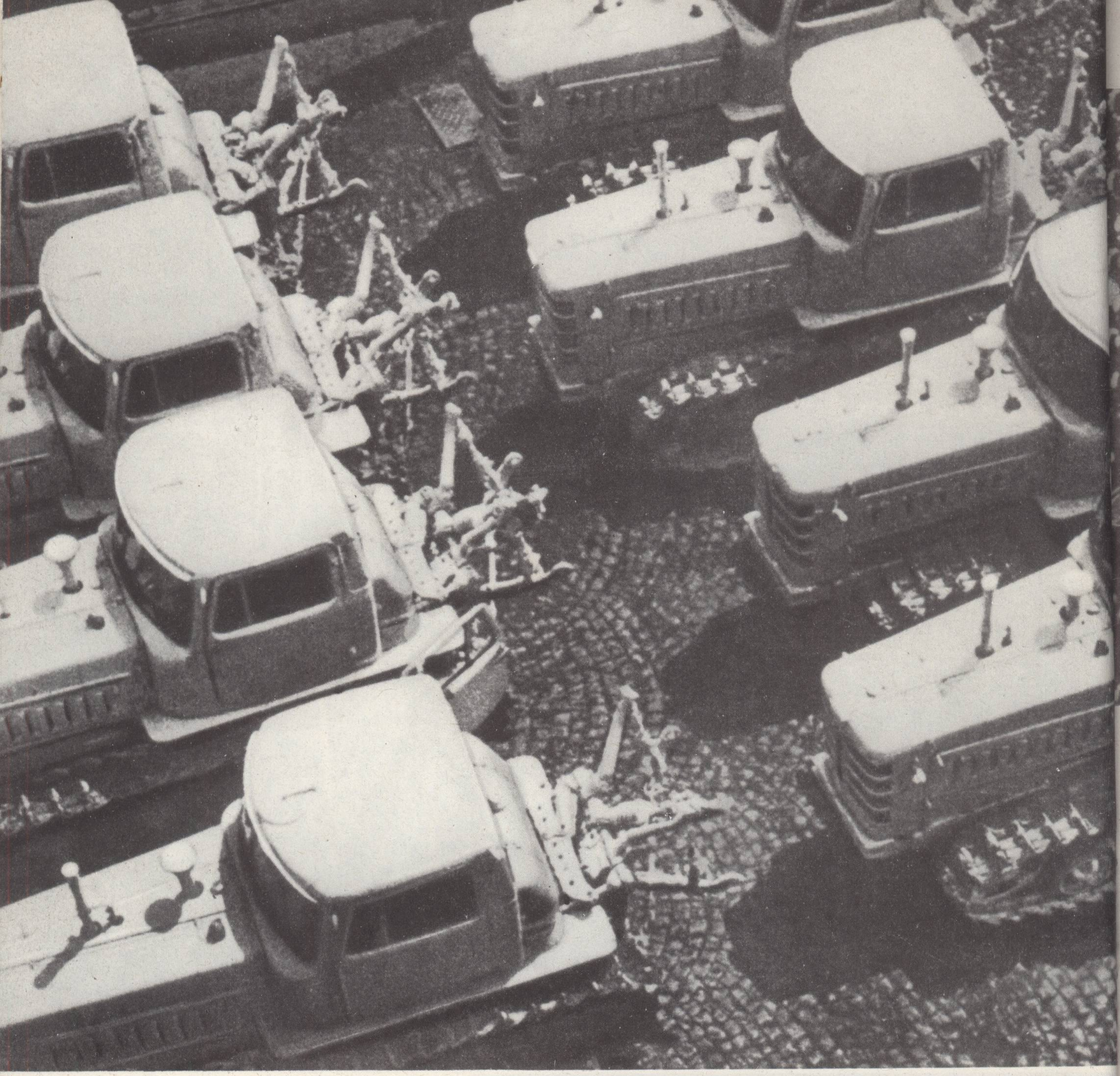
Он знал, что вот эти первые советские электростанции будут казаться маленькими и слабенькими в сравнении с теми, что вырастут следом за ними.

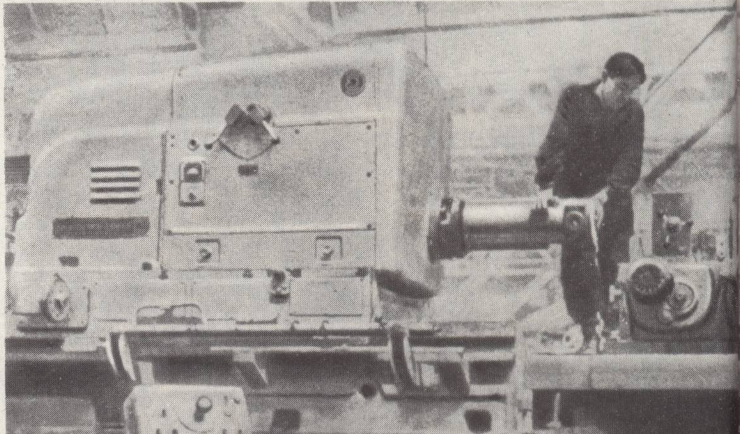

ТАК ПРОДОЛЖАЕТСЯ:

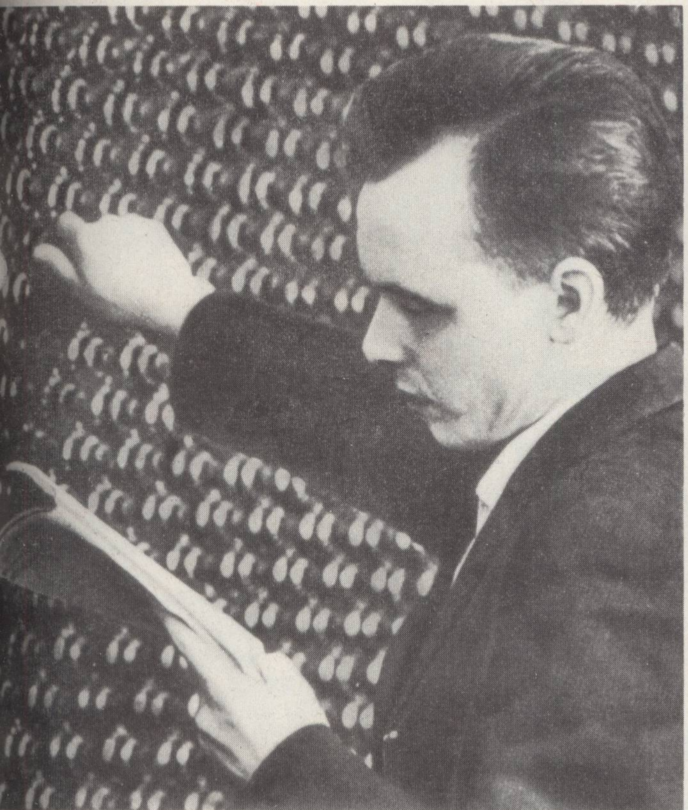
Два гиганта энергетики из многих десятков электростанций. Братская ГЭС и атомная Ново-Воронежская.

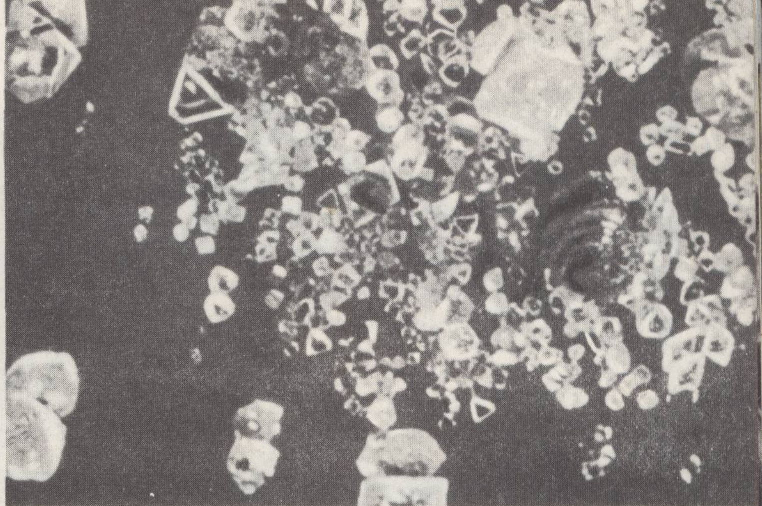

Он понимал: объединение труда крестьян — это путь к завтрашней социалистической деревне.

...Когда человек в свои двенадцать лет видит на снимках, в кино, по телевизору или просто из окна огромные заводы, вереницы автомобилей, безбрежные поля, яркие звездочки спутников в небе, ему может показаться, что все это было всегда. Не так-то легко представить, как необыкновенно, неузнаваемо изменилась за полвека наша страна, строившая себя по планам, разработанным Лениным.

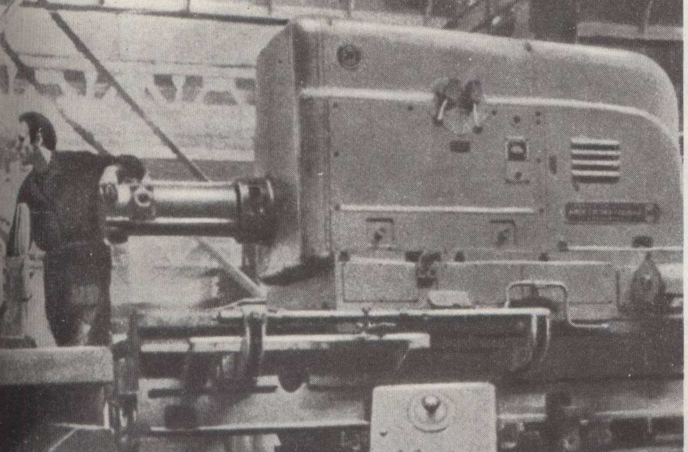
ТАК ПРОДОЛЖАЕТСЯ:

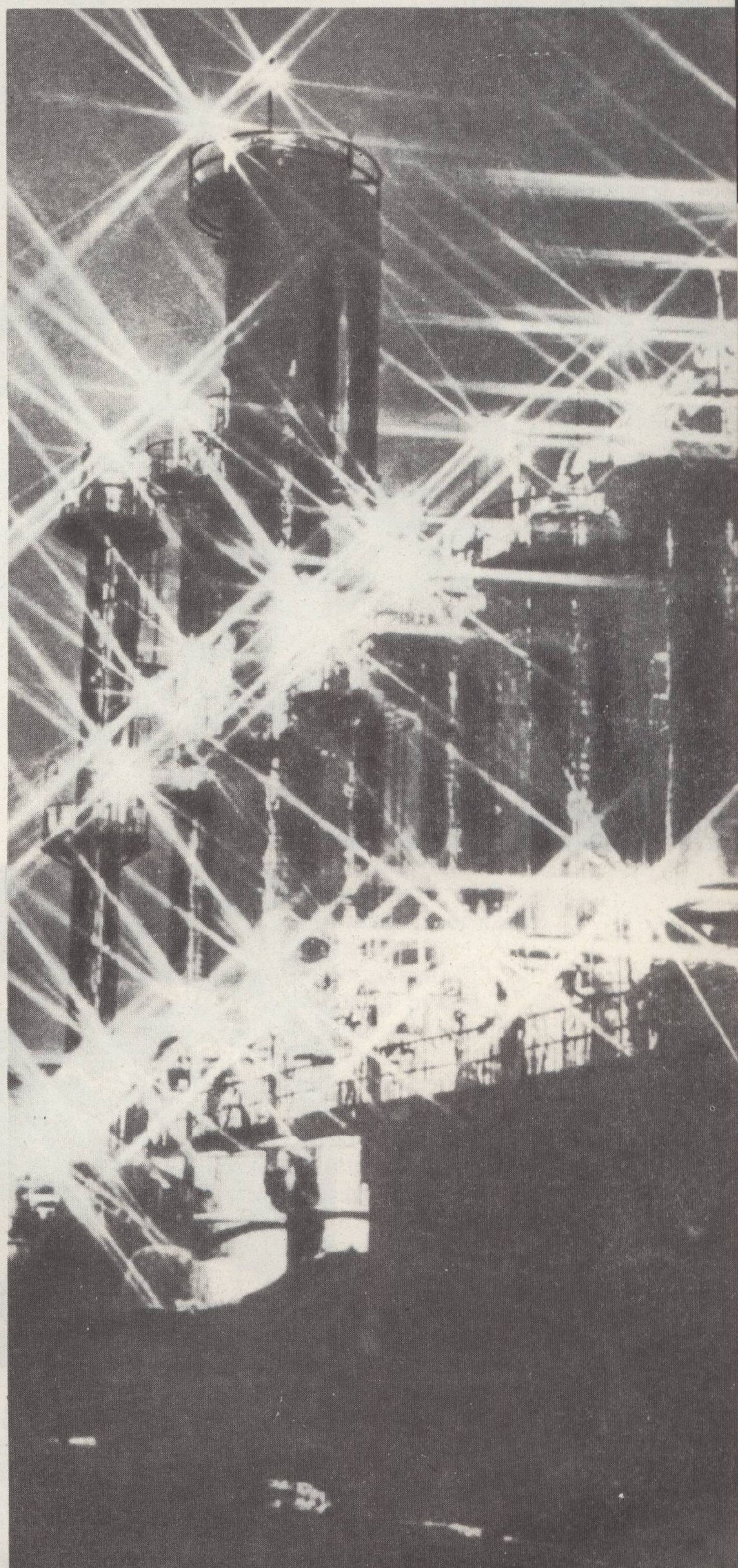
Новые машины
идут на поля.

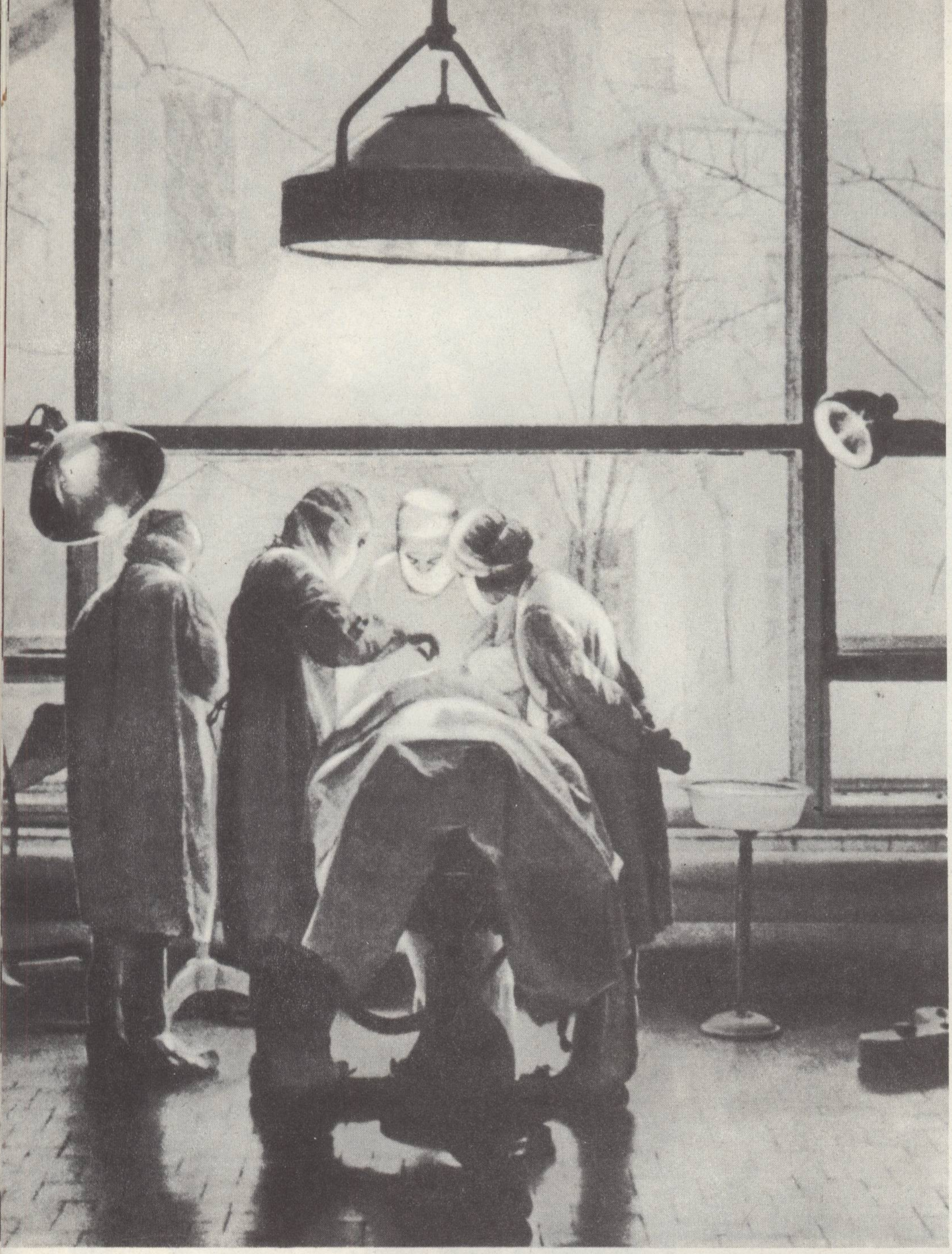
Электронно-
вычислительная
техника помогает
управлять хозяйством.

Якутские алмазы
дают новую
силу станкам.

Новейшие достижения
техники меняют облик
заводов и станков.

ТАК ПРОДОЛЖАЕТСЯ:

Открытия в науке служат людям.

Растут новые города.

Знания нужны повсюду.

Сегодня Ленинская мечта зовет нас дальше! За тем, что создано, построено, открыто сегодня, мы уже ясно различаем контуры коммунистического будущего. «Коммунизм, — говорил Ленин, — есть высшая... производительность труда добровольных, сознательных, объединенных передовой техникой рабочих».

И коммунисты, и комсомольцы, и весь наш народ заняты сегодня осуществлением этой задачи, заняты строительством будущего.

КОГДА ПОЮТ «ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Хаджи-Бекир **МУТАЛИЕВ**

Перевел с ингушского **Ю. КУШАК.**

Когда поют
«Интернационал»,
Когда встает
В одном порыве зал,
Я вижу бой
У Зимнего дворца,
Костры, штыки,
Поющего бойца...

Когда поют
«Интернационал»,
Я чувствую в тот миг,
Что рядом встал
Мой черный брат.
О, как поет мой брат,
Как будто бьет
Над Африкой в набат!

Когда поют
«Интернационал»,
Хочу, чтоб сын
Быстрее подрастал.
Ты слышишь, сын,
Мой славный человек,—
В последний бой
Идет Двадцатый век!

НАКАНУНЕ

Юрий **СМИРНОВ**

Ночи темной, ненастной
Неуютен покров.
У мостов—желто-красный
Свет солдатских костров.
Воды морщатся хмуро,
Дует ветер с Невы.
Мерзнет ангел понурый
И чугунные львы.
Где гербы и порталы,
Нынче в окнах темно,
Будто эти кварталы
Опустились на дно.
Опустели проспекты,
Что пестрели вчера.
На углу — в штатском некто
Да юнцы-юнкера.
Их возня бесполезна.
Чьей-то твердой рукой
Словно пущен железный
Механизм часовой.
До того, как стемнело,
Не спеша, деловит,
Крейсер серое тело
Втиснул в невский гранит.
Трехлинеек приклады
Неумело прижав,
Потянулись отряды
От фабричных застав.
Шаг их мерен и грузен,
Снег и наледь крошит.
Юнкерами не узнан,
Ленин в Смольный спешит.

Одна девочка-
третьеклассница сказала:
«Ленин —
самый главный человек
в нашей стране
и самый любимый».
Очень хорошо сказала
эта девочка,
и ты наверняка
думаешь так же.
И дома и в школе
тебе рассказывали о Ленине.
Первую книжку о Ленине
ты прочитал еще в детском саду,
а теперь прочитал
уже много книг.
И из всего,
что ты узнал, услышал, увидел,
родилось твое убеждение,
что с именем Ленина
связано все
самое доброе и мудрое,
честное и чистое.
Вся твоя жизнь,
все твои дела,
все твои помыслы
связаны с Лениным.
Об этом и говорят ребята,
твои сверстники,
в своих рассказах и стихах,
которые ты прочтешь
на этих страницах.

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

РАССКАЗЫ, СТИХИ
И РИСУНКИ РЕБЯТ

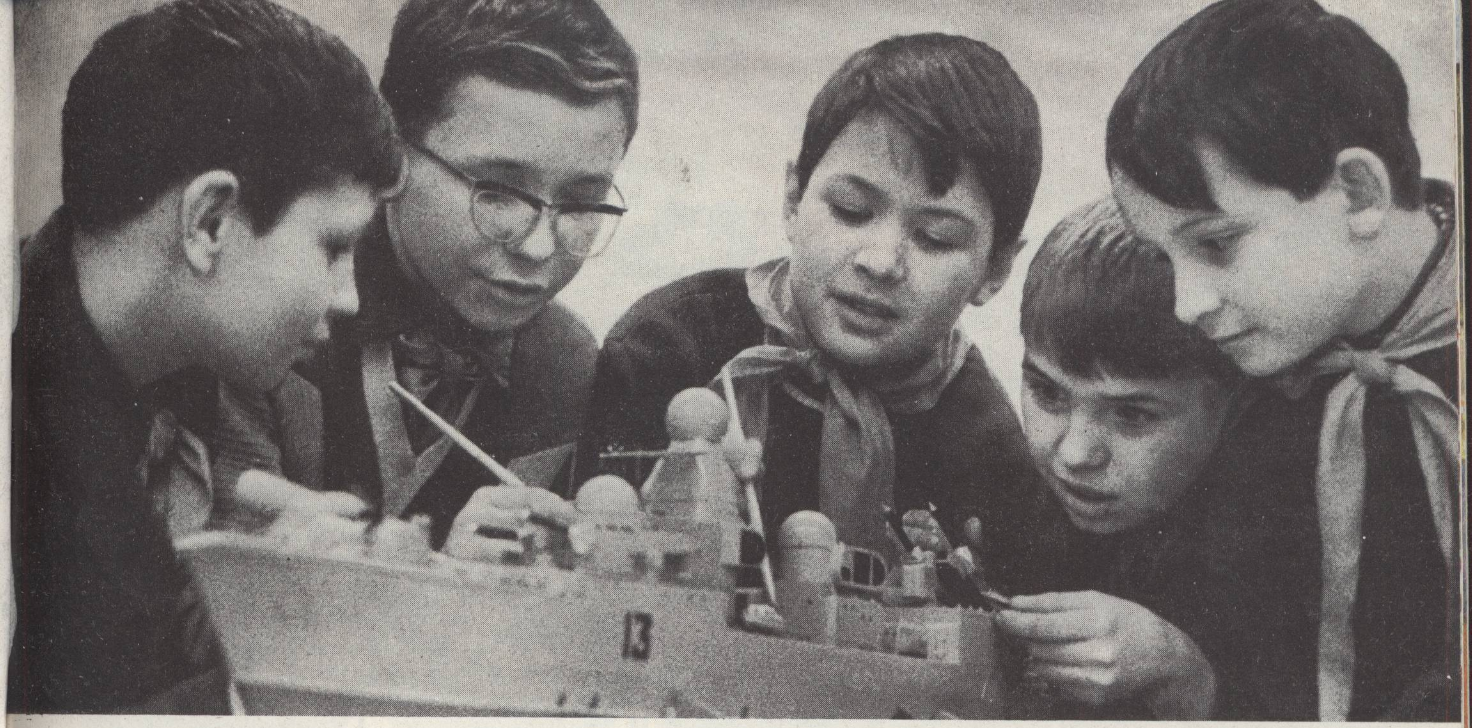
Горсть земли

Солнце вынырнуло из-за горизонта, багровое и большое, и пески заалели, точно обрызганные кровью. Что-то тревожное, угрожающее почудилось мне в этом пейзаже. Я живо представила себе, как пятьдесят лет назад английские интервенты привезли сюда двадцать шесть бакинских комиссаров, двадцать шесть большевиков-ленинцев, измученных, но непокорившихся, твердых духом. Здесь, на двести седьмой версте, на перегоне между Ахча-Куймой и Перевалом, пятьдесят лет назад прогремели выстрелы.

Вот он, вечный памятник им, гордый, торжественный и простой. А вокруг — люди, сотни людей в красных галстуках. Из разных городов и сел съехались они сюда.

Нас, бакинских пионеров, сорок человек. Из рук в руки бережно передаем мы небольшую шахтерскую лампу. В ней светится огонек. Это частица того огня, что навечно зажжен в память героев-комиссаров в нашем городе. Мы передаем его пионерам из Ашхабада. Пусть и у них никогда не гаснет этот священный огонь.

По очереди подходим к памятнику и застываем в почетном карауле. Отсюда, с возвышения, далеко во все стороны видна пустыня. Она и та же, что была тогда, в тревожном восемнадцатом, и совсем другая. Новая жизнь, новые люди живут здесь. Да и само слово «пустыня» значит в наши дни совсем не то, что раньше. Пески те же, но среди барханов выросли белые города, встали буровые вышки, их прорезали дороги и линии электропередач. Всеми богатствами своими воздает этот край людям за их великий труд. И все

ВЕРНЫ

это — тоже памятник им, коммунистам, героям, отдавшим жизнь за счастье людей, за справедливость, за ленинскую правду.

Там, у памятника, я насыпала в пилотку горсть земли. Может быть, сюда, в этот песок, упала пятьдесят лет назад капля крови одного из двадцати шести расстрелянных. Сейчас земля эта в пионерской пилотке лежит под стеклом в нашем школьном музее среди других бесценных экспонатов: старых газет, документов, оружия...

Горсть рыжеватой земли... Я не могу смотреть на нее без волнения. Мне кажется, что она рассказывает о трагических великих днях.

Ира ВИЦЕНКО,
г. Баку, Азербайджанская ССР.

*

Мне кажется, в тот вечер он один
Стоял, смотрел в окно, ходил по кабинету
И думал он о том, что фронту тяжело,
Что Свердлов умирает,
Что у детей голодных и осьмушки хлеба
нету
И, как ни бейся, керосину не пошлешь
в село.

Он, может, взял так лет на пятьдесят
вперед,
Он, может быть, хотел увидеть наш
семидесятый,
Представить живо воплощение мечты
И нас с тобой себе представить.
Увериться, что все, что было ему свято,
Святым считаем я и ты.

В Замоскворечье зеленел закат.
Заря вдали бледнела, но не исчезала,
По небу шли дымы, работал Михельсон,
В Кремле курсанты пели.
Он слышал их давно из совнаркомовского
зала.
Курсанты пели, песней прогоняя сон.

Саша ОМЕЛЬЧЕНКО, 14 лет,
г. Винница, Украинская ССР.

Наш молодой город Октябрьский

Наш город стоит на берегу реки Ик. Эта река небольшая. Когда едешь через Ик по мосту, то, как бы ты быстро ни ехал, все равно это займет не меньше двух часов. Никто из приезжих сначала не верит, а потом узнают, что по реке проходит граница времени: сидишь на левом берегу — одно время, сидишь на правом — на два часа больше. Такая река есть не в каждом городе.

Город наш очень молодой, ему всего двадцать четыре года, но он очень красивый. В нем нет кривых и косых улиц, маленьких, покосившихся домишек, какие бывают в старых городах. Улицы в нем прямые, как стрела. В нашем городе никто не сможет заблудиться. Раньше на месте нашего города не было ничего, просто степь и овраги.

На пионерском сборе вожатая рассказывала нам, что таких новых городов

город волшебный. Только мы, к сожалению, еще не летали на самолете. Это нам рассказали другие ребята.

Саша МОНОВ, Вова МАКСИМОВ, Венера ХАСАЕВА,
г. Октябрьский, Башкирская АССР.

Спасибо

Как жаль, что родилась я
поздно,
Что до сих пор еще мала!
Родись я на столетье
раньше,
Я б видеть Ленина могла.
И все-таки, хотя он умер,
Мы разговариваем с ним
И, вспоминая часто-часто,
Ему спасибо говорим.

Окуте ЯНКАУСКАЙТЕ, 13 лет,
Ванджегальская средняя школа,
Литовская ССР.

СТРАНА МОЯ
Гриша Ифраимов,
г. Баку.

очень много теперь в нашей стране. А рядом с ними огромные электростанции, химические заводы, металлургические комбинаты. И мы думали и говорили о том, что, когда вырастает такой новый город, как наш, страна наша становится еще сильнее. И если бы Владимир Ильич Ленин увидел все эти новые города, заводы, электростанции, он бы очень порадовался

Самое главное в нашем городе — это добыча нефти. Октябрьский потому и вырос на пустом месте так быстро, что здесь были найдены огромные месторождения нефти. Нефть — очень важная вещь в жизни страны. Те, кто не имеет с этим дела, может быть, даже не представляют, как нужна нефть, но в нашем городе об этом знают все. Когда находят нефть, она бьет из скважины фонтаном. А когда уже напор становится меньше, у скважины работают насосы, которые откачивают нефть. На каждом таком месте стоит нефтяная вышка. У нас в городе этих вышек очень много, а за городом еще больше. Куда ни глянешь, куда ни пойдешь — везде вышки. Вечером на вышках загораются огни, и если подлететь в это время к Октябрьскому на самолете (у нас есть свой аэродром), то сверху может показаться, будто

Там, где сливаются Арагва и Кура

Если вы захотите познакомиться с богатой культурой Грузии, с ее стариной, приезжайте к нам в Мцхету. Мцхета — древнейшая столица Грузии. А если вас новое интересует, все равно приезжайте в Мцхету. Именно здесь, у стен нашего города, началась первая в Грузии советская стройка и выросла пер-

ПРАЗДНИК
Коля Карпусенко, 13 лет,
г. Петрозаводск

НЕФТЯНЫЕ ВЫШКИ В МОРЕ
Гарик Мурзаян, 14 лет,
г. Баку.

вая в республике гидроэлектростанция. Старая Грузия и Грузия новая встретились в Мцхете и подружились.

В апреле двадцать первого года Владимир Ильич написал письмо коммунистам Кавказа. Он просил их «сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения». По плану ГОЭЛРО нашу Земо-Авчальскую ГЭС построили второй, после Волховской. И в 1927 году она начала работать.

Первое время ей некуда было отдать сполна свою богатырскую силу — ни в Мцхете, ни в Тбилиси, ни в других соседних городах не было больших фабрик и заводов. Но построили гидроэлектростанцию, и стали они расти, как грибы после дождя,— так говорит директор электростанции товарищ Хетагури. И первая электрифицированная железная дорога появилась тогда и колхозам ГЭС помогала расти. А через пять лет по вечерам, когда и в домах зажигались огни, у Земо-Авчальской ГЭС уже не хватало мощности, чтобы «накормить» всех электроэнергией. Сперва пришлось расширить ее, потом построить ей в помощь еще одну электростанцию на реке Риони, а потом и другие гидроэлектростанции.

Недавно нашей Земо-Авчальской ГЭС исполнилось сорок два года. Сколько прекрасных дел она совершила! Приходим мы на какой-нибудь крупный завод, просим рассказать его историю, а нам говорят, что начинается она со строительства ЗАГЭС. Едем в колхоз, расспрашиваем, как он стал миллионером, и опять слышим в ответ, что и тут не обошлось без помощи ЗАГЭС. А рабочие, техники, инженеры самой гидроэлектростанции называют ее своим университетом.

Земо-Авчальская ГЭС носит имя Ленина, и стоит она на нашей древней земле, как величественный памятник ленинской мечте и нашему советскому времени.

Марине **ЗУРАБИШВИЛИ**,
г. Мцхета, Грузинская ССР.

Мой отец

Отец у меня ничем не особенный. На улице или где-нибудь на него не станут показывать и говорить: «Вон, смотрите, кто пошел». Идет, и пускай идет — лицо обыкновенное.

Приходит отец домой из своего леспромхоза и нам с матерью ничего не говорит, сядет и ест суп. И видно, что он устал. Зимой лес валить тяжело, хотя в леспромхозе есть механизмы: пилы распиливают, тракторы волокут целые стволы. Но и людям достается — целый день на морозе, и смотри в оба. Со всех сторон деревья падают высокие-высокие. Машина думать не может, думать должен человек. Отец придет с работы, а еще долго от него отходит мороз и усталость. А потом все равно он с нами разговаривает. И ходит со мной в воскресенье на лыжах и на охоту берет. Я многое, что отец говорит, помню. Идем по лесу, он смотрит во все стороны, молчит, а потом говорит:

— Смотри, Урхо, никто еще здесь не шел, мы первые. Я иду, а за мной ты идешь. И прошла лыжня наша ровная, она другим людям понравится, они по ней тоже пойдут, им будет легко. Это мы с тобой для них лыжню пробили.

Я иду за отцом. Спина у него большая, синий свитер натянут, отец сильный и умный. К нему часто ходят люди поговорить. Мы летом ездили в Москву. Мама и тетя Валя все по магазинам хотели ходить, только и беспокоились: ГУМ, ЦУМ, «Детский мир». А папа ладонью по столу как хлопнет, я думал, вся гостиница сломается, и сказал:

— Не забивайте голову! Ехали Москву смотреть, а не магазины. Мы с Урхо едем на Выставку.

Там над входом стоит скульптура. Отец поднял голову, и я поднял.

— Смотри, Урхо, мужчина и женщина подняли сноп. Видишь?

— Вижу.

— Самое тяжелое на земле — это сноп.

Понял, что я не понимаю, и объяснил:

— Хлеб выращивать трудно, эти люди добрые к земле и к человеку.

На Выставке мы смотрели космические корабли и машины для леспромхозов. Таких машин у нас пока нет, но отец сказал, что будут.

Мы ели мороженое из серебряной вазочки на тонкой ножке, и я прямо на стуле заснул. Вот как мы нагляделись всего интересного.

Не знаю, как про отца рассказать, получается обыкновенный человек. Только это не так, я просто не знаю, как рассказать.

Под Октябрьский праздник моего папу выбрали секретарем партийной организации. Теперь поняли, какой мой отец?

Урхо **ВИИХАНЕН**,
пос. Тельга, Карельская АССР

МЫ ИДЕМ В ШКОЛУ
Вале Баркаускайте,
г. Вильнюс.

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЕР
Галя Гавриленко, 12 лет,
г. Петрозаводск

Мы горами рождены

Наши горы — край чудес,
Их покрыл еловый лес,
Их красой пленится каждый,
Кто увидит хоть однажды.
Плещут воды родника,
Сладкозвучны, бледно-сини,
Струи чисты, как снега
На заоблачной вершине.
Слиты, соединены
Наши души с этим краем.
«Мы горами рождены»,—
Так мы песню запеваем.

Ахмаджан МАХМАДОВ,
Таджикская ССР.

На берегу океана

Мы живем на самом берегу Великого Тихого океана. Наш адрес короткий: Камчатка, село Жупаново. Прежде от Москвы до нас приходилось добираться не один месяц. А теперь «ИЛ-18» за тринадцать часов домчит вас до Петропавловска-Камчатского, и вертолет или местный самолет за сорок минут доставит в поселок. А летом можно доплыть еще и на пароходе. И зимой и летом гудит прибоем океан. В отлив он тихий, журчащий. А в прилив бьется о скалы и шипит пеной, рассыпается брызгами. Во время шторма огромные волны вышвыривают на берег целые деревья и обломки скал.

Зимой метет такая пурга — от дома до школы не дойдешь, заблудишься. Дома заносит по крыши. Приходится утром откапываться, чтобы выйти на улицу. И если ветер улегся, мы надеваем лыжи, иначе на урок опоздаешь.

А вообще зимой у нас ездят на собаках. Без них тут пропадешь: снег глубокий, рыхлый. Лошадь проваливается по грудь. А собакам ничего! Весело бегут.

Дорог у нас нет — кругом сопки, вулканы, обрывы, непроходимый кустарник, лес.

Не подумайте, что у нас глушь. В нашем

УРОК ФИЗКУЛЬТУРЫ
Реня Лаврентьев, 10 лет,
г. Ленинград

поселке — большой рыбокомбинат. Может быть, вы покупали консервы с маркой «Жупаново»? Их у нас делают. Отцы многих наших ребят уходят на рыбный промысел в океан, а остальные взрослые работают на рыбокомбинате. Есть у нас клуб, там через день показывают новые фильмы. Есть почта, парикмахерская, ателье, кафе, разные магазины. Самолеты привозят нам письма и посылки, продукты, даже холодильники, мебель, радиоприемники...

И вот еще чем замечателен наш поселок: он расположен на границе с Кроноцким государственным заповедником. Это самый большой в Советском Союзе заповедник. И одна из его достопримечательностей — роща Пихты грациозной. Такой пихты нет больше на всей Камчатке. Не растет. Ученые считают, что она тут сохранилась еще с доледникового периода. Поэтому сотрудники заповедника охраняют пихту и изучают ее. А мы им помогаем: посадили у себя на пришкольном участке такие пихты и следим, как они прививаются. Это очень важно для науки. И для нас важно. Мы знаем: во всех городах и селах ребята сажают деревья. Большой Ленинский сад украсит нашу страну ко дню рождения Владимира Ильича. Нам приятно, что и мы в общем строю и мы участвуем в экспедиции «Заветам Ленина верны».

Оля ОЛЕШКОВА,
Камчатка.

ОСЕННИЕ ДАЛИ
Сережа Тонарев, 10 лет,
г. Ульяновск.

СЕРЕЖКА

Сережка жил этажом ниже. Наш дом был старенький, двухэтажный, всего восемь квартир. Соседи знали многое друг о друге, помогали друг другу в тяжелую минуту. А каждую весну весь наш дом выходил с лопатами и граблями во двор. Мы превращали свой небольшой двор в цветущий сад. А когда вся работа заканчивалась, садились на скамейку, и нам, детям, давали по прянику. Это были самые вкусные пряники на земле.

Мы жили рядом, вместе ходили в школу. Я в первый, Сережка в шестой класс. Уроки готовили во дворе. Хорошо помню, как он заставлял меня выписывать палочки. Я писала в два раза больше этих злосчастных палочек, чем надо, я знала: пока Сережка готовит уроки, мне будет скучно слоняться одной по двору.

За нашим домом в садике, где какая-то старушка каждое воскресенье выбивала половики, росли одуванчики. У старушки был очень суровый вид, я ее побаивалась и недолюбливала. А цветы манили, первые майские цветы, выросшие на глазах. Я сказала об этом Сережке, и через несколько минут у меня в руках очутился желтенький букет. Простые полевые одуванчики, которые не славятся красотой и от которых становятся грязными ладошки.

Помню, в третьем классе я сидела во дворе и учила какое-то стихотворение. Рядом со мной сидела Сережкина мать. Вдруг открывается калитка и входит Сережка. На нем черный красивый костюм, и сам он сияет, как начищенный самовар. В этот день его приняли в комсомол, и он имел все основания так сиять.

А потом мы получили новую квартиру. Переехали. А через год Сережку забрали в армию.

Он должен был вернуться этой осенью. Но осень уже прошла, уже зима, а он все не возвращается. Трудно, страшно поверить в то, что он никогда не вернется.

Сережка был сапером. Нужно было

ОКРАИНЫ НОВОСИБИРСКА
Сережа Нева, 9 лет,
г. Новосибирск.

обезвредить несколько мин, оставшихся со времени Великой Отечественной войны. Неожиданно мина зашипела у него в руках. Оставались секунды. Рядом работали друзья, такие же ребята. Секунды шли. Он успел крикнуть: «Берегись!» Сделал несколько скачков и лег на нее.

Ребята остались живы, Сережка — нет. Он сумел уберечь от смерти других, себя — нет. Сапер ошибается один раз, Сережка погиб, не ошибившись.

Жил в Москве парень. Учился в школе, озорничал, ничем не отличался от других. Но пришел час, когда он должен был сказать, для чего живет. И он сказал.

Наташа **ОРЛОВА**,
г. Москва.

Мать Ленина

Своих детей ты пламенно любила,
Была им так близка и так нужна!
И только правду говорить учила,
И правда помогала им всегда.

С тобой делились радостью и горем,
Тебе они доверить все могли,
О чем мечтали и за что боролись,
За что на казнь и в тюрьмы смело шли.

Была ты с ними в камерах и ссылках,
Вдали от Родины ты в мыслях их жила —
Любимая и самая родная,
Мудрейшая и самая простая,
Мать Ленина, Володи, Ильича.

Малахат **КЕРИМОВА**, 13 лет,
г. Баку, Азербайджанская ССР

★

На груди у пионера
Галстук алый так горит!
А в груди у пионера
Сердце смелое стучит.

Пионер под красным флагом
С красным галстуком всегда.
Он всегда — товарищ мира,
Мира, счастья и труда.

Ира **НАЗАРОВА**, 9 лет,
г. Баку, Азербайджанская ССР.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД
Боря Лысиков, 8 лет,
г. Электросталь.

Юрий РЫТХЭУ

Говорит Чукотка!

Вэтгавыркын Чукотка!

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Как метеоролог стал шаманом

На берег уэленской косы гигантские волны обрушивали тонны ледяной воды.

В тот страшный вечер все жители нашей яранги сидели готовые к тому, чтобы схватить самые необходимые пожитки и убежать на другой берег лагуны или на высокое место, куда не могли достать волны разъяренного Чукотского моря.

Вместе со школьной сумкой я прижимал к себе пионерский галстук с блестящим металлическим значком.

Каждый член нашей большой семьи брал с собой только то, что ему было дорого. Дядя, у которого я воспитывался, — свое охотничье снаряжение, тетя — иглы, нитки из оленьих жил, а бабушка, хранительница домашнего очага и традиций, держала в руках отполированного дельфина из потемневшей моржовой кости и что-то шептала над ним.

Я прислушался. В словах бабушки ничего нельзя было разобрать, и тогда я догадался, что говорит она тем самым шаманским языком, который недоступен для понимания простого смертного. Каждый уважающий себя чукча всегда старался обзавестись двумя-тремя заклинаниями на всякий трудный случай. Чем беднее был человек, тем меньше он знал заклинаний, а богатые оленеводы и владельцы байдар и вельботов не только приобретали заклинания десятками, но порой даже держали приближенного шамана, который обслуживал своего хозяина, когда на него надвигалась беда.

Так мы и сидели в тот памятный вечер, пока в нашей яранге не раздался веселый голос

метеоролога полярной станции Юрия Сергеевича:

— Буря утихает!

Откуда он мог узнать то, чего не могли предсказать даже могущественные шаманы и молчаливый костяной дельфин, лежащий на сморщенной ладони бабушки? Я уже догадывался, что весть об улучшении погоды принесли Юрию Сергеевичу его многочисленные приборы на метеорологической площадке. Мы были там на экскурсии и даже присутствовали на запуске метеорологического змея, поднявшего приборы в заоблачную высоту.

Действительно, когда мы с дядей вышли в ревущий ветер, нам показалось, что ураган стал тише, и брызги волн больше не долетали до нашей яранги.

На следующий день море замерзло. Мой дядя пошел на полярную станцию и понес Юрию Сергеевичу горностаевую шкурку в благодарность за предотвращение стихийного бедствия. Юрий Сергеевич, разумеется, не принял подношения и попытался объяснить, почему он не может взять подарок.

В таком причудливом смешении нового и старого проходило детство моего поколения. Нам все казалось интересным, а вот нашим отцам трудно было менять устоявшиеся представления.

Следы человеческой речи

После этого случая дядя потребовал, чтобы по вечерам я учил его читать и писать. Трудно было рукам, привыкшим держать тяжелый

китовый гарпун, водить маленьким карандашом по бумажному листу! В перерывах дядя устало рассказывал:

— Когда я был в твоем возрасте, эскимос из Наукана Нутетеин — он сейчас стал знаменитым певцом — говорил, что умение наносить на бумагу и различать следы человеческой речи такое же прирожденное свойство белого человека, как и его светлая кожа, светлые волосы... Только русские большевики показали нам, что это не так. Когда в нашем Уэлене установили Советскую власть, к нам приехал учитель, которого звали Скорик...

Скорик... Петр Яковлевич Скорик. Нет ни одного чукчи, которому не было бы знакомо это имя. Оно стоит на книгах для чтения на чукотском языке, на грамматике нашего родного языка. Он приехал на Чукотку в конце двадцатых годов совсем молодым парнем, только что окончившим педагогическое училище. Это он организовал первый пионерский отряд у нас на Чукотке и был его первым вожатым.

Много лет спустя я встретился с Петром Яковлевичем Скориком. Это случилось в Анадыре весной 1948 года. Через год я стал его студентом в Ленинградском университете. Сейчас Петр Яковлевич Скорик — профессор, доктор филологических наук, руководитель сектора в Институте языкознания Академии наук СССР.

От него я узнал, как пришел на Чукотку первый букварь. Книга печаталась в московской типографии, а Петр Яковлевич собирался в очередную поездку на Чукотку. Печатание букваря затягивалось, и Скорику грозило опоздание на ледорез «Литке», который отходил на север из Владивостока. Тогда он пошел в типографию, собрал комсомольцев и рассказал им о Чукотке, о народе, который никогда не видел напечатанным свое слово. Всю ночь проработали московские комсомольцы, и к утреннему поезду, который отходил на восток, было доставлено несколько сот экземпляров первого букваря, который тогда назывался «Челгыкалекал», что значит «Красная грамота».

Именно с этой книги и пошла наша грамота, и все последующие книги на чукотском — и повести и стихи чукотских литераторов, которых с каждым годом становится больше, — младшие родственники «Красной грамоты».

Однажды в Каире на одной пресс-конференции меня спросили, сколько профессиональных литераторов пишут на чукотском языке. Членов Союза писателей нас двое — я и моя землячка Антонина Кымытваль. Всего чукчей — тринадцать тысяч человек. Цифры небольшие, но, когда я ответил, что на Чукотке на каждые шесть с половиной тысяч человек населения приходится один профессиональный писатель, это произвело большое впечатление.

Ленинский свет

Мы писали первые буквы при свете жирника — каменного светильника, заправленного тюленьим жиром, с фитилем из мха, и мечтали о том, когда и до нас дойдет великое чудо — электрический свет.

Полярники построили в Уэлене ветровой электродвигатель. Охотники, возвращаясь с моря, останавливались и, задрав головы, смотрели на большие металлические крылья и гадали, как это ветер, от которого гаснет пламя в жировой лампе, будет зажигать свет. Высказывались разные предположения: одни говорили, что свет будет такой силы, что яранги, сшитые из шкур, попросту сгорят, превратятся в пепел. Другие считали, что все это болтовня: разве стеклянный баллончик, укрепленный под потолком, может светить так, как солидные колпаки керосиновых ламп?

Иногда обращались ко мне, все-таки я ходил в школу и что-то должен был знать. Я же, со слов учительницы, знал только одно: это ленинский свет, а сама лампочка называется «лампочкой Ильича». И это я сказал всем, кто в этот вечер был в нашей яранге. Дядя сказал:

— Ну, если это ленинский свет, то можно в него поверить.

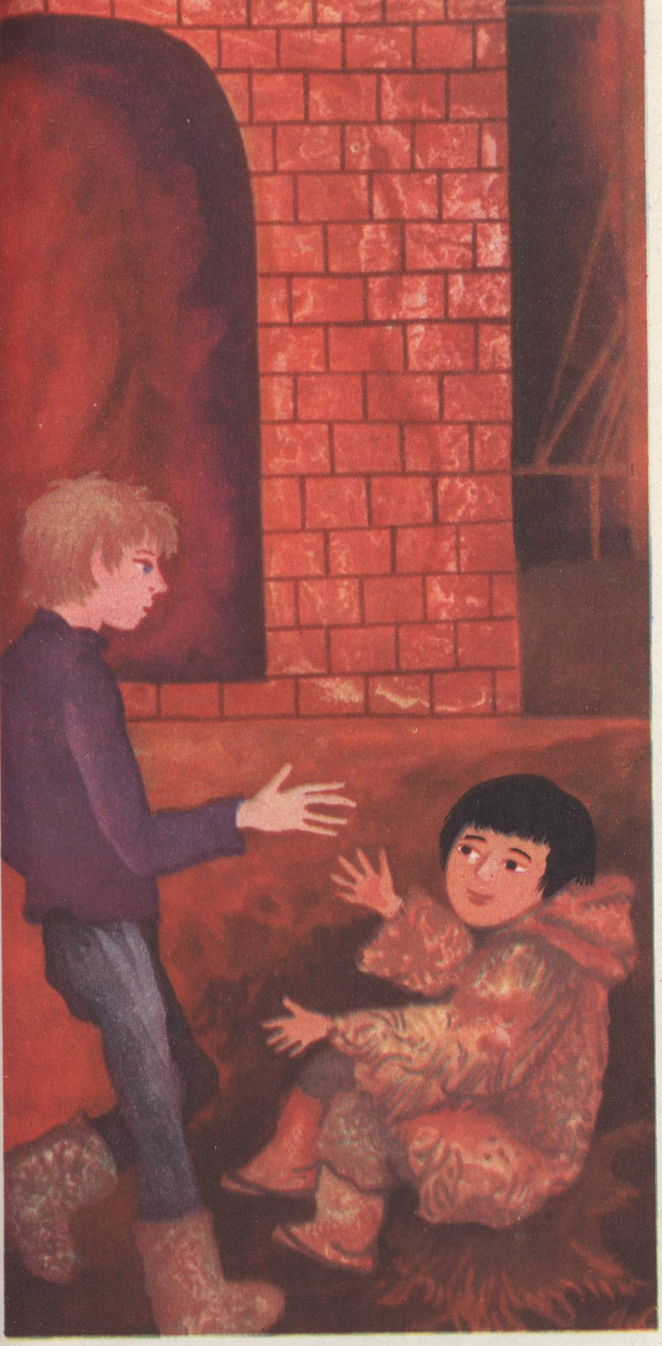
И когда в нашей древней яранге вспыхнул ослепительный свет электричества и бабушка от неожиданности выронила свой амулет — дельфина из моржовой кости, сомнениям пришел конец, все в один голос сказали:

— Зажегся ленинский свет.

Необычно выглядел в тот вечер Уэлен, самый дальний населенный пункт Советской страны. Я ходил по освещенным электричеством улицам между яранг и тогда еще немногочисленных деревянных домов и мои мечты унеслись в далекое будущее, когда вместо низких, закопченных, приземистых яранг встанут настоящие дома и на снег беспрепятственно хлынет, как льется свет луны и звезд, полярного сияния, свет электрических лампочек.

Мы сжигаем богов

Еще при рождении бабушка повесила на мою шею маленькую костяную собачку на крепкой оленьей жиле. В школе я всячески

старался прятать ее, хотя у многих моих сверстников было полным-полно разного рода амулетов, которые должны были охранять нас от всяких напастей. Но мне казалось, что нельзя одновременно носить и амулет и пионерский галстук.

Однажды мы сидели с моим другом, русским мальчиком Петей, сыном пекаря, перед большим огнем в пекарне и ели свежий, только что вынутый из печи хлеб. Было жарко, и я развязал шнурок, затягивающий ворот верхней камлейки. Амулет выглянул из-за ворота, Петя увидел его.

— Это кто? — живо спросил он.

— Мой охранник, — ответил я.

Я тогда еще недостаточно знал русский язык и не нашел другого слова.

— Какой маленький охранник! — воскликнул Петя и взял в руки костяную собачку.

Но оленья нитка была короткой. Тогда я вытащил из-за пояса охотничий нож и дал Пете срезать амулет.

Друг долго рассматривал собачку и расспрашивал меня, как она меня охраняет. Но я сам этого не знал и ничего не смог объяснить Пете.

Налюбовавшись собачкой, Петя вернул ее мне, но у меня уже не было охоты вешать ее на шею. А в печи пылал жаркий огонь, и тут я взял да и бросил собачку в белое кипение огня.

— Он бросил в печь охранника! — закричал Петя и позвал отца.

Дядя Коля выслушал рассказ сына, покачал головой и сказал:

— Чудеса! Сожжение богов!

Для того, чтобы двигаться вперед, пришлось нашему народу отказываться от очень многого, что казалось прежде вечным и незыблемым.

В послевоенные годы началось на Чукотке строительство новых домов. В уэленской школе вместе со мной учился Тымнэвакат. Он был хорошим учеником, а потом стал хорошим строителем. Он ставил дома на месте старых яранг.

Но не все охотно переселялись в новые дома. Некоторые долго жили на два дома: старики в яранге, а молодежь в доме. Старались найти изъяны в деревянной комнате: и слишком просторно — хочется все время ходить из угла в угол, и боязно спать на кровати-подставке, и многое-многое другое.

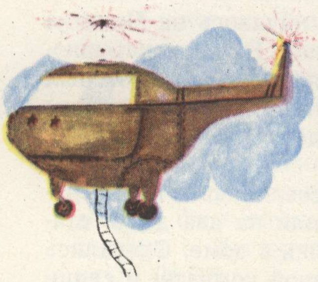
А недавно в одной из чукотских школ среди школьных расписаний я увидел объявление: «Сегодня состоится экскурсия в ярангу». Я решил пойти вместе с ребятами в древнее жилище, в котором прошло мое детство. Учительница тоже застала ярангу и рассказывала со знанием дела, где стоял очаг, из чего шили спальный полог, где была кладовая. Яранга, которую мы осматривали, давно была оставлена ее обитателями, переселившимися в новый дом. Но кое-что из вещей не нашло применения в доме: каменные жирники, навеки угасшие, оленьи постели, камни для очага... На стене смотрел на школьников идол в человеческом обличье, с пустыми деревянными глазами, а рядом висела почти такая, как была когда-то у меня, костяная собачка, может быть, немного побольше.

Я каждый год совершаю путешествие по Чукотке, и каждый раз это — путешествие в будущее, потому что далекая окраина нашей страны так стремительно движется вперед, что сегодняшние достижения быстро становятся вчерашним днем.

Однажды полярной ночью мне пришлось лететь из Иультина на север. Самолет был маленький и тихоходный. Он долго набирал высоту в стылом воздухе, пока взял курс на берег Ледовитого океана. Внизу — заснеженная горная тундра. С одной стороны горела заря, которая в это время года

никогда не превращается в солнечное утро, а на другой — стояла полная луна. Через некоторое время мы вдруг увидели далеко под нами удивительное сияние. Словно небесные сполохи опустились на землю и распростерлись на снежных просторах. Мы поначалу так и думали, что это какое-нибудь природное явление. Но это, как нам сказал летчик, были огни нового колхозного селения «Полярник». Испокон веков по Амгуэмской тундре кочевали потомственные оленеводы. Это была самая глубинная тундра. Оленеводы остались оленеводами, но пользовались они электричеством, жили в хороших, удобных домах. Одним словом, были людьми нашего века, нашими современниками.

Когда я был в Канаде, то рассказал об этом одному художнику. Он внимательно выслушал меня и со вздохом заметил:

— Как это печально! Север теряет свое очарование. Вы только представьте: обыкновенные дома вместо живописных яранг и снежных хижин, электричество вместо жировых ламп, транзисторный приемник вместо шаманского шепота, моторные лодки вместо парусных байдар... Это ужасно!

Я не стал ему разъяснять, как это прекрасно, что сегодняшняя Чукотка не экзотическая окраина страны, а ее неотъемлемая современная часть со всеми убедительными признаками социалистической жизни.

Боги, которые осеняли своим призрачным покровительством жизнь чукчей, выброшены. Им не нашлось места в сегодняшней жизни.

От яранги до дворца

Первый вожатый Петр Яковлевич Скорик и его товарищи проводили первые пионерские сборы в ярангах.

Наш отряд уже имел настоящую пионерскую комнату. Мы знали, что такое пионерский лагерь, и летом уезжали в бухту Лаврентия.

На берегу собирались вельботы и байдары со всего побережья. Родители провожали детей в неведомую жизнь и стояли поодаль, пока мы строились на линейку под мачтой с красным флагом.

Морской ветер развертывал флаг нашего лагеря, и нам казалось, что мы сели на большой прекрасный корабль, который плывет в страну Пионерию. Многие из наших русских товарищей приехали из больших городов — Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Владивостока... Они рассказывали о пионерских лагерях на берегах теплых рек, о чудесном Артеке и о дворцах пионеров...

Дворец в нашем представлении тогда был чем-то вроде яранги богача. Но когда мы увидели дворец на картинке и услышали, что в Ленинграде и в других городах роскошные дворцы, принадлежавшие богатым вельможам, представителям царской фамилии, отданы под дворцы пионеров, это нас удивило. Мы пожалели, что у нас на Чукотке не было таких богатых людей, которые жили бы во дворцах.

И вот до Чукотки дошла весть о том, что по почину московских пионеров по всей стране началась операция «Чукотка» — сбор средств для строительства Дворца пионеров в городе Анадыре, столице Чукотского национального округа.

Холодным весенним днем из Москвы улетал самолет, на борту которого находилась делегация московских пионеров. Я тоже был вместе с ними. Ребята жадно расспрашивали о Чукотке и с нетерпением ожидали, когда самолет сделает посадку в анадырском аэропорту.

Маршрут пролегал по северной трассе. Под крылом оживала географическая карта: Амдерма, Тикси, Хатанга. Великие сибирские реки — Обь, Енисей, Лена, потом Колыма и, наконец, северная Амазонка — река Анадырь.

Московских пионеров встретили самые дальние пионеры нашей страны. Дружба завязалась быстро. Были поданы автобус и легковые машины, но гости предпочли испробовать необычный для Москвы транспорт — гусеничный вездеход, который и домчал ребят до города, пока мы пробивались через снежные заносы на ледяной дороге от аэропорта до города.

И замелькали встречи. В окружном Доме культуры состоялась встреча московских пионеров с чукотскими. Песни и танцы сменялись декламацией. Читали стихи чукотских и русских поэтов.

Да, Анадырь теперь настоящий большой город. Я привык гордиться нашими достижениями. Но тут мне стало немного не по себе: на улицах автомашины, ни одной собачьей упряжки, не говоря уже о ярангах, — ничего такого, чем я мог бы поразить воображение московских пионеров. И тогда у нас родилась идея слетать в совхозное стадо, к Герою Социалистического Труда Ивану Аренто.

Два «АН-2» поднялись с ледового аэропорта и полетели в глубинную тундру. В Канчалане мы взяли проводника, одного из учеников сельской школы.

И вот оленье стадо — море рогатых голов, которое переливалось, передвигалось с ложбины в ложбину. Здесь же стояли походные жилища чукотских оленеводов — яранги из оленьей замши. Это уже было нечто неизмен-

ное, вечный знак Севера. Иван Аренто рассказывал о нелегком труде оленеводов и говорил, что пастухов обслуживают самолеты и вертолеты, в бригаде имеется вездеход. Кто-то спросил, а почему здесь стоят яранги?

— Не все, что изобрел наш народ в борьбе с холодом, устарело. Пока наука ничего не могла нам предложить лучше нашего древнего жилища. Покажите мне легкий, дешевый, компактный дом, и я с удовольствием отдам ярангу в музей при анадырском Дворце пионеров.

Так сказал Иван Аренто.

Все эти дни школьники Чукотки жили мечтами о будущем дворце.

До сих пор я получаю письма о том, какой это будет дворец. Пионерия страны уже выстроила дворец в своих мечтах. И каждый видит в нем что-то свое.

Мне же видится телевизионный репортаж, который ведут пионеры из сказочного Дворца пионеров Чукотки.

На экране — удивительное сооружение, которого никогда не было на Севере. Мы видим залы, плавательный бассейн, комнаты для кружков... А вот и сам экскурсовод. Но почему он в меховой кухлянке? Он ведет нас в музей под открытым небом. Первое, что мы видим, — это древняя яранга с каменным светильником.

Пионерия всей страны смотрит передачу, идущую через космос, ибо от Москвы до Чукотки более десяти тысяч километров. Мой юный земляк смотрит в тысячи глаз, прильнувших к телевизионным экранам, и произносит:

— Вэтгавыркын Чукотка! Говорит Чукотка!

★

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ

Случай в Сокольниках

Во время болезни Владимира Ильича, когда несколько дней он был при смерти, Надежда Константиновна скрывала страх и тоску, держалась, как каменная, стойкости ее все удивлялись. А когда Владимир Ильич поднялся, сама заболела. Да сильно! От душевного потрясения вспыхнула ее старая болезнь. Ныло сердце, не могла ходить, не спала, задыхалась. Врачи сказали: только чистый воздух может помочь.

Санаториев в ту тяжелую пору у нас не было. Но для слабых детей была в Сокольниках под Москвой открыта лесная школа. Стояла школа посреди старого парка, шум трамваев сюда не достигал, а воздуха чистого — океан!

Надежду Константиновну уговорили здесь пожить, пока нездорова.

Когда Ленин приехал в первый раз поглядеть лесную школу, где придется Надежде Константиновне жить, навстречу выскочила ватага ребят. Впереди, задрав хвост крючком, озорно неслась собачонка.

— А позвольте познакомиться. Как вас зовут? — спросил Владимир Ильич.

— Ее Бобкой зовут! — в восторге закричали ребята.

— Господин Бобчинский, — сказал Владимир Ильич.

И протянул Бобке руку, а она лапку дала. Ну, уж тут ребята вовсе пришли в восхищение. Не знали, чем еще Владимира Ильича удивить. Другую свою любимицу, кошку Муську, притащили показывать. И Ленин решил, что Надежде Константиновне хорошо будет среди этой веселой и живой ребятни. Проводил Надежду Константиновну в лесную школу.

Страшно занят был Ленин! Каждый день до поздней ночи занят был решением неотложных государственных дел. Ленин управлял государством.

А вечером все-таки выберет час, скажет Гилю:

— Поедем навестим Надежду Константиновну, а?

Настала зима. Навалило снегу, Москву

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО

ЛЕНИНА

замело, занесло. Ломовики не успевали вывозить из города снег, так и стояли сугробы по улицам, вышиной чуть не в два этажа.

В один такой снежный январский день 1919 года в лесной школе была назначена елка. Владимир Ильич обещал приехать на елку. Собрались под вечер с Марией Ильиничной, взяли для Надежды Константиновны бидончик молока и поехали.

Машину, как всегда, вел шофер Гиль. Да еще поехал товарищ из охраны. Чебанов. Он был чекист и всюду Владимира Ильича провожал.

Был воскресный день, народу было на улицах множество. Заваленные сугробами улицы были узки, словно траншеи, в иных местах не проедешь. Но шофер Гиль ловко маневрировал между людьми и горами снега, машина шла без задержки.

Вдруг при въезде в Сокольники, у железнодорожного моста, где было поглуше, не видно было людей, трое человек загородили дорогу.

— Стой! Будем стрелять!

Гиль хотел проскочить, но Владимир Ильич велел остановиться. Владимир Ильич подумал, что это милиционеры. Время военное, милиционеры обязаны следить, кто выезжает на машине за город. А что не по форме одеты, так тогда формы милицейской еще не водилось.

Автомобиль стал. Трое здоровенных мужчин окружили. Распахнули дверцы. Нацелили дула револьверов.

— Вылезайте!

Все вышли.

— Я Ленин,— сказал Владимир Ильич.

Он все еще думал, что это милиционеры. Но что такое? В одну секунду двое приставили к вискам Владимира Ильича револьверы. Он чувствовал их холодную сталь. Третий, в папахе, с бледным наглым лицом, живо обшарил карманы. Забрал кремлевский пропуск и маленький ленинский браунинг.

— Какое вы право имеете? — возмущенно воскликнула Мария Ильинична.— Показывайте ваши мандаты.

— Нам мандаты не требуются. У нас на все право есть.

И бандиты вскочили в автомобиль и погнали прочь, издали грозясь револьверами. Автомобиль скрылся из виду. Все это случилось так быстро, никто не успел и опомниться.

Несколько мгновений Владимир Ильич в негодовании молчал. Потом произнес с упреком:

— Позор! Столько нас народу, дали машину угнать.

— Владимир Ильич! Я в них оттого не стрелял, что боялся, вас не убили бы,— горячо сказал Гиль.

— Да, пожалуй, бессмысленно было лезть в драку, силы уж очень неравные,— согласился Владимир Ильич.

Кинул на товарища Чебанова взгляд и расхохотался. Да как! Заразительно, как только он умел хохотать. И Мария Ильинична с Гилем рассмеялись невольно. Один Чебанов без смеха стоял... держал в руке бидон с молоком.

— Единственно, что спасли от грабителей! — смеясь, воскликнул Владимир Ильич.

Чебанов прямо-таки онемел от стыда. А Владимир Ильич не унимался:

— Спасибо хоть молоко сберегли. И бидон как-никак тоже необходимая вещь.

И, подшучивая над чекистом Чебановым, который с каким-то ошарашенным видом одной рукой щупал в кармане оружие, а в другой нес злополучный бидон, все пошли в Сокольнический райсовет, недалеко от железнодорожного моста. В райсовете Владимиру Ильичу раздобыли машину и повезли его с Марией Ильиничной в лесную школу. Тут же сообщили о нападении Дзержинскому. И тут же чекисты по приказу Дзержинского рассыпались по Москве в погоне за грабителями. И вскоре поймали.

Надежда Константиновна бродила, как тень, от окна к окну. Вглядывалась в зимний сад, утонувший в глубоком снегу. Отчего опаздывает Владимир Ильич? Неужто снова беда?

Тревога передалась ребятам. Охватила всю школу. Медленно-медленно двигалась стрелка часов.

Наконец чей-то счастливый голос разнесся по дому:

— Приехали!

И Владимир Ильич вбежал со двора. Пальто нараспашку, борода и брови заиндевели, щеки разрумянились.

— Дед Мороз! — закричали ребята. Облепили, повисли.

— Здравствуй, милый, хороший Дед Мороз, ты нам праздник привез!

Насилу Владимир Ильич сквозь ребячью толпу до Надежды Константиновны добрался. Сначала не хотел о бандитах рассказывать, но она вглядывалась в него с таким беспокойством, сердцем чуяла что-то неладное.

— Пустяки, Надюша, сущие пустяки.

Она побледнела, услышав про грабителей. Ничего не сказала. Только тихо:

— Спасибо, что жив.

И началось веселье. Красавица елка, убранная самодельными флажками, золоченой звездой и игрушками, высилась до потолка в школьном зале. Чудесно пахло зимним лесом и хвоей. Ребята повели хоровод вокруг елки. И Владимир Ильич пошел в хороводе. Ребята пели, и Владимир Ильич пел. Затеяли игру в кошки-мышки. В жмурки играли. В прятки играли. Веселились до упаду. Вот был праздник, так праздник!

А Надежда Константиновна, которая знала, что всего два часа назад Владимир Ильич стоял под дулами бандитских револьверов, от смерти на шаг, глядела на него, любовалась и думала с гордостью: «Ты бесстрашный человек. Оттого и веселый».

Горькие потери

Снова поезд шел из Петрограда в Москву. Снова в поезде Владимир Ильич. И сестра Анна Ильинична. Был март 1919 года. Ночь. Тусклым светом горела керосиновая лампочка. Вагон шатало. Тоскливо стучали колеса.

Анна Ильинична съежилась в уголке, сгорбила плечи. Они ездили хоронить Марка Тимофеевича, мужа Анны Ильиничны.

Новая напасть навалилась на нашу страну. Смертоносная болезнь ходила по городам и селам, железнодорожным станциям—всюду, куда заползала сыпнотифозная вошь. Люди умирали от сыпного тифа. Больниц было мало, докторов мало, лекарств мало.

Марк Тимофеевич Елизаров приехал в Петроград в командировку и умер от тифа-сыпняка в несколько дней. К двум родным могилам под белостволой березой на Волковом кладбище прибавилась третья.

Анна Ильинична горбила плечи, куталась в шаль. Горе сразило ее.

Владимир Ильич ласково провел ладонью по ее седеющим уже волосам.

...Много светлых и горестных лет связано с Марком. В юности Марк был товарищем Саши. Сашу казнили. Марк вошел в их семью. Умный, душевный, как стал он близок и нужен всем в доме, родной человек!

— Он и революции очень был нужен, настоящий был коммунист! — сказал Владимир Ильич.

Сердце Анны Ильиничны разрывалось от боли, но с гордостью она повторила:

— Марк настоящий был коммунист.

Поезд мчался сквозь темную ночь. Черным забором тянулся вдоль полотна железной дороги неодетый мартовский лес. Соломенные деревни летели навстречу. Глухо и немо высились фабричные трубы. Не дымя. Все меньше работало фабрик. Сырья не хватало. Топлива нет. Фабрики останавливались. Разруха.

«Тяжко, особенно тяжко в такое суровое время терять верных друзей»,— думал Владимир Ильич.

А в Москве ждало новое горе. Председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова свалила испанка. Откуда-то из Испании принеслась небывалая болезнь, налетела, как вихрь. Без пощады сжигала, тысячами косила людей. Тысячами косил сыпной тиф. Голод, гражданская война. Бедствия, бедствия. В заграничных газетах злорадно писали: Советской власти скоро конец.

Владимир Ильич стиснул ладонями голову. Трудно.

Только бы выжил Свердлов! Как согласно они работали вместе!

— Надо, Яков Михайлович, сделать...— скажет о чем-нибудь Владимир Ильич.

В ответ спокойно:

— Уже...

— Что уже?

— Сделано, Владимир Ильич.

— Когда вы успели, Яков Михайлович? Мы с вами почти и не говорили об этом.

— Почти,— смеется Свердлов.

Он понимал с полуслова. Ленин любил деловитость Свердлова, революционность, государственный ум.

Врачи не пускали Владимира Ильича навестить больного, боялись, что заразится. Испанка—прилипчивая болезнь.

Владимир Ильич не послушал. Пришел к товарищу. И ужаснулся. Неужели это Свердлов? Этот истаявший человек на белых подушках, недвижимый, с заострившимся носом? Борода отросла, лицо казалось старым, чужим, глаза провалились. Он был без памяти.

Владимир Ильич сел у кровати. «Товарищ, надежный, талантливый, не уходи!» — думал Владимир Ильич.

Образ его, молодого и здорового (ведь всего тридцать три года было Свердлову), стоял в памяти Ленина. Всегда энергичный, жизнерадостный, смелый. Владимир Ильич представить даже не мог, чтобы Свердлов убоялся самой страшной опасности. А как хорошо умел он говорить с народом, вдохновенно звать к революционной работе!

Ресницы дрогнули, Свердлов открыл глаза. Издалека, в полусознании глядел он на Ленина. Узнавал. Улыбка, какая-то жалобная и страдальческая, тронула губы. Владимир Ильич взял его плоскую, как щепочка, руку. Слезы стояли в горле.

Владимира Ильича сразу же окружили ребята.

Низко опустив голову, Ленин вышел.

Через несколько минут Свердлова не стало. Очнулся на миг от забытья перед кончиной, словно затем, чтобы увидеть Ленина. Сказал взглядом: прощай. И ушел навсегда.

Никогда не забудет Владимир Ильич о своем неутомимом помощнике самых первых, тяжелых месяцев жизни и строительства советского общества.

...Жизнь продолжалась. Надо оборонять, укреплять советское общество.

На место Свердлова Ленин предложил председателя ВЦИК Михаила Ивановича Калинина. Он крестьянский сын из Тверской губернии, рабочий питерских заводов. Ленин знал, кого выдвигать в президенты. Михаил Иванович Калинин был хороший коммунист и человек хороший и умный, люди любили его.

Я, сын трудового народа...

Больше миллиона отлично вооруженных белогвардейцев и интервентов подступали к сердцу России — Москве. Шесть вражеских фронтов железным кольцом окружали нашу Советскую Родину. Никогда не было так зловеще, так грозно.

В один майский день Москва охвачена была необычайным движением. С рассвета тревожно толпились женщины у ворот заводов и фабрик. Ждали чего-то. Ребятишки цеплялись за материнские юбки. Московские дети рабочих окраин с узенькими, бумажно-белыми личиками, с голодным блеском в глазах.

Распахивались заводские ворота. Рабочие, кто в шинелях, кто в ватных куртках, кто в чем, с вещевыми мешками и винтовками на плечах, выходили из заводского двора.

— Равняйсь! — летела команда.

Рабочие-красноармейцы равнялись. Совсем недавно они прошли наскоро красноармейскую службу. Равнение не очень складно у них получалось. Зато научились стрелять.

— На Красную площадь, шагом марш! — слышно было команду.

Со всех районов Москвы, со всех заводов шагали, шагали к кремлевским стенам отряды рабочей Красной Армии. Женщины в белых и красных косынках с узелками шли по бокам. Спотыкались, спешили, заглядывали в лица бойцов, совали бойцам узелки.

Черная от горя, старая мать криком кричала:

— Ва-а-ся, сыночек! Господи, сохрани сыночка родимого от пули буржуйской!

Красноармеец Вася хмурился, не знал, куда деться от срама.

— Позоришь меня перед народом, мамаша. Бога вспомнила! Где твое пролетарское сознание?

И, словно в поддержку, озорно взвилась лихая комсомольская песня, сложенная рабочим поэтом:

Долой, долой монахов,
Долой, долой попов!
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов.

Босоногие ребятишки, тощие, как скелеты, шныряли между красноармейскими отрядами, взахлеб хвалились друг перед дружкой.

— У нашего тятьки во — винтовка!

— Эка невидаль, винтовка! У моего-то лента пулеметная. Как из пулемета по буржуям пальнет!

— А мой папанька, гляньте, гранатами весь пояс увешал. Погодь, наши заводские белым гадам покажут...

«Я, сын трудового народа, гражданин Советской республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии».

Какие гордые, большие слова! Сердце бьется сильнее от этих слов. Так гулко и жарко билось сердце у Ленина, когда год назад Председатель Совнаркома сам принимал присягу на верную службу Советскому государству. Это было на заводе Михельсона. Вместе с молодыми рабочими, бойцами красногвардейских отрядов, говорил Ленин клятву: «Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики».

Задумчиво шел Владимир Ильич с товарищами на Красную площадь.

Красная площадь была запружена людьми. Качалась, шумела строгим, сдержанным шумом. Владимир Ильич увидел лес вскинутых кверху штыков. Жестко и остро сверкала на солнце сталь. Женщины не отходили от сыновей и мужей. Владимир Ильич видел: многие красноармейцы обнимали жен, прощались. Целовали детишек.

Ленин подписал декрет Совнаркома о том, что все рабочие и трудящиеся должны обучаться военному делу. Родина в опасности. Рабочие, все, все, учитесь стрелять, готовьтесь оборонять Советскую Родину!

Трибуны не было на Красной площади. Стоял старенький грузовик, забрызганный

грязью. Один борт обтянули кумачом. Укрепили у борта доску. На доске крупными буквами лозунг: «Разобьем злодейскую банду помещиков и капиталистов!»

Владимир Ильич с командирами Красной Армии обошел войска и отряды Всевобуча и по приставленной лесенке поднялся на грузовик.

Перед глазами раскинулось море людей. Тысячи рабочих с винтовками. У каждого печали и радости, надежды, любовь. Каждый по первому зову рабочего и крестьянского правительства оставил все и уходил на гражданскую войну против белых.

Владимир Ильич заговорил. Стало тихо на площади.

Ленин говорил о том, что раньше солдат учили защищать царя и буржуев. А теперь красноармейцы себя защищают, свои дома и детей. От помещиков и буржуев защищают свое государство. Ленин говорил душевно и просто. Как раз о том, о чем думали тысячи красноармейцев возле Кремлевской стены. Думали красноармейские жены. Жены не плакали. Лишь туже стягивали ситцевые кофтенки у горла. И старая Васина мать не кричала больше.

Красноармейские отряды прямо с Красной площади пошли на вокзалы. И поезда повезли красноармейцев на фронт.

Ленин стоял на грузовике. Смотрел вслед уходящим. Сверкали на солнце штыки.

«Я, сын трудового народа...» — торжественно повторялась в душе Владимира Ильича красноармейская клятва.

Казенное имущество

Сотрудников в Совнаркоме было немного. Вдоволь каждому хватало работы. Но дело свое каждый любил, работали с радостью. Владимир Ильич уважал небольшой коллектив совнаркомовских работников.

— Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан,— шутил Владимир Ильич. Служащим нравилась его пословица.

Ленин взял плоскую, как щепочка, руку Якова Михайловича.

— Мы маленькая рыбка,— смеялись они.

— Да удаленькая,— хвалил Владимир Ильич.

На заседание Совнаркома Ленин пришел за пять минут до начала. Он всегда приходил заранее. Сел на председательское место. Кипа разных сообщений и телеграмм ожидала его. Пока собирались наркомы, усаживались за длинный стол, покрытый зеленым сукном, Ленин кое-что прочитал. Часть бумаг отложил. Другие подписал. Некоторые вернул секретарю. И объявил заседание Совнаркома открытым.

Опоздавших не было. Все точно пришли к началу. Никому неохота попадать в протокол. Или, хуже того, схватить выговор. Ленин за опоздания не миловал.

— Начинаем,— сказал Владимир Ильич.

Один товарищ стал сообщать, как обстоят дела с продовольствием. Он был членом продовольственной комиссии. У продовольственной комиссии безошибочно все продуктовые запасы были подсчитаны до фунтика, учтены до полуфунта! Товарищ сообщил, по скольку можно в этом месяце выдавать трудящимся хлеба, соли и масла. Скупо получалось. Детям побольше. Но все равно скупо.

— Стариков одиноких не забудьте,— вставил Владимир Ильич.

Докладчик продолжал сообщение. Владимир Ильич, чуть склонив голову, слушал, чертил на листе квадратики и косые линейки.

Видно, очень туго с продуктовыми запасами, если докладчик на предложение Председателя Совнаркома ничего не ответил.

— Одиноких стариков нельзя забывать,— снова твердо вставил Владимир Ильич.— Кто о них позаботится, если не Советская власть? Да, да! Мы бедны, но извольте найти выход.

Владимир Ильич вопросительно взглянул в сторону наркома продовольствия: что Александр Дмитриевич скажет? Александра Дмитриевича Цюрупу Ленин знал давно, с той поры, когда вернулся из ссылки. Он был самоотверженным и горячим революционером. Высокий, голубоглазый, с копной вьющихся светлых волос!

Но что с ним? Ленин сдвинул брови, внимательно вгляделся в Цюрупу. Как исхудал! Ни кровинки в лице. Под глазами черные ямы.

«Он от голода такой! Изголодался Цюрупа!» — понял Владимир Ильич.

Вырвал из блокнота листок и, продолжая слушать докладчика, написал строгую записку Цюрупе, что надо заботиться о казенном имуществе, надо беречь, нельзя так запускать свое здоровье, неразумно.

Цюрупа прочитал, улыбнулся. Казенным имуществом Владимир Ильич называл здоровье людей, которые особенно много работают для государства. Цюрупа хотел ответить Владимиру Ильичу, что не один он голоден, все не досыта едят, как-нибудь дотянем до хороших времен, уж тогда наедимся.

Но товарищ из продовольственной комиссии кончил докладывать, и Цюрупа не стал писать ответную Владимиру Ильичу записку, а протянул руку, прося слова. Слишком важный обсуждался вопрос. Цюрупа должен высказать свои советы и мысли. Встал. И вдруг пошатнулся и рухнул без сознания на пол. Ленин вскочил, подбежал.

— Александр Дмитриевич, голубчик, что с вами?

Цюрупа лежал на спине, раскинув руки, мертвенно-бледный. Его окружили. Кто-то вызывал по телефону врача.

— Воды, скорее воды!

Кто-то обрызгал из графина Цюрупе лицо. Он пошевелился. Глубокий вдох поднял грудь. Он приходил в себя. Его посадили на стул. Он вытер платком лицо, вид у него был виноватый, смущенный.

— Наделал хлопот, сорвал заседание!

— Нарком продовольствия падает от голода в обморок,— покачал головой Владимир Ильич,— тяжело мы живем. А все-таки казенное имущество необходимо беречь,— сказал он Цюрупе.—Товарищи, сие казенное имущество уж очень в плохое пришло состояние. Предлагаю немедленно отправить в капитальный ремонт.

День настал веселый мая

Владимир Ильич поднялся рано и тихонько, чтобы не разбудить Надежду Константиновну с Марией Ильиничной, прошел в кухню. Костюм на нем был сегодня старенький, штиблеты поношенные. И галстук не повязан.

На кухне вовсю кипел чайник, в кастрюльке дышала горячим паром картошка. Хозяйство Ульяновых в кремлевской квартире вела Саня, двоюродная сестра рабочего Бабушкина, которого царские жандармы расстреляли в 1906 году.

— Владимир Ильич, неужто и вправду собрались? — удивилась Саня.

— А это что? — спросил Владимир Ильич с хитрыми огоньками в глазах. И показал чайник на плите и кастрюлю.— Это что? Кто завтрак мне пораньше приготовил сегодня? Спасибо, Саня. Садитесь, вместе позавтракаем.

И с аппетитом принялся за картошку, а Саня, наливая в стакан ему крепкого чаю, все дивилась:

— Вроде дело-то не по вас, Владимир Ильич. Ваша забота — умом раскидывать.

— А если Советскому государству надо, чтобы и руками денек поработать? — весело улыбнулся Владимир Ильич.

Живо покончил с завтраком и вышел из дома. Утро было свежее, чистое. Легкий ветерок шевелил ярко-зеленые листья деревьев. Белые облачка бродили в небе.

В Кремле было не по-обычному оживленно и людно. На обширной кремлевской площади строились отряды курсантов — они жили и учились в Кремле. Были тут и сотрудники Совнаркома и ВЦИК.

Первое мая.

Партия бросила призыв организовать сегодня вместо праздничных демонстраций субботник.

Год назад рабочие Московско-Казанской железной дороги в субботу, после рабочего дня, не ушли домой. Остались в мастерских. Отремонтировали четыре паровоза и шестнадцать вагонов бесплатно. Ленин написал о первом рабочем субботнике статью под названием «Великий почин». Ленин назвал коммунистической эту бесплатную, по доброй воле работу на пользу народную.

И вот в праздничный день Первого мая 1920 года был объявлен Всероссийский субботник. Во всех уголках нашей огромной России люди сообща делали для общей пользы что-нибудь важное.

Со всех районов Москвы пришли к кремлевским стенам отряды рабочей Красной Армии.

Кремлевские курсанты выстроились недалеко от казармы, у древней Царь-пушки. Бронзовая Царь-пушка стоит на чугунном лафете. Возле сложены чугунные ядра. Из Царь-пушки никогда не стреляли, старинные мастера-оружейники отлили ее всем на удивление, а врагам на страх. И поставили навечно в Кремле.

Курсанты выстроились. Начальник курсов объяснил, что надо делать. Надо очистить кремлевскую площадь от бревен, досок и всякого хлама, привести Кремль в образцовый порядок.

— Есть привести Кремль в образцовый порядок! — согласно отозвались курсанты.

В это время подошел Владимир Ильич. Подошел своей быстрой походкой, в стареньком пиджаке и кепке, серьезный, с радостным блеском в глазах.

— Поступаю в ваше распоряжение! — отрапортовал Владимир Ильич командиру.— Прошу принять меня в расчет для участия в субботнике.

— Займите место на правом фланге,— сказал командир.

Часы на кремлевской башне отзвонили время серебряным звоном. Грянули медные трубы оркестра.

— Приступить к работе! — раздалась команда. Повторилась по отрядам. Весело принялись люди за работу. Музыка веселила, солнечный день. И что Ленин вместе с ними работает, очень было курсантам приятно.

Бревна тяжелые были! Таскали одно бревно вшестером. Скоро курсанты заметили: Владимир Ильич все старается с толстого конца бревно захватить.

— Не годится так,— решили курсанты.— Надорвется Владимир Ильич.

— Товарищ Ленин,— сказал один,— не можем мы, товарищ Ленин, чтобы вы тяжести такие таскали!

— Вы же таскаете. А мне отчего нельзя? — возразил Владимир Ильич.

И задорно из-под козырька поглядел на курсанта и к следующему бревну зашагал.

— Ступайте лучше к себе в Совнарком, Владимир Ильич. Мы без вас здесь управимся, — уговаривал курсант.

— Нет уж, не выпроваживайте. Все равно не уйду.

— Да ведь вам пятьдесят годиков стукнуло, Владимир Ильич.

Выпалил такое

курсант и смутился. Уж очень попросту они держатся с Лениным. Будто и не Председатель Совнаркома он, а свой брат, рабочий.

Владимир Ильич обернулся, погрозил пальцем, смеясь.

— Если я вас старше, молодой человек, так извольте не спорить со мной.

Вспомнился Владимиру Ильичу другой май, когда они с Надеждой Константиновной были в шушенской ссылке. Еще были там ссыльные—финн Оскар Энгберг и поляк Ян Проминский. Втайне от урядников соорудили они красный флажок и Первого мая собрались на лугу. Пели:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая,
Забастуем в этот день.

И мечтали там, в ссылке, о будущем...

Вот оно, будущее. Народ свободный, трудится для себя. Красная Армия на фронтах перешла в наступление. Скоро разобьем интервентов и контрреволюцию, вышвырнем вон навсегда.

Владимир Ильич вернулся с субботника в мокрой от пота рубашке. У одного штиблета оторвалась подошва.

— На тебя обуви не напасешься,— сказала Надежда Константиновна.

И пошла доставать Владимиру Ильичу свежее белье. А он, усталый и довольный, мылся под краном, отфыркивался, мотал головой, брызги летели в стороны.

Потом Надежда Константиновна приколола Владимиру Ильичу к пиджаку красную ленточку, и он поехал на Театральную площадь на закладку памятника Карлу Марксу и сказал там речь. И еще в этот день закладывали памятник «Освобожденному труду». Владимир Ильич и там речь говорил.

А вечером выступил на митингах в одном, втором, третьем районе. И поехал в Рабочий дворец. Он открылся в этот день, Первого мая 1920 года, в Москве.

Владимир Ильич радовался сегодняшней согласной работе на Всероссийском субботнике. Новым памятникам радовался. Новой культуре.

Руки и ноги гудели у Владимира Ильича от усталости. И было хорошо, хорошо.

Комсомолия

Всем известно, что комсомольцы — смелые ребята, передовые ребята. Надо партии для пользы народа послать на опасное дело бесстрашных людей — кто впереди? Всегда комсомольцы.

Небывалые дороги надо прокладывать— кто откликнется по первому зову? Комсомольцы. Война — комсомольцы не дрогнут.

Тысячи подвигов совершили комсомольцы на гражданской войне. Тысячи поросших травой и цветами комсомольских могил в сибирских землях, на Украине, в Крыму и Поволжье, под Курском и Питером. Тысячи комсомольских героев...

Владимир Ильич отложил карандаш. Листок бумаги на столе исписан тонким, высоким почерком. Ленин набрасывал план выступления.

Сегодня он выступает на Третьем съезде комсомола. А всего российскому комсомолу от роду два года. Интересно было Владимиру Ильичу думать о комсомольцах. Задиристые, упорные! Дети рабочего класса и бедных крестьян.

«Мы сделали революцию,— думал Владимир Ильич,—а достроить, как надо, коммунистическое общество едва ли успеем. Молодое поколение будет достраивать. Вы, комсомольцы, в первую очередь!»

Тем временем комсомольские делегаты собирались на съезд. Прямо с субботника. Все утро разгружали на вокзалах товарные платформы, складывали в поленницы на складах дрова, наводили порядок на улицах. Прихорашивали Москву.

Был холодный день 2 октября 1920 года. Небо серое. Вдруг налетит ветер, и туча желтых листьев взовьется с ветвей на бульваре, покружит в воздухе и опадет на землю шуршащим дождем.

Комсомольцы радовались свежести утра, и шуршанию листьев, и общей работе, от которой горели ладони. А главное, сейчас на съезде выступит Ленин!

Понятно, комсомольские делегаты со всех ног спешили к назначенному часу в дом № 6 на Малой Дмитровке. Теперь в этом доме Театр Ленинского комсомола. Тогда театра не было. Никакой сцены не было. Вместо сцены некрашеные подмостки без занавеса. Длинный стол на подмостках и кафедра. Да плакаты и лозунги на красных полотнищах.

«Ты записался добровольцем?» — спрашивал с одного плаката красноармеец в буденовке и властно указывал пальцем: ты? Ты? Ты?

А многие комсомольцы как раз приехали с фронта. Ведь эти комсомольские делегаты из разных городов и деревень были не школьники. Кто грамоту знал, а кто и нет, кто и книжки ни разу в руках не держал. Зато они беспощадно громили на фронтах белогвардейские банды. Зато без страха отбирали у кулаков припрятанный хлеб. Зато готовы были в огонь и в воду за Советскую власть.

И сердца комсомольские с волнением выстукивали: сейчас будет Ленин. Услышим Ленина!

В ожидании они тесно сидели на скамьях, плечом к плечу, в шинелях и кожанках. Комсомольцам двадцатых годов особенно нравились черные кожанки, как у Свердлова. Шинель тоже неплохая одежда, потертая, повидавшая виды, пропахшая потом и порохом, боевая шинель. И папаха или буденовка с красной звездой.

«Что Ленин скажет?» — гадали делегаты. И ждали, скажет о войне. В бой позовет, к геройству и подвигам. Красная Армия гнала беляков. Но еще не кончилась гражданская война.

— Смело мы в бой пойдем,— поднялось в одном конце зала. И загремело мощно и гулко:

За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это.

Но вот все примолкло, начались выборы президиума, как всегда на собраниях. Стол для президиума был покрыт красным сукном. Товарищи заняли места. Два портрета висели на стене — Маркс и Энгельс внимательно и с приязнью глядели с портретов на комсомолию.

Вдруг раздалось восторженно:

— Ленин!

Комсомольцы вскочили, захлопали в ладоши. Ленина комсомольцы любили пылко, гордо, беззаветно.

Ленин снял пальто с черным бархатным воротничком и аккуратно положил на стул. Поздоровался за руку с товарищами, которые сидели в президиуме. И все его жесты, улыбка и все, что он делал и как делал, все его поведение до того комсомольцам понравились, так был он хорош, и дорог, и мил, что у многих этих боевитых комсомольских ребят слезы стояли в глазах от волнения и какого-то необыкновенного счастья.

Ленин подошел к краю подмостков, вынул из жилетного кармашка часы на цепочке, без крышки. Показал: кончайте, мол, хлопать, пора начинать работу.

И еще больше комсомольцам понравился. И если бы он сказал: «Ребята! Все до единого, не медля ни минуты, на фронт!» — все, как один человек, ушли бы на фронт.

Но Ленин сказал другое. Сначала комсомольцев взяло смущение. Удивились, растерялись. Сначала не поняли.

Ленин говорил и прохаживался по краю подмостков. Было тесно. Стульев не хватало, члены президиума комсомольцы, недолго думая, уселись прямо на подмостки. Ленин осторожно шагал мимо них. И говорил.

О чем же? О том, что сейчас задача комсомольцев — учиться. Поразились комсомольцы. Владимир Ильич видел удивление, растерянность на молодых, жадно внимающих лицах и старался как можно понятнее объяснить свою мысль. Скоро мы кончим гражданскую войну. Прогоним врага. А дальше? Начинать надо строить. Заводы, фабрики, тракторы, самолеты, машины. Электрифицировать надо страну. А что такое электричество, товарищи комсомольцы, вы знаете?

Надо знать, много знать!

Владимир Ильич убедительно и просто доказал комсомольцам, что без знаний невозможно построить коммунистическое общество.

Надо знать и трудиться. «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящим коммунистом». Владимир Ильич говорил, что учиться коммунизму — это значит каждый шаг своей жизни связывать с борьбой пролетариев против старого общества. И строить новое, коммунистическое.

Мечта и дела

В кабинете Владимира Ильича сидел знаменитый английский писатель Герберт Уэллс. Наверное, нет ни одного школьника, кто не читал бы его книг: «Борьба миров», «Машина времени», «Человек-невидимка». Во всем мире прославились полные удивительной фантазии книги Уэллса!

Уэллс критиковал недостатки капиталистической жизни, увлекался наукой и техникой, и Владимиру Ильичу интересно было с ним познакомиться. Смеющимся взглядом Владимир Ильич посматривал на довольно крупного и плечистого английского джентльмена с ровным пробором и короткими усиками. На нем был прекрасный костюм. Тугой воротничок ослепительно белой сорочки подпирал круглый бритый подбородок. Видно было, прославленный писатель не знавал, что такое нужда.

А советские люди жили голодно, холодно. Рубашки негде было купить. Магазины пустые.

Герберт Уэллс рассказывал Владимиру Ильичу о своих впечатлениях. Он приехал из Англии две недели назад и без устали ходил петроградскими и московскими улицами. Приезжал на заводы. Больше половины заводов стояло. Молчали станки. Уэллс ездил в школы. Школьникам выдавали по ломтику хлеба на завтрак. Учебников не хватало. Учились по одной книжке втроем, вчетвером.

Уэллс наблюдал, расспрашивал, слушал. Он был потрясен. Невыносимо тяжко Советской стране! Разруха, голод. Нет топлива. Нет освещения. Россия во мгле.

Ленин тревожно приник к трубке.

Так говорил Ленину Герберт Уэллс.

На лице Ленина постепенно угасала улыбка. Нет, он не сердился на знаменитого английского писателя. Ленин любил откровенный разговор. Что думаешь — выкладывай прямо. Уэллс говорил правду: в России разруха. Уэллс справедливо рассуждал: не большевики довели до разрухи страну, а царское правительство, капиталисты, свои и чужие. Это они обрушили на Россию войну.

Но Уэллс не верил, что большевики возродят Россию, вытянут из нищеты и войны.

Тут Ленин нагнулся через стол ближе к Уэллсу и с вспыхнувшим в глазах лукавым смешком задал вопрос:

— А вы представляете, что делают большевики для возрождения России? Хотите узнать?

Уэллс был фантаст и ученый. Оттого Ленин решил поделиться с ним планом. План был великий, громадный! Ленин давно его задумал.

С молодых лет был у Владимира Ильича близкий товарищ — Глеб Максимилианович Кржижановский, коммунист и большой инженер. Он был и поэт. Еще в царское время перевел на русский язык революционные польские песни. И раньше их пели и теперь. Теперь вся страна распевала:

Но мы подымем
Гордо и смело
Знамя борьбы
За рабочее дело...

Много вечеров Ленин обсуждал с инженером Кржижановским свой план. Двести ученых позвал Ленин для составления и рассмотрения плана.

И вот теперь делился с Уэллсом. Уэллс по-русски не знал. Но Владимир Ильич говорил по-английски. Уэллс восхитился: так свободно, богато лилась его английская речь! А мысли! Мысли были ярки, как молнии. Смелее самой смелой фантазии. Уэллса ошеломил ленинский план. Электрифицировать Россию! Бескрайние равнины, леса. Глухие деревни при свете жалкой лучины. Запущенные города. Заводы умолкли. Торговля заглохла. Железные дороги разбиты...

— И в таких ужасных условиях вы мечтаете по всей стране зажечь электричество?

— Да. Мы построим электростанции. Дадим заводам энергию. Пустим электрические поезда.

«Изумительный человек! — слушая Ленина, думал Уэллс.— Но... кремлевский мечтатель».

Писателю-фантасту план Ленина казался несбыточной сказкой.

Через два месяца в Большом театре открылся VIII Всероссийский съезд Советов. Это было в декабре 1920 года.

На бархатных креслах сидели люди в косоворотках и гимнастерках, изношенных пиджаках и валенках, сидели люди с твердыми и непреклонными лицами — сидела Советская власть. Они собрались здесь утверждать новые законы и план жизни и хозяйства на будущее.

На сцене установили огромную карту электрификации нашей страны. Владимир Ильич очень об этой карте заботился. Много раз звонил Кржижановскому, торопил художника и монтеров изготовить все к сроку! Хотелось Владимиру Ильичу, чтобы депутаты Советов наглядно увидели: вот наш план электрификации, вот так преобразим мы Россию. Через десять лет приезжайте, писатель Уэллс, поглядите.

Кржижановский стоял на сцене театра. Энергичный, живой, сейчас он был тих. Он волновался.

Вчера здесь, с этой сцены, Ленин сказал:

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». А сегодня Кржижановскому надо рассказать, как все это будет. Он волновался. Деревянная указка в его руке чуть подрагивала. Вот он поднял указку, притронулся к карте. Свет в зале погас. А на карте при прикосновении указки зажегся огонек. Один огонек. Второй, третий. Кржижановский говорил, где мы будем строить электростанции, как поднимется наша промышленность, оживут наши поля.

И огоньки все зажигались, обозначая места электростанций, и карта расцветала чудесно, волшебно. И окрепшим, сильным голосом говорил Кржижановский.

Владимир Ильич видел вдохновенное лицо друга, глубокое, безграничное внимание зала, огни карты — зарю будущего. И знал: теперь этот план, которому он отдал душу, станет мечтой и делом всех депутатов. Мечтой и делом народа. Он не один. С ним советский народ и товарищи.

Жестокий 1921-й

В декабре двадцатого года в газете «Правда» появилась наконец последняя сводка Революционного Военного Совета: «На фронтах спокойно».

Красная Армия выгнала интервентов. Разбила белые банды. Только до Дальнего Востока не дошла пока Советская власть. Погодите, дойдет.

Почти во всей стране война кончилась. Военный коммунизм не годился больше для жизни. Ленин обдумывал новую политику, подходящую для мирного времени.

Но подкрадывалось ужасное бедствие к Советской стране.

Зима стояла без снега. Не выли вьюги, не наметали сугробы. Морозы вымораживали голую землю. И были чахлы весенние всходы. Тощие росточки жадно ждали дождей. Напрасно. Всю весну и все лето раскаленный шар солнца вставал с востока в душном небе без облачка. Вечерами зловеще пламенел багровый закат. Жаркий ветер высушивал в бедных всходах последние соки. Земля каменела от зноя. В Поволжье погибли поля. Засуха настигла Крым и Южный Урал. Голодная смерть глядела в глаза миллионам крестьян.

Владимир Ильич приходил в Совнарком. Заседание начиналось в назначенный час. На повестке дня вопрос о помощи голодающим. Владимир Ильич направлял, руководил, требовал действий, неотложных, решительных. Как во время войны.

Говорил из Поволжья Калинин.

Советское правительство обратилось к народу. Во все области и города полетели телефонограммы. Товарищи, делитесь чем можете!

Председатель ЧК Дзержинский поехал в Сибирь собирать хлеб для Поволжья.

На Украине был хороший урожай. Ленин написал письмо украинцам.

«Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная»,— писал Владимир Ильич.

Послал обращение заграничным рабочим. Помогите!

Советское правительство образовало Помгол, то есть комиссию помощи голодающим. Помголом ведал Калинин. На Михаила Ивановича Ленин надеялся. На его крестьянскую смекалку и пролетарское чутье.

В специальном поезде под названием «Октябрьская революция» Михаил Иванович поехал в Поволжье.

— О детях позаботиться надо. О детях особенно, — сказал Владимир Ильич. И добавил: — Пожалуйста!

И такую заботу, такое горе услышал Калинин в голосе Ленина! Будто миллионы ребятишек на Волге с усохшими личиками были Председателю Совнаркома родными детьми. Михаил Иванович кашлянул, пряча смятение. Тронул бородку.

— Все силы приложу, Владимир Ильич. Все возможное сделаем.

— Выше возможного,— сказал Владимир Ильич.

Был поздний вечер. В кабинете Предсовнаркома светилась неяркая лампочка. Владимир Ильич отложил кипу подписанных и решенных бумаг.

Болела голова. Невыносимо болела. Владимир Ильич перемогался. Нельзя хворать, некогда. Но сейчас никто не видел, и он устало оперся лбом на ладонь. Мысль о голоде сверлила мозг.

«Выше возможного!» — думал Владимир Ильич.

Советское правительство делало выше возможного. Мало золота в советских банках. Но Ленин написал приказ о выдаче двенадцати миллионов золотых рублей на закупку за границей семян для сожженных полей.

Рабочие писали в Совнарком:

«Товарищ Ленин! На нашей матушке Руси тысячи тысяч церквей. Золотые кресты в церквах, ценная утварь. Отобрать бы да пустить голодным на хлеб».

Молодцы рабочие! Ленин ухватился за подсказку рабочих. Надо подготовить декрет об изъятии церковных ценностей. Что еще?

Зазвонил телефон. Говорил из Поволжья Калинин. Ленин тревожно приник ухом к трубке.

— Как, Михаил Иванович?

— Плохо, Владимир Ильич.

Мертвые поля. Мглистым маревом окутаны деревни и села. Не слышно мычания коров. Скотину прирезали, или от бескормицы пала. Даже грибов и ягод не родила земля в это окаянное лето! Люди варили похлебку из листьев и трав. Валились от слабости. Целые семьи вымирали. Волчьи стаи хищно рыскали из деревни в деревню...

Долго после звонка сидел Ленин, откинувшись на спинку стула, не двигаясь. Непривычно это для Ленина.

Очень правильно, что Помгол организовал вывоз детей из голодных губерний! И жутко было: так тихи полные ребятишек вагоны, так тихи... В разные города из голодных губерний шли поезда. Москва взяла чувашских детей. В бывших барских и буржуйских хоромах пооткрывали детские дома для маленьких осиротевших чувашей, чуть скуластых, широконосых...

Была совсем уже ночь. Владимир Ильич бесшумно вошел в дом. Все спали. Но нет, Маняша не спала, дожидалась. Позвала на кухню.

— Не жалеешь ты себя, Володя. Хоть чаю горячего выпей. А Надя вернулась с работы без ног, прилегла.

Владимир Ильич увидел на столе зашитую в мешковину посылку. Крестьяне из Тамбовщины писали, что посылают окорок да сальца: «Отведайте нашего деревенского продукта, Владимир Ильич, подкрепите силы».

— Володя, ты никогда, никогда не принимаешь посылок,— заговорила Мария Ильинична,— и мы с Надей совершенно согласны. Но, Володя... у тебя такой вид утомленный.

Владимир Ильич улыбнулся сестре. Милая Маняша! Он любил ее. Она была малышкой, когда в 1887 году казнили брата Александра. Весь город отвернулся от дома Ульяновых. А чувашин Иван Яковлевич Яковлев, товарищ отца, не ушел, не оставил. И чувашин Охотников не бросил в беде. Спасибо им!

— Знаешь, что мы с этой штуковиной сделаем, — сказал Владимир Ильич, похлопывая по зашитой в мешковину посылке.— К нам в Москву чувашскую ребятню привезли. Отошлем в детский дом, в чувашский. Согласна, Маняша?

Мария Ильинична пристально поглядела на брата. Бледный! Устал. У нее сердце тоскливо сжималось, такой нездоровый был вид у Владимира Ильича.

— Попросим, чтобы самым слабым раздали, самым слабеньким, — сказал Владимир Ильич.

Она кивнула.

У Владимира Ильича по-прежнему болела голова. Но он повеселел. Капля в море — тамбовская посылка. А приятно все же, что завтра каким-то маленьким, самым слабым детишкам отрежут к обеду по куску вкусного розового тамбовского окорока.

НЭП

И рабочие приходили в кабинет Председателя Совнаркома рассказывать Ленину, как живут и работают. И командиры Красной Армии приходили обсуждать военные действия. Инженеры, ученые. Со всеми Ленин советовался, каждого внимательно слушал. А потом делал выводы, и Совнарком принимал законы, нужные для Советской страны.

Приходили крестьяне.

В первые послеоктябрьские месяцы был у крестьян основной вопрос — насчет поме-

щичьих и кулацких земель. Как их между бедняками и середняками распределить, как полезней использовать?

Потом началась гражданская война.

Тогда Советское правительство установило для крестьян продразверстку. Убрали рожь — на семена отложи, на еду себе отложи, да небогато, а в самый обрез. Остальное подчистую государству отдай. Не отдашь — кто накормит Красную Армию? Кто рабочих накормит?

Тяжелые для крестьян были те времена. А что делать? Всем тяжело.

Но вот кончилась война. И к Ленину стали приходить из деревень ходоки. Из Тамбовщины, из Владимирской и Орловской губерний, из Сибири. Идут и идут. Бородатые, не верхогляды — с опытом жизни. Ленин был рад. Расспрашивал: какое у вас о будущем мнение?

Крестьяне в один голос: надо отменять продразверстку. Устанавливайте вместо разверстки налог.

А что это значит? Значит, не всю рожь, что посеял да сжал, отдавай. Кто больше нажал, тому больше осталось. Интерес у крестьянина. И засеять побольше захочется. И поглубже вспахать. Потому что налог сколько положено отвезет государству, а все же в амбаре для себя кое-что осталось. Остаток продаст. Что для дома и хозяйства понадобится, в городе купит. Мыла, керосину, материи. Косы и плуги, жнейки рожь жать.

Плуги и жнейки в поле не вырастишь. Значит, надо в городах на полный ход пускать фабрики и заводы. Чтобы всего было вдоволь.

Там и тут задымились заводские трубы, заработали станки. Но чтобы дело шло успешнее, Ленин решил позволить открыть и частную торговлю и небольшие частные мастерские, чтобы товаров было побольше.

Нажиться на этом частники не особенно наживутся, новая власть им не даст. А быстро развернуть производство Советскому государству это поможет. Вот так думал Ленин. Такой разработал план. Новой экономической политикой назвал Ленин этот план.

После революции у нас вошло в моду длинные названия сокращать. Так и здесь сократили, и получилось название: нэп.

Во время войны Советское правительство ввело суровые и крутые порядки. Так было нужно. В мирное время порядки надо было менять.

Все, что Ленин делал, чего добивался, — все для пользы, выгоды, счастья народа. Теперь, после войны, Ленин добивался развития хозяйства, торговли, промышленности, электрификации, машиностроения и крепкой дружбы между деревней и городом.

Вот для этого строительства и нужен был нэп. Десятый съезд партии утвердил ленинский план нэпа.

Нелегко добивался Ленин перестройки жизни по-новому. Были преграды. Были споры, нападки.

Казалось, о чем спорить? А вот Троцкий спорил. Он был против заключения Брестского мира. Немало тогда он советскому народу напортил!

И сейчас выступил против Ленина. По разным вопросам с Лениным и партией спорил. Не согласен был с планами Ленина. Подбивал на свою сторону нестойких партийцев. Сколачивал против Ленина группы. И другие противники были у Ленина.

Надо бы вместе, дружно, согласно налаживать мирную жизнь — так мечтал Ленин, чтобы партия всегда шла согласно! А вот находились люди, мешали.

Ленин беспощадно боролся против неверных и нестойких людей.

Большинство коммунистов стояло за Ленина. Трудно было ему. Но он побеждал. Вел партию и советский народ к коммунизму.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

*

В следующем номере завершится повесть Марии Павловны Прилежаевой «Жизнь Ленина».

Почти год печаталась она на страницах твоего журнала.

Перед тобой прошла вся жизнь Владимира Ильича, жизнь, целиком отданная борьбе за счастье трудового народа.

Повесть, которую ты читаешь,— первая художественно написанная биография В. И. Ленина для ребят. Писательница посвятила эту свою большую и очень ответственную работу ленинскому юбилею. Из писем в редакцию ребят и взрослых, из разговоров с читателями на многочисленных встречах «Пионер» знает, что повесть часто читали коллективно на сборах отрядов, дополняли прочитанное тем, что узнали и нашли сами. Повесть помогла ребятам глубоко и серьезно изучать великую жизнь Владимира Ильича.

«Пионер» рад сообщить, что в издательстве «Детская литература» повесть «Жизнь Ленина» на днях выходит отдельной книгой. Рисунки в книге сделаны художником О. Верейским.

РЕДКИЕ ФОТОГРАФИИ.

1 мая 1920 года. Москва. Перед нами В. И. Ленин и нарком просвещения А. В. Луначарский. Они идут к месту закладки памятника «Освобожденный труд» (левый снимок). Множество москвичей собралось на митинг, посвященный закладке памятника Карлу Марксу. В. И. Ленин произнес речь на этом митинге.

СТАРЫЙ КРЕМЛЕВСКИЙ КУРСАНТ

Эдуард КОРПАЧЕВ

РАССКАЗ

Как мы ждем — ах, как мы с Валеркой Крынкиным ждем рассказов моей бабушки.

И когда бабушка, моя седая, стройная бабушка, обрывает рассказ и уходит к себе, ступая ровно, легко, точно помолодев от своих воспоминаний, точно воодушевившись своей молодостью, которая чудесно возвращается к ней издалека, мы туманно смотрим друг на друга, и, наверное, представляет Валерка, подобно мне, жаркий бой, наступающую цепь бойцов и слышит выстрелы.

— Как жаль, что это было так давно и что бабушка уже совсем старая! — горячим шепотом говорит мне Валерка однажды, едва уходит бабушка в свою комнату.

Я вдруг сержусь на него и так же горячо возражаю:

— И ничуть она не старая. Она просто старый кремлевский курсант.

— Не все ли равно? — робко спорит Валерка.

— Конечно, не все равно! Курсанты — они были молодые, а те, которые сейчас старики, — те не были курсантами, а курсанты всегда молодые... — путано пытаюсь довести свою мысль и умолкаю.

И снова мы смотрим туманно друг на друга и мимо, смотрим в далекую бабушкину молодость, что-то ищем в ее днях, отмеченных воинскими командами, походами, клацаньем винтовочных затворов и мечтой о светлом времени, — вот об этом времени, в котором живем мы с Валеркой.

— Да ведь про бабушку книги можно писать! — подхватывается и начинает расхаживать по комнате длинный, ушастый мой приятель. — Конечно, все это есть в истории: и про гражданскую, и про курсантов, и про остальное. А кто знает про бабушку? Эх, был бы я писателем — я бы написал!

— И не обязательно, — подхватываюсь и я, воодушевленный необыкновенным замыс-

лом, — не обязательно быть писателем. Мы ведь пишем домашние сочинения.

Мы с Валеркой преданно смотрим друг на друга, снова исполняясь какой-то решимости, а потом я быстро нахожу новую тетрадь, макаю ручку в чернила и размышляю над названием наших записей, потому что мы не привыкли откладывать задуманное дело.

— Можно — «Бабушкины воспоминания». Или нет. Совсем по-другому. Чтоб сразу понятно было. Вот как: «Воспоминания кремлевского курсанта».

Я протягиваю руку к чистому листу, мы с Валеркой еще раз переглядываемся, теперь с испугом, но отступать некуда, пускай другие узнают про бабушкину молодость, бои и походы, и начинать надо с того, как стала бабушка кремлевским курсантом, потому что так и названа тетрадь.

— «Был 1920 год», — помогает Валерка придумать начало, и я записываю эти слова.

Был 1920 год... Шла гражданская война, страна отовсюду защищалась от врагов и громила их. Бабушка моя, которая была в тот год юным отважным бойцом, дралась с беляками неустрашимо, была ранена, и слава о ее храбрости летела по всему фронту, так что, когда поручили комдиву отобрать самых смелых и послать на курсы красных командиров в Кремль, комдив назвал первой бабушкину фамилию. И вот в солдатских сапогах, хранивших пыль боевых дорог, в гимнастерке, заштопанной на рукаве, где оставила след вражеская пуля, она прибыла в Москву и стала кремлевским курсантом.

Их было несколько девушек на курсах, но в грозное то время они все считали себя бойцами и готовились в красные командиры и потому носили, как все бойцы, галифе, сапоги и стриглись коротко. С тех пор навсегда завела бабушка себе короткую стрижку, и хоть волосы все седые, и хоть пролетели большие годы, но бабушка по-прежнему коротко стрижет волосы.

— Про Ленина, про Ленина напиши! — торопит Валерка. — Как с Лениным встречались курсанты, как с бабушкой разговаривал Ленин...

Я киваю головой, не отрываясь от тетради, и пишу, пишу: я сам знаю все, и помню, и вижу те далекие огненные годы, вижу курсантов, марширующих в строю, сидящих над военными учебниками, выходящих на Всероссийский субботник, чтоб работать об руку с Ильичем, беречь Ильича и подставлять свое плечо под самый тяжелый конец бревна.

И вот я пишу о незабываемом — о том теплом пожатии ленинской руки, которое помнилось бабушке всю жизнь и наполняло ее верою и силой всегда, каждый день. Часто курсанты стояли на посту № 27 — у квартиры Владимира Ильича, и бабушка тоже стояла в строгом и торжественном молчании, твердо сжимая винтовку. И однажды Ильич, возвращаясь с короткой прогулки, подал ей руку, глядя особыми, приветливыми, дружески прищуренными глазами:

«Здравствуйте, товарищ! Получаете ли из дома письма?»

«На днях получил», — ответила бабушка от мужского имени, как и полагалось ей, потому что была кремлевским курсантом и всегда отвечала так: «выполнил», «получил», «прибыл».

«И что же пишут?» — спросил Ленин.

Бабушка сказала, как ждут везде нашей по-

беды, и как хотят засевать землю, и как готовы голодать и холодать, только бы отбиться от врагов молодой республики и только бы красное знамя реяло!

«А вы родным ответили?» — поинтересовался Ленин.

«Нет, еще не написала», — невольно проговорилась бабушка, спохватываясь тут же, но Ленин заметил оплошность и, пристально вглядевшись в лицо часового, удивился:

«Так вы женщина? И не устаете на посту?»

«Красноармеец не имеет права уставать на посту», — ответила она с неожиданной смелостью.

«Молодец, товарищ красноармеец!» — И Ленин пошел к себе, пошел работать, заботиться, бороться, думать — не знал отдыха самый великий на земле человек, — а часовой остался на посту, чтоб навсегда, до последнего дня стоять на страже его дел.

Я написал об этой встрече, я как бы увидел знакомый прищур Ильичевых глаз, услышал его голос и задумался, и жизнь моей бабушки предстала мне еще более значительной. И вот она, прошлая жизнь, заторопила перо: дальше, дальше, потому что и другие годы были незабываемы, потому что еще столько событий ожидало бабушку, которая вышла из Кремля красным командиром, и ожидало других бойцов и командиров, которые теперь стали бабушками и дедушками.

— «Был 1921 год», — опять подсказывает Валерка, и я склоняюсь к тетради, перо шуршит по бумаге, рассказывает о красном командире, которому пришлось опять воевать, водить в бой отважных воинов, а потом воевать в мирной жизни — сколько еще ей пришлось воевать!

— «Был 1941 год», — нетерпеливо говорит над ухом мой приятель, которому тоже так дорого все, что отгремело, отбушевало и ушло, что уже не вернуть и все-таки можно, можно вернуть!

Да, был 1941 год, была Великая Отечественная война, многих убило, а бабушку ранило опять, и она была командиром с капитанскими погонами, она опять воевала, ведь научилась воевать еще в гражданскую, и это о ней, наверное, мы с Валеркой напеваем иногда, когда собираемся, сидим тесно, чуть покачиваясь, и напеваем: «Я все равно паду на той, на той далекой на гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной».

— Ты знаешь, Валера, — говорю я другу, — мы будем записывать подробно и каждый день. Пускай много времени у нас на это уйдет, но ведь на это ушла бабушкина жизнь, и когда мы испишем две или три тетрадки, то принесем их в школу и на сборе отряда прочитаем. И все будут знать.

Тут мы спохватываемся и прячем тетрадку в стол, потому что заходит в комнату, ровно и легко ступая, моя бабушка и знакомым веселым голосом зовет нас:

— Пионеры, а не составите одной старушке компанию? Пойдемте гулять по Москве.

Конечно, пойдем, и мы вовсе не стесняемся гулять с бабушкой, потому что она не старая, а просто старый кремлевский курсант.

Мы выходим втроем, лица наши освежает московский ветер, мы привычно ныряем в таинственное подземелье метро или едем в автобусах, но большей частью идем, идем, и бабушка обгоняет нас, так что мы с Валеркой в удивлении поспешаем за ней. И вскоре выходим на Красную площадь.

Много дорог на земле, в морях и в воздухе, но все они сходятся в Москве, на Красной площади, и это особенно приметно, когда глядишь на тихую очередь к Мавзолею и видишь индуса в белых панталонах и в шапочке, похожей на испанку или пилотку, или живописного африканца в ярком наряде, или нашего офицера с голубыми летчицкими петлицами.

Бьют куранты, появляется из Спасских ворот смена караула, вся площадь слушает чеканную, державную поступь часовых, и они шагают непреклонно и твердо и подступают к Мавзолею, и тут происходит неуловимо четкая смена караула: разводящий уводит двоих, а новые часовые остаются стоять лицом друг к другу, как стояли до них, как будут стоять всегда.

Я смотрю на бабушку и поражаюсь, какою стройною стала она в этот миг и как будто помолодела, и догадываюсь, что она увидела себя в том далеком году, когда стояла на посту № 27 и когда живой Ленин пожал ей руку, заговорил таким знакомым, чуть картавым голосом и остался живым в ее глазах! Я смотрю на бабушку — какая она красивая и неузнаваемая, и дерзко думаю, что никогда не постареет она и не умрет, а если и умрет — я запомню ее такой, какой она видит себя сейчас: в сапогах, хранящих пыль боевых дорог, в гимнастерке, заштопанной на рукаве, где осталась метка от вражеской пули.

Баллада об отце

Иван ТАРБА

Не помнит он, как мир тонул
В военном громе
И как впервые он уснул
Здесь, в детском доме.
Никак не может — хоть убей —
Он вспомнить лица
Отца и матери своей,
А время мчится.
Уже высок он и силен —
Под стать мужчинам.
Так что же не был назван он
Ни разу сыном?
Ждет встречи юношеский взгляд
С отцовским взглядом.
Кто это, братья ли стоят
Сейчас с ним рядом?
Отыщут ли отец и мать
Сюда дорогу?
Он думает — и не унять
В душе тревогу.

Не помнит он, как мир тонул
В военном громе
И как впервые он уснул
Здесь, в детском доме.
Да, с детских лет ему знаком
Большой, веселый
Дом этот, утренний подъем,
Прогулки, школа.
К нему здесь ласковей одни,
Другие — строже.
И только на отца они
Все непохожи.

...Он в комнате сидел один,
От дум уставший.
Кто мог ответить, чей он сын,
Давно пропавший?
И вдруг его средь тишины
Окликнул кто-то —
Он был один, но со стены
Смотрело фото:
Черты знакомого лица
И свет улыбки.
Да-да, портрет его отца,
Тут нет ошибки!
Но это длилось только миг.
Черты портрета
Он с детства знал, он к ним
привык —
Ведь Ленин это.
И этот взгляд он знал давно
И свет улыбки,
И вдруг — отец! Но все равно
Тут нет ошибки.

Перевел с абхазского
Анатолий НАЙМАН.

Рисунок А. БОРИСОВА

Мы идем в театр

Инна АНДРЕЕВА

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Из прошлого

Ты прибегаешь из школы, движением метательницы диска отправляешь в угол портфель и кричишь еще с порога, не раздеваясь: «Мне воротничок надо гладить! Нам в школе в ТЮЗ дали билеты. Ты пойдешь?»

Обязательно пойду. Ведь и в моем детстве был театр, куда я водила маму, придирчиво проверяя, достаточно ли она празднична для моего театра.

Нам теперь трудно, просто невозможно представить, что было время, когда театров для детей не существовало. А ведь речь идет не о временах доисторических — детскому театру исполнилось пятьдесят лет. Нужно было свершиться Великой Октябрьской революции, чтобы дети получили свои театры.

Недавно в руки мне попала книга А. Я. Бруштейн «Из прошлого». Александра Яковлевна вспоминает, какие зрелища доставались на долю ребят ее детства в предреволюционные годы.

Ходил по дворам шарманщик с грустным какаду. Клювом какаду вытаскивал разноцветные билетики «счастья»: «Ваша планета «Сатурн». Не верьте блондину из казенного дома...» Забредал во двор фокусник. Он... ел горящую паклю, с аппетитом приговаривая: «Смачная бутербродка!» Девочка-акробатка в ветхом, заштопанном трико делала сальто на истертом коврике: «Опля!».

Интересно, что среди всей оравы ребят, заполнявших большой двор большого города, только двое могли похвастать тем, что были в театре: сама Александра Яковлевна, Сашенька, и дворников сын Адаська. Но он-то познакомился с театром не как зритель: Адаська был крупным театральным деятелем. Он изображал на сцене море.

Замечательно играет роль Анны-Марии в спектакле «Радуга зимой» Ольга Волкова. Все ленинградские школьницы втайне мечтают быть похожими на нее.

Олег Попов в представлении не участвует

Мы счастливые, мы можем выбирать. Есть в Москве Центральный детский театр, есть ТЮЗ, да еще приезжают на гастроли театры для детей из других городов.

Вот так однажды мы попали на спектакль ленинградского ТЮЗа «Наш цирк».

Заглянув в программку, мы поняли, что нас ждет увлекательная, забавная игра. Обычно программки называют тех, кто участвует в спектакле. Эта же перечисляла тех, кто в нем участия не принимает:

«Олег Попов в представлении не участвует.
Кормление диких животных ввиду крайней опасности переносится на завтра.
Юрий Никулин смотрит нас по телевизору...
Чарли Чаплин читает о нас в газете».

А потом распахнулись все двери, и в зал влетели юноши и девушки в тренировочных костюмах. Прямо в проходах рядом с нами запищали губные гармошки, затарахтели погремушки, снисходительно вторил им огромный толстый контрабас.

Только вместе, только дружно,
Все вы тоже циркачи,
Нам участье ваше нужно,
Топай, хлопай, хохочи.
Все, кто нынче на арене,—
Акробаты и слоны,
Балансеры и тюлени —
Это мы и только мы!

Перед нарисованным оркестром взмахнул палочкой дирижер. И, словно карусель, завертелось пестрое праздничное представление.

Скользили по воображаемым канатам эквилибристы. Под звуки песни «Эй, ухнем» вышли на арену атлеты Ганс и Анна Крафт. Те из вас, кто учит немецкий, знают, что «крафт» значит «сила». И это были настоящие силачи! Гири, которые шесть рабочих сцены едва могли оторвать от земли, у них летали по воздуху, словно мыльные пузыри.

Нам, сидящим в зале, в этой игре тоже была отведена роль — зрителей цирка. Мы играли ее так же азартно, как актеры на сцене роли цирковых звезд. Мы восхищались силой, мастерством, легкостью (не беда, что канаты воображаемые, гири картонные), ахали от ужаса, хохотали над остроумными проделками клоунов.

На разгоряченных конях (то есть держа перед собой стулья) вылетели на арену прославленные ковбои «4 Хобби 4».

Что за лихие парни! Кольты за поясом, гитары за спиной. Моды в прериях, по-видимому, недалеко ушли от наших (концы клетчатых рубашек-«ковбоек» завязаны у наших героев на груди узлом, совсем как у ребят в каком-нибудь подмосковном пионерском лагере).

И что за звуки извлекают они из своих глоток! И что за мастерское владение оружием!

— Москитос!

И, изрешеченный пулями, замертво падает комар.

Э, кажется, над нами посмеиваются... Уж не пародия ли эти четверо на наши представления о ковбоях, позаимствованные из приключенческих фильмов?

Не так прост этот спектакль, как вначале кажется.

В настоящем цирке актеры не раскрывают перед зрителями своих секретов. Актеры «Нашего цирка» ничего не держат в тайне. Смеясь, показывают они тайные пружины номеров, то, как они задумывались.

Любой зритель этого спектакля, придя домой, без всяких старомодных заклинаний вроде «крибле-крабле» может превратиться по желанию в фокусника, иллюзиониста, льва, медведя, пингвина.

Хотите в пингвина? Пожалуйста: натягиваете тренировочный костюм, на ноги — ласты, на голову — спортивную шапочку. Да не забудьте песенку о пингвинах, хотя бы несколько тактов. Вот вам три пингвина сразу: Крем, Брю, Ле.

У этой пьесы нет автора. Да и самой пьесы нет тоже. Спектакль «Наш цирк» придумывали ученики студии, актеры, режиссеры и, конечно, главный выдумщик и главный режиссер театра З. Я. Корогодский. Каждый добавлял что-то свое: фантазию, юмор, лиричность, злость, наблюдательность, радость жить.

И мы, зрители, увидели в этом спектакле подвижную, живую, совсем юную физиономию театра, как бы его коллективный портрет.

Да, он клоун, рыжий, и гордится этим. Юмор почитает он великой добродетелью. Но, смеясь, не жалеет и себя, и, смеясь, говорит вещи серьезные, а порой и грустные.

Зал узнал в нем своего сверстника и полюбил сразу, с первого спектакля.

«Верховые, опустите пушки!»

А все-таки жаль, что ребят не пускают на репетиции. Мне бы очень хотелось провести тебя когда-нибудь в театр к девяти часам утра. Ты ведь и не скрываешь, что хотела бы стать актрисой. Жизнь актрисы представляется тебе лишенной будней и ежедневных трудов, вся — праздник, счастье славы, сияние прожекторов. Эти детские представления удивительно живучи. Я и сама по-настоящему поняла, что такое труд актера, только побывав на репетиции.

Утром зал пуст и темен. Две женщины сидят на сцене, поджав ноги, и чинят «одежду сцены». Мне нравится это выражение — «одежда сцены», как будто она живая. По утрам вид у нее деловой, подтянутый. Золушка, почти забывшая, что вчера она была на балу. Ведь сегодня столько забот! В комбинезоне, забрызганном краской, с ведром и кистью ходит по сцене художница Валя Соловьева. Плотники прилаживают в оркестр трап. На деревянной скобе, в которой зрители узнают корму корабля, стоит осветитель Лариса. Она кричит кому-то:

— Седьмой, двенадцатый! Левее! Еще левее...

И в ответ на ее команду на скобу ложатся вспышки света.

Ленинградский ТЮЗ готовит к постановке пьесу Корнейчука «Гибель эскадры». Пьеса рассказывает об одном из драматических моментов в истории гражданской войны, когда моряки-черноморцы сами должны были потопить флот, чтоб он не достался врагу.

В половине десятого, стремительно пересекая зал, у режиссерского столика появляется Зиновий Яковлевич Корогодский.

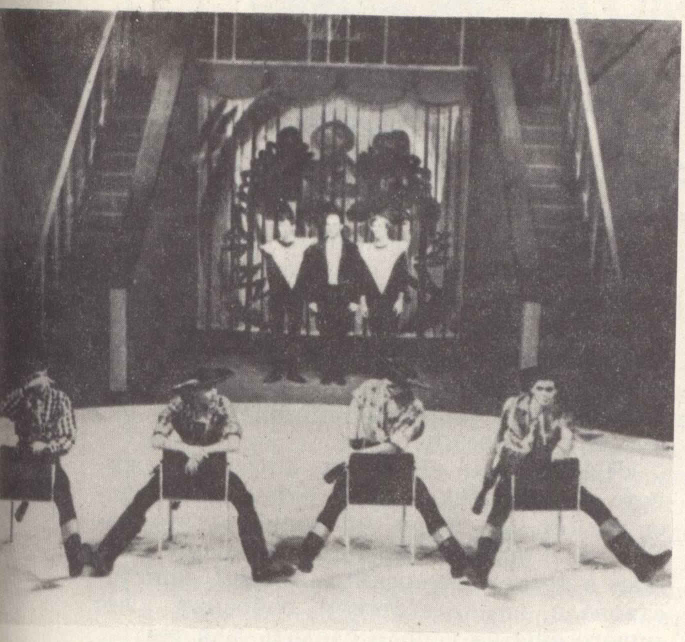
— Начали, — говорит он.

Когда мы смотрим спектакль, мы не думаем о том, что каждая минута сценического действия содержит в себе труд режиссера, актера, рабочих сцены, худож-

ника, осветителей, бутафора и др. Это огромный оркестр, который мы замечаем, только если он разладился, если кто-нибудь ведет свою партию «нечисто». Тогда, придя из театра, мы рассказываем: «А сегодня декорация зацепилась».

Начали!

И сразу пошли вниз клинья, очерчивающие борт корабля, заплескался, наполнил-

Ты, верно, узнал знаменитых ковбоев «4 Хобби 4» из спектакля «Наш цирк». А клоунское трио «Веселые гримасы» шлет тебе прощальный привет.

ся светом сине-голубой экран, поворот круга — и из трюма вышли матросы-комитетчики с Балтийцем во главе, прозвучала первая реплика: «Как хорошо, товарищ, что ты приехал...»

Но... запоздала музыка. Но... забыли опустить пушки.

— Верховые, опустите пушки! — говорит в микрофон режиссер.

И все началось сначала: пошли вниз клинья, зазвучала музыка, опустили пушки...

А ведь прежде, чем перенести репетиции на сцену, режиссер и художник долго проверяли свои замыслы на рабочем макете. В мастерской художника Натальи Николаевны Ивановой я видела макет следующей работы театра — «Сказок» Чуковского. Все тут, как на настоящей сцене: задник, занавес, декорации, только все в двадцать раз меньше и выклеено из картона, бумаги, марли. На крошечной сцене уютно сверкал гигантский самовар в спичечную коробку величиной. Ехали медведи на велосипеде, смеялись зайчики в трамвайчике. Трамвайчик катился на кнопках-колесах.

А на большой сцене снова и снова повторяли начало картины, пока каждый из участников точно не запомнит, в какой момент ему следует вступать.

Балтийца-большевика, который привез черноморцам приказ топить корабли, играет Юрий Тараторкин, актер подкупающе честный и искренний.

Мне казалось, тут все пойдет как по маслу, но первая же реплика Балтийца снова надолго останавливает репетицию.

Пять, шесть часов подряд идет репетиция. И так каждый день. А вечером спектакль. А между репетицией и спектаклем — черствые коржики и винегрет в буфете, и артисты разбегаются на занятия хореографией, музыкой, фехтованием.

Запомнился мне один разговор. Заведующая гримерным цехом Тамара Осиповна Макарова показывала свое хозяйство (две тысячи париков) и говорила, что после каждого спектакля парики надо мыть ацетоном, сушить, подвивать.

— А мыть зачем? — удивилась я.

И она терпеливо объяснила, что парики возвращаются в гримерную мокрыми от пота.

С тех пор слабый запах ацетона, что стоит в театре после спектакля, всегда напоминает мне, каким каторжным трудом достаются то мастерство, изящество, легкость, которыми мы любуемся на сцене.

Человек интересом живет

А знаешь ли ты, что без тебя, без зрителя, не будет театра, что успех или неуспех спектакля от тебя зависит почти столько же, сколько от актера, режиссера, художника? В истории известны случаи, когда спектакль играли для одного зрителя, но хоть один должен быть непременно. Вот какое ты важное лицо!

И, может быть, поэтому участникам самого первого спектакля ленинградского ТЮЗа больше всего запомнилась не премьера, а день накануне премьеры — 22 февраля 1922 года. В этот день зрители впервые пришли в театр. И случилось это так.

Для первой постановки ТЮЗ выбрал сказку Ершова «Конек-горбунок». Генеральная репетиция задерживалась: ждали коней, их должны были привезти из мастерских Декоративного института. И они уже летели по Петрограду на санях, золотогривые, вороные. И вслед за ними бежали мальчишки и девчонки. Они выскакивали из ворот домов, из переулков по знаку только им слышной трубы. Их становилось все больше, они заполнили Моховую и хлынули в зал. Так велико было нетерпение первых зрителей, что свой театр они взяли штурмом. Правда, с полного согласия руководителя театра А. А. Брянцева. Мне кажется, он обрадовался зрителям. Александр Александрович был удивительный человек, где-то я прочла, что актеры называли его «папа Брянцев».

Казалось, что жизнь в Петрограде 1918—1920 годов едва теплилась, слабая, как фитилек «фиги», которая заменила петроградцам электричество. «Фига» — типичный плод тех скудных лет: скрученные нитки опускались в пузырек с керосином. Случалось, что на два дня жителям Петрограда выдавали по пятьдесят граммов черного хлеба, дров не хватало даже для того, чтоб раскалить пузатенькую печку-«буржуйку».

Ветер завывал в остывших трубах брошенных особняков: «Быть Петрограду пу-усту-у!»

И напрасно старался. Такое было время, что о будущем думали гораздо больше, чем о сегодняшнем дне. И потому в первые же дни революции детские дома и школы переводят в самые красивые особняки. И потому в тяжелейшие годы гражданской войны в Москве, Екатеринодаре, Петрограде, Харькове возникают театры для детей.

«Новорожденным» театрам не пеленки нужны — фанера, материя, краски, гвозди, бумага, клей. А каждый гвоздь на вес золота!

Первые зрители делили со своим театром не только радости творчества, а и трудности. Сейчас делегатские собрания зрителей есть во многих ТЮЗах, но, наверное, не все знают, что первое делегатское собрание было создано А. А. Брянцевым. Делегаты помогали, как могли, театру: клеили декорации, шили костюмы, электрифицировали здание театра. До этого спектакли были только дневными.

Делегатское собрание было и первой «школой грамоты» для зрителей, они учились смотреть спектакли. Потому что, как справедливо поется в тюзовской песенке: «Смотрят все, а видят немногие: в этом весь секрет». Они постигали искусство быть зрителем.

И сейчас каждая школа Ленинграда выбирает в делегатское собрание, или парламент зрителей, по два человека. Они собираются в театре, спорят о спектаклях, вместе ходят на выставки, сочиняют стихи и песни и дружат, часто на всю жизнь, потому что их объединяет интерес к искусству, к театру.

«ЧИЖ», или «Человек интересом живет»,— так назвали свой отряд пятиклассники. И мне очень понравилось это название. В первый раз в этом году они прошли в театр «актерским» входом, присутствовали на делегатском собрании. Они ничего еще не успели сделать для театра, только ответили на вопрос: чем любят заниматься — петь, читать стихи, шить. А один мальчик, Миша, написал: «Бегать на короткие дистанции».

Много лет предстоит им идти с театром рядом, чувствуя его постоянную поддержку и помощь. Мир будет открываться им от спектакля к спектаклю все больше, вот так же, как открываются у нас под рукой переводные картинки.

Потом они уйдут в другую, взрослую жизнь и будут ходить во взрослые театры, но «кусочек» ТЮЗа в каждом останется навсегда.

В театре вам непременно расскажут о том, как бывшие делегаты-географы открыли на Севере небольшую речку и назвали ее притоки Тюзовский и Делегатский.

Так зрители расписались в любви к своему театру прямо на земном шаре, на географической карте.

Как из „ВЧЕРА" рождается „ЗАВТРА"

О протонах в упряжке, о чудо-автоматах, о звездном топливе и о Ленинском предвидении

Рассказывает Владимир Иванович СИФОРОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР, председатель научно-технического общества радиотехники, электроники и связи

Говорить обо всей советской науке, обо всех ее достижениях немыслимо. Давайте выберем что-нибудь одно, какую-нибудь одну область. Я предлагаю электронику, потому что она входит составной частью во многие науки. В одних она служит предметом изучения, в других — средством изучения, оружием ученых.

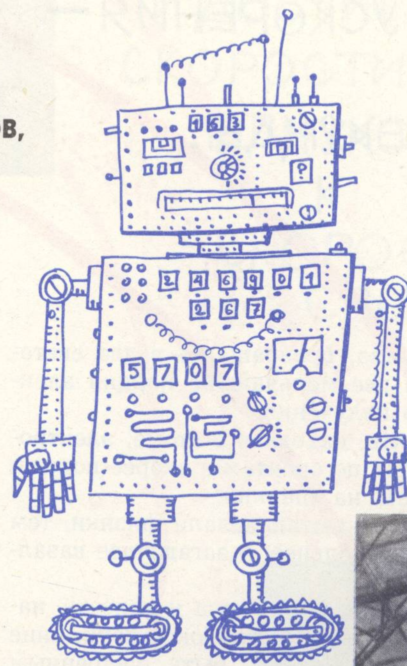
Межпланетные автоматические станции, цветное телевидение, электронные «помощники» больного сердца; гигантские радиотелескопы и микроскопические полупроводниковые приборы; аппараты для регистрации биотоков мозга и спутники космической связи; бездонная память электронно-вычислительной машины и могучий луч лазера... Все это советская электроника.

Электрон. Какой он?

Но прежде чем говорить о сегодняшних научных исследованиях и открытиях, о конкретных приборах и аппаратах электронной техники, несколько слов об одном удивительном обстоятельстве, связанном с самим электроном.

В начале века физики знали об этой частице очень немного. Электрон представлялся этаким крохотным шариком — носителем самого маленького в природе электрического заряда. Казалось, что это один из простейших кирпичиков, из которых построено все в природе.

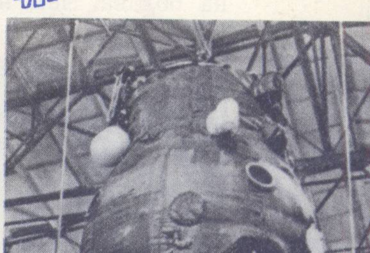
И вот в это самое время Владимир Ильич Ленин, основываясь на законах обобщающей науки, которая называется диалектический материализм, категорически отверг представление об электроне, как о простейшем «шарике».

«Электрон, — утверждал Ленин, — так же неисчерпаем, как и атом...» Ленин писал это более пятидесяти лет назад в одной из своих научных работ.

Шли годы, и эти ленинские слова подтверждались открытиями физиков.

У электрона были обнаружены магнитные силы и особые внутренние механические движения, что-то вроде вращения волчка. Оказалось, что при определенных условиях электрон как бы перестает быть «шариком» и становится... волной. Оказалось, что у него есть близнец — позитрон, во всем на него похожий, но с положительным зарядом. Оказалось, что, столкнувшись друг с другом, позитрон и электрон перестают быть ча-

Сборочный цех. Под самый потолок — громада космического корабля. Это «Союз». Идет его оснастка сотнями хитроумных устройств и автоматов, испытываются его электронные «глаза» и «уши».

Длина кольца Серпуховского гиганта — полтора километра, цикл ускорения — 2,5 секунды.

стицами вещества, превращаясь в два световых кванта, в две мельчайшие порции электромагнитного излучения.

Оказалось, что, находясь в атоме, электроны «размазаны» по орбитам и скорее похожи на облака, чем на шарики.

Чем больше открытий делали физики, тем сложнее, и удивительнее, и загадочнее казался им электрон.

Какая же нужна была сила и ясность научного мышления, какое глубокое понимание законов природы, чтобы быть уверенным в этом более чем полвека назад! Предсказанная Лениным сложность электрона — теперь уже доказанный неоспоримый факт. И это — лишь начало. Никто из ученых не сомневается, что предстоит открывать все новые и новые свойства этой действительно неисчерпаемой частицы.

Как, чем и зачем обстреливают атом?

Около двух лет назад в жизни всех физиков произошло важное событие: вблизи старинного русского города Серпухова вступил в строй крупнейший в мире синхрофазотрон — ускоритель атомных частиц.

Для физиков это — орудие исследования и эксперимента. Это электронный прибор, но какой!

Главная его часть — согнутая в кольцо труба, огромная «баранка» (специалисты называют ее кольцевой камерой). Диаметр кольцевой камеры почти полкилометра, длина ее окружности — полтора километра. Здесь и происходит ускорение частиц, протонов. Их ускоряет магнитное поле, а создают его огромные и мощные электромагниты, расположенные по окружности «баранки». Одни лишь стальные сердечники этих магнитов весят столько, что для перевозки их понадобилось бы чуть ли не десять тысяч грузовиков.

Бегун мчится по гаревой дорожке стадиона. А попробовал бы он развить ту же скорость, продираясь через заросли кустарника!

Чтобы расчистить «беговую дорожку» для протонов, из кольцевой камеры выкачивают воздух, как из радиолампы. Представляете, вакуумная лампа в полтора километра длиной!

Построить такой ускоритель может только страна с передовой наукой, могущественной техникой и высокоразвитой промышленностью — такая страна, как наша.

Какую же службу несет огромный и сложный Серпуховский синхрофазотрон? Этот великан помогает «увидеть» самое маленькое и невидимое, что есть на свете: частицы, из которых построено атомное ядро. Увидеть, конечно, не глазами. Ведь мы видим то, что отражает свет, то, что больше световой волны. Но даже крупнейшие из атомных ядер во много раз меньше ее.

Для того, чтобы «увидеть» атомные частицы, физики обстреливают их.

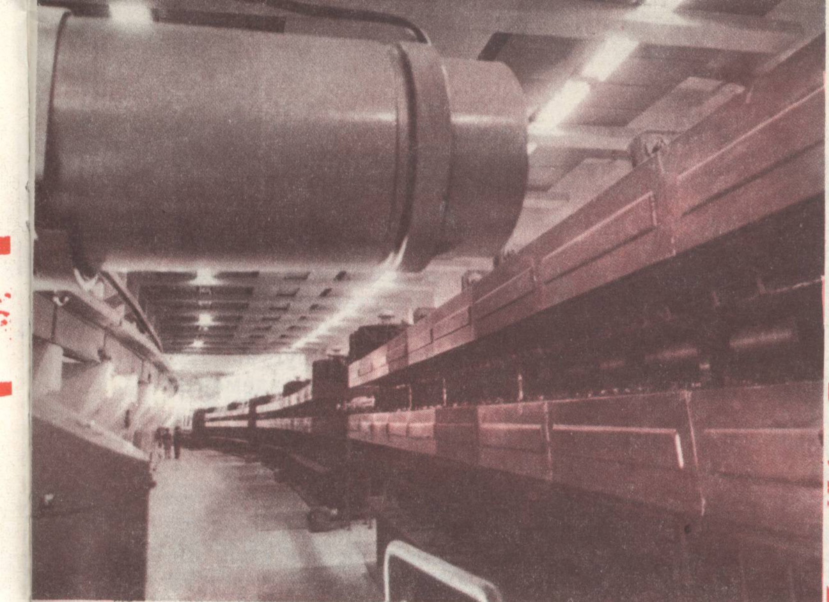
Кольцевая камера — это ствол орудия. А протоны — ядра водорода — это разгоняемые в ней снаряды, которыми ведется обстрел. Цикл ускорения длится около двух с половиной секунд. За это время частицы сделают внутри камеры чуть ли не 400 000 оборотов. И тут, когда они мчатся со скоростью, близкой к скорости света, на их пути встают «мишени»: ядра атомов различных веществ. При попадании протона «мишень» разлетается на мельчайшие осколки, которые мгновенно регистрируются остроумными и точными приборами.

Чем больше скорость и, значит, и энергия «снаряда», тем многочисленнее и разнообразнее осколки расколотого атомного ядра, тем больше подробностей можно узнать о его строении.

Энергия «снарядов» в Серпуховском ускорителе во много раз больше, чем в любом другом из существующих на свете ускорителей. С его помощью наверняка будут открыты многие тайны неисчерпаемого атома. Не случайно еще задолго до пуска ускорителя для работы на нем записались в очередь ученые Америки, Франции и многих других стран.

Зажечь звезду на земле

С той поры, как первобытный человек зажег свой первый костер и таким образом создал свой первый генератор энергии, и до сегодняшнего дня вся история человеческой техники связана с поиском все новых и но-

Фотография эта позволяет нам заглянуть внутрь той самой гигантской «баранки», по которой мчатся в Серпуховском ускорителе атомные частицы. Виден бесконечный ряд электромагнитов, которые и разгоняют «бегунов» до огромных скоростей...

За 2,5 секунды атомные частицы 400 000 раз пробегут по кольцу и достигнут скорости, близкой к скорости света.

вых, все более могучих энергетических источников.

Сейчас каждому нашему рабочему помогают десятки электрических и механических тружеников — станков, автомобилей, подъемных кранов. Наши улицы и дома освещаются миллионами электрических ламп. И все это требует океанов энергии — электрической, механической, тепловой.

Уже давно люди научились сжигать для этого те или иные горючие вещества: дрова, уголь, нефть.

Потом научились с помощью гидростанций использовать вечную энергию бегущей реки. Уже учатся использовать энергию подземного жара планеты. Вспомните, на Камчатке мы строим Паужетскую ГЭС, которая будет питаться энергией вулканического тепла.

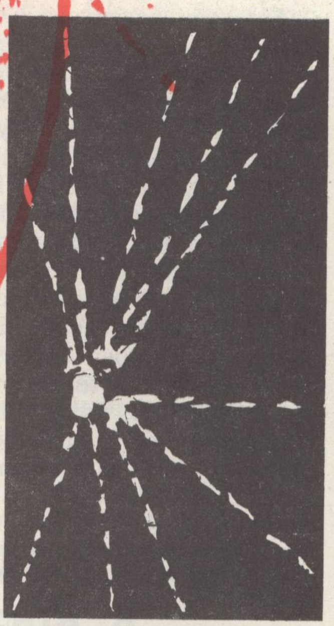
До использования энергии океанских приливов тоже очередь дошла, и это значит, что электрический ток будет давать сила тяготения, что в энергетической упряжке станет работать Луна.

Но человечество продолжает поиск.

Атомная электростанция. Здесь отдают энергию распадающиеся ядра тяжелых радиоактивных веществ: урана, плутония и других природных и искусственно созданных. Но физики знают: энергия деления атомных ядер — только маленькая частичка того, что скрыто в загадочных глубинах атома. Мы как бы стоим на берегу океана и черпаем его ложкой.

А перед нашими глазами — миллиарды реакторов, в тысячи раз более могучих и щедрых. Стоит лишь взглянуть на искрящееся звездами небо. Каждая звезда — непревзойденный, наиболее совершенный из всех известных генераторов энергии.

Вот, например, Солнце. Среди звезд это совсем не самая большая, не самая яркая, не самая горячая звезда. Обыкновенный желтый «карлик». Но каждый квадратный сантиметр

Вот какие следы оставляют атомные частицы на фотопластинке.

поверхности этого «карлика» каждую секунду посылает в пространство 62 биллиона эргов энергии. Каждую минуту 240 миллионов тонн солнечного вещества превращается в свет, тепло, радиоволны и другие виды излучения. И этот чудо-генератор, работая в таком режиме, за 150 биллионов лет уменьшит свою массу всего на один процент. Вот что такое желтый «карлик»!

Как работает звезда, физики уже разгадали. Там происходит не деление ядер, а синтез, слияние их. В результате многоступенчатого процесса четыре ядра водорода сливаются в одно ядро гелия.

Звездное вещество — горячая плазма — физиками уже получено и у нас и за рубежом. Но до сих пор в опытных лабораторных установках, зажатая в магнитную ловушку, плазма живет невероятно короткие мгновения — миллионные доли секунды, а затем ускользает, растекается, и длительной, равномерно идущей «звездной» ядерной реакции не происходит.

Сейчас мировой рекорд длительности удержания горячей плазмы принадлежит советской установке «Токомак». В ней плазму удерживают в невидимом магнитном сосуде — в сильном магнитном поле сложной конфигурации. Ученые других стран с восхищением говорят об этой установке.

А совсем недавно академик Петр Леонидович Капица продемонстрировал установку, где используется совершенно новый способ удержания небольших пока сгустков горячей плазмы. Эти сгустки получают, сфокусировав в одной точке мощные пучки радиоволн. А сами сгустки плазмы Петр Леонидович считает сродни шаровой молнии, которая, по его мнению, тоже появляется в месте сильной концентрации электромагнитных волн, возникающих во время грозы.

Трудно пока сказать, через сколько времени будет построен первый термоядерный котел — первый звездный реактор. Но когда это произойдет, мир с благодарностью вспомнит имена наших физиков, прокладывавших людям путь к бескрайнему океану энергии.

Автоматы уходят в космос

Путь во Вселенную открыли нам ракеты. Но ракеты — эти гигантские колесницы с упряжкой в десятки миллионов энергетических лошадей — были бы беспомощны без точных и умных электронных приборов, без сложной аппаратуры автоматического управления.

Чтобы понять, как совершенна такая аппаратура, вспомним хотя бы точность «попадания» двух наших автоматических станций в Венеру. Если бы, находясь в Москве, мы могли с такой же точностью нацелить пылинку, то попали бы ею в любое по выбору здание на улицах Хабаровска.

Самые сложные операции на наших межпланетных станциях выполняются автоматически, на расстояниях в десятки миллионов километров от Земли. Представьте себе, как «глаза» станции шарят по звездному небу, натыкаясь на одну звезду, на другую. Как свет этих звезд попадает на фотоэлементы и создает в них слабые электрические сигналы. И как электронные автоматы, сравнивая эти сигналы, выбирают заданную звезду — одну из тысяч — и уже по ней ориентируют станцию. Примерно так же станция сама находит Землю и направляет на нее свои антенны. Сама находит Солнце, чтобы подставить его лучам свои солнечные батареи.

В последние годы Советская страна запустила в космос несколько сотен сложнейших

Под этим куполом — радиолокаторы. Такие станции, оборудованные новейшей техникой, предназначены для наших аэродромов.

Рыбак и портрет

Курт ДАВИД

РАССКАЗ

Амбон — крошечный рыбачий поселок на французском побережье Атлантики, семь домиков с плоскими крышами. Все они разместились на узкой косе под голым скалистым обрывом, на гребне которого качаются на морском ветру редкие кусты дрока с желтыми цветами.

Осенним утром 1942 года из Амбона, тарахтя по узкой каменистой дороге, выехал мотоцикл. За рулем его сидел немецкий солдат полевой жандармерии. Он привез в селение и оставил там небольшой лист бумаги — приказ. Этот приказ коротко и бесповоротно лишал рыбаков сразу всего, чем они владели и жили, отбирал у них хлеб, кров, их скупое счастье.

— Нам дается всего один час,— сказал односельчанам старый рыбак. В правой его руке была немецкая бумага с приказом, а левая... Полупустой рукав прятал от глаз память о первой мировой войне.

Люди окружили однорукого. Собрались все из селения: мужчины, женщины, дети.

— Они будут строить здесь укрепления,— пояснил старик.

Дети испуганно глядели на взрослых. Все молчали. Потом так же молча стали медленно расходиться.

Вскоре перед домиками появились двухколесные тележки. Прежде на них отвозили устриц в город на рынок, теперь люди тащили из домов столы, стулья, кое-как, наспех увязанные тюки, и все это добро как попало громоздилось на тележке.

Однорукий рыбак вышел из своего опустевшего дома, деловито проверил, крепко ли увязана поклажа на тележке, и оглянулся на свой дом. Потом встал, привалившись плечом к дверному косяку. Отсюда прямо перед ним расстилалось море. Он прощался с морем, как крестьянин прощался бы со своим полем.

Был прилив. С гулом и с грохотом шли волны, одна за другой расшибаясь о скалистый берег. Поднимался слабый туман. Он оседал на дороге, и за туманной дымкой плыло желтое солнце.

Рыбак пошел вокруг дома, машинально отшвыривая носком башмака пустые устричные раковины — их тут было много. Когда он снова очутился возле двери, его взгляд уткнулся в зеленую сеть из вьюнков, которые густо оплели стену дома. Крепкие, гибкие стебли словно когтями цеплялись за неровности каменной стены, тянулись кверху. На темной зелени листьев сияли бледно-розовые цветы.

Прибежал чей-то мальчик, он выкрикнул, задыхаясь: «Пьер! Они идут! Идут!» — и махнул рукой на дорогу, по которой медленно двигалась колонна солдат.

Старый рыбак достал нож и принялся срезать плеть за плетью, приговаривая:

— Нет, для них ты не будешь цвести!

На дороге перед его домом столпились люди с тележками. Они ждали старого рыбака. А он по-прежнему неторопливо расстелил на земле черный платок, в который был замотан чей-то портрет в рамке, и завернул в него обрезанные вьюнки. Потом портрет и узел с цветами он сунул под мышку, неловко прихватив полупустым рукавом.

Немцы уже разбрелись по селению. С любопытством осматривались, о чем-то переговаривались, а их молоденький лейтенант двинулся к толпе рыбаков.

Однорукий все еще стоял возле своего дома и глядел на море. А тот шел именно к нему, поздоровался и сказал:

— Можешь отправляться, старик!

Рыбак глядел в сторону и делал вид, будто ничего не слышит. Офицер повторил свои слова по-французски.

Так и не взглянув на лейтенанта, рыбак пошел к своей тележке. Шел он медленно, очень медленно, зная, что за ним пойдут все люди селения.

Лейтенант следил за каждым его шагом; он, казалось, был даже смущен, этот немец, слишком молодой для такой неприятной миссии. Лет девятнадцать было ему на вид, и по тому, как он переминался с ноги на ногу, по тому, как смотрел на бедные тележки и согнутые фигуры людей, можно было предположить, что он, пожалуй, сочувствует тем, кого пришел выселить и изгнать.

Вот однорукий нагнулся, чтобы взяться за рукоятку тележки. Вышло это у него неловко, и портрет в рамке и узелок с цветами упали на дорогу. Немецкий лейтенант подбежал к нему и поднял с земли портрет и узелок. Протянув однорукому его цветы, немец задержал в руке портрет и принялся его с улыбкой рассматривать.

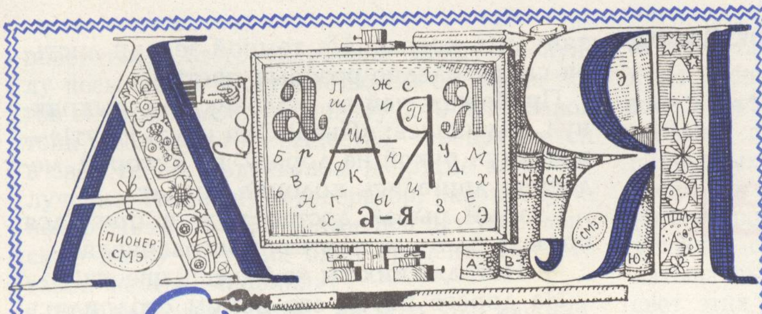
— Ваш отец, да? — Голос лейтенанта звучал вполне дружелюбно.

Рыбак молчал. Глядел он куда-то мимо, но тут глаза его вспыхнули, а губы торопливо произнесли:

— Да, да! Наш отец!

Лейтенант протянул рыбаку портрет и отошел. Рыбак с силой толкнул свою тележку и покатил ее перед собой. За ним тронулись другие. Через некоторое время маленькая процессия растворилась в тумане. Однорукий рыбак унес с собой портрет Ленина.

Перевела с немецкого И. ЧУКОВСКАЯ.

САМАЯ МАЛАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

объясняет значение терминов, понятий, имен и названий, говорит о происхождении слов, их родственных связях, их жизни и работе, которую они выполняют, помогает в произношении и правописании, а также сообщает многие другие сведения как полезные, так и занимательные.

Русские слова существуют во многих языках мира. Многие давно, многие недавно.

ВОТ СЛОВА, КОТОРЫЕ ПОПАЛИ В ЛЕКСИКОН НАРОДОВ МИРА ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Аршин — анг. arshin, фр. archine, нем. Arschin, исп. arshin
Балалайка — анг. balalaika, фр. balalaïka, нем. Balalaika, исп. balalaika
Борзая — анг. borzoi, нем. Barsoi
Борщ — анг. borsch, фр. borchtch, нем. Borschtsch
Верста — анг. verst, фр. verste, нем. Werst. исп. versta
Водка — анг. vodka, нем. Wodka, исп. vodka, итальянск. vodca
Дрожки — анг. droshki, фр. drojki или drochki
Калач — анг. calash, caleche, исп. kalach
Квас — анг. kvas, исп. kvas
Кисель — анг. kissel, фр. kissel, нем. Kissel
Кнут — анг. knout, нем. Knute
Погром — анг. pagrom, фр. pogrom(e), нем. Pogrom, исп. pogróm
Самовар — анг. samovar, фр. samovar, нем. Samowar, исп. samovar
Тройка — анг. troika, фр. troïka, нем. Troika

А ТЕПЕРЬ ПОЗНАКОМИМСЯ С ТЕМИ СЛОВАМИ, ЧТО ПРИШЛИ В ДРУГИЕ ЯЗЫКИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ.

Большевик — анг. bolshevik, фр. bolchevik, нем. Bolschewik
Колхоз — анг. kolkhos, фр. kolkhoz(e), нем. Kolchos(e), исп. coljós
Комсомол — анг. komsomol, фр. komsomol, нем. Komsomol, исп. Komsomol
Комсомолец — нем. Komsomolze
Ленинизм — анг. leninism, фр. léninisme, нем. Leninismus, исп. leninismo
Ленинский — анг. leninist, фр. léniniste, нем. Lenins, Leninisch исп. leninista
Ленинец — анг. leninist нем. Leninist, исп. leninista
Синхрофазотрон — анг. synchrophasotron
Совет — анг. soviet, фр. soviet, нем. Sowjet, исп. soviet
Советский — анг. soviet, фр. soviétique, нем. Sowjet, sowjetisch
Совхоз — анг. sovkhoz, фр. sovkhoz, нем. Sowchos(e), исп. sovjós
Спутник — анг. sputnik, нем. Sputnik, исп. sputnik
Стахановец — анг. stakhanovite, фр. stakhanovien, исп. stajanovista
Ударник — анг. udarnik, фр. oudarnik, нем. Udarnik

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Две задачи и этюд

Сегодня Пешкин знакомит вас, ребята, с интересными шахматными композициями — с двумя задачами и этюдом, которые решал В. И. Ленин.

«Шахматы любил наш отец,— вспоминала сестра Ленина Анна Ильинична Ульянова,— и любовь эта передалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал к себе в кабинет».

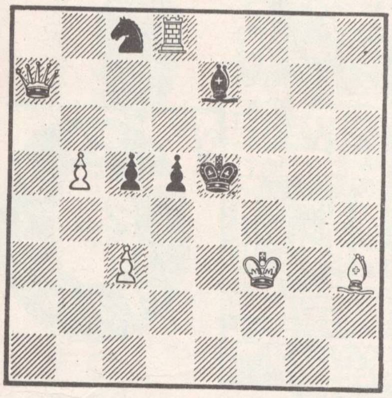
Что привлекало Владимира Ильича в шахматах?

«Для него главный интерес в шахматах,— писал брат Владимира Ильича Дмитрий Ильич Ульянов,— состоял в упорной борьбе, в том, чтобы сделать наилучший ход, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые. Бывало, когда сделаешь в игре глупость и этим дашь ему легкий выигрыш, он говорил, смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл».

Владимир Ильич Ленин глубоко разбирался в шахматах, хотя и мог уделять им совсем немного времени.

На диаграмме № 1 вы видите задачу, которую составил Дмитрий Ильич Ульянов. Она была напечатана в 1909 году в приложе-

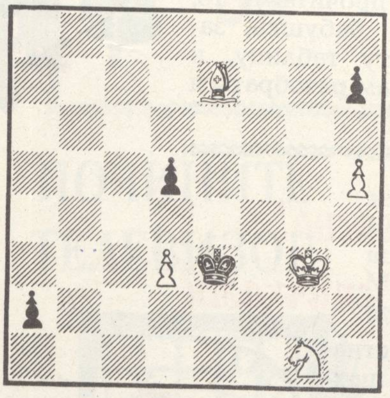
нии к журналу «Нива». Дмитрий Ильич послал эту задачу Владимиру Ильичу, находящемуся в то время в эмиграции, в Женеве.

Начиная игру, белые дают мат в два хода.

В ответном письме Владимир Ильич писал брату:

«Получив твою задачку, я чуточку «раззадорился» на шахматы, а то было совсем, совсем все перезабыл. Задачку твою я решил легко. Лd8-d6. А вот в «Речи» увидел сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился. Положение такое:

Белые начинают и выигрывают. Красивая штучка».

Авторами прекрасного этюда, опубликованного в газете «Речь», были известные русские мастера шахматной композиции братья В. и М. Платовы. Этюд получил первый приз на одном из международных конкурсов 1909 года.

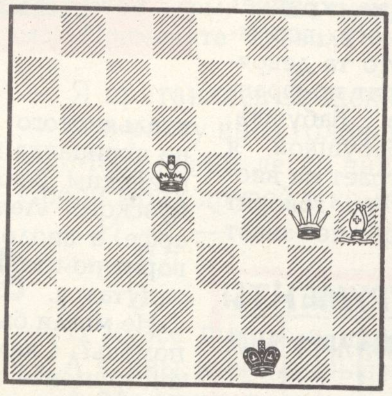
Вот как белые добиваются победы:

1. Ce7-f6! d5-d4 2. Kg1-e2! (Если теперь 2... Kp : e2, то 3. C : d4 и белые выигрывают) 2... a2-a1Ф 3. Ke2-c1! (Блестящий ход. У черных неожиданно не оказывается защиты от двух коварных угроз 4. Cg5 мат и 4. C : d4+ 3... Фa1-a5 4. Cf6 : d4 + Kpe3 : d4 5. Kc1-b3 + и белые выигрывают.

Рассказывая о последних годах жизни Владимира Ильича, Д. И. Ульянов писал:

«В начале 1922 года, когда Владимир Ильич отдыхал в Горках, я, чтобы немного развлечь его, давал ему некоторые задачи. Он решал их поразительно быстро.

Помню, что ему особенно понравилась следующая задача:

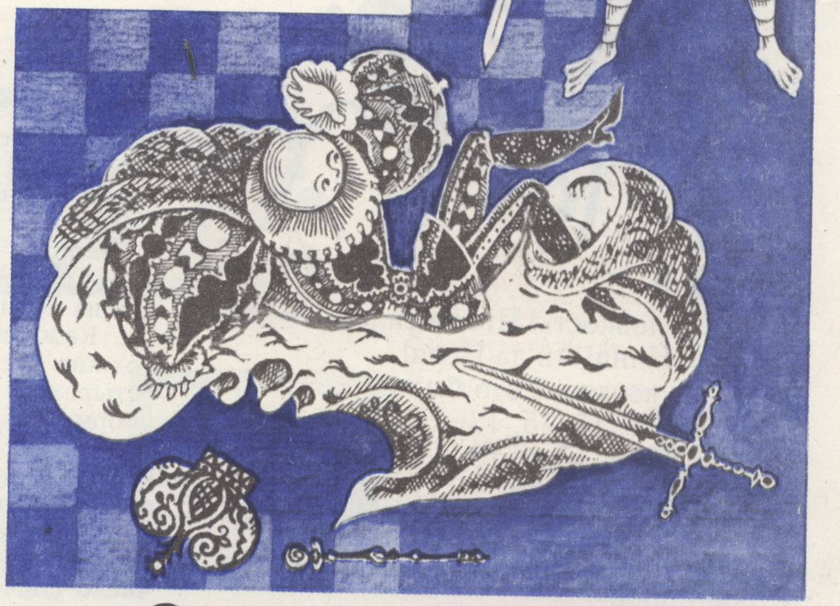

Белые начинают и дают мат в три хода».

Автором этой трудной задачи был выдающийся американский мастер О. Вюрцбург. Мат в три хода достигается таким путем:

1. Фg4-g7! Kpf1-e2 2. Фg7-d4! Kpe2-f3 3. Фd4-e4 мат; или 2... Kpe2-f1 3. Фd4-f2 мат.

Внучки бабушки Пелагеи

— Мои четыре внучки—замечательные девочки,— рассказывала бабушка Пелагея с нескрываемой гордостью.— Каждая из них играет на каком-нибудь музыкальном инструменте и говорит на одном из иностранных языков.

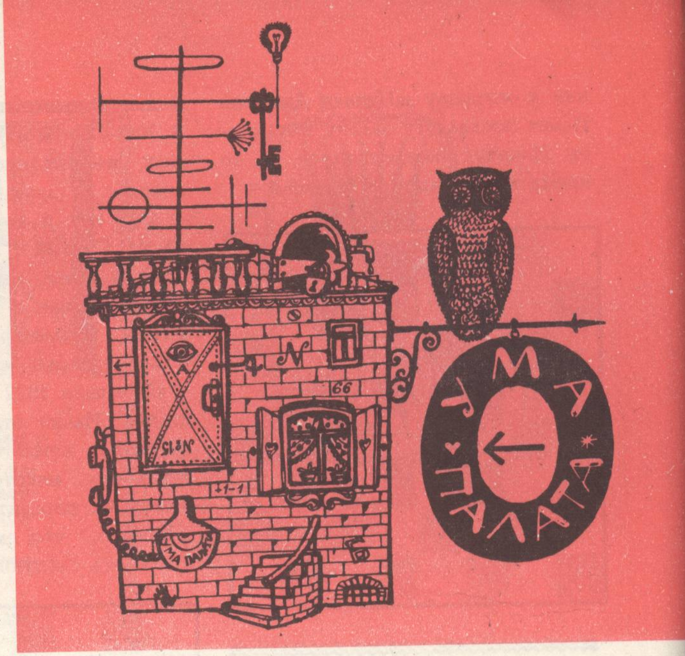
— На чем играет Маша? — спросил я.

— На рояле.

— А кто играет на скрипке?

— Что-то не могу вспомнить. По-моему, это та девочка, которая говорит по-французски,— ответила бабушка.

Поговорив с бабушкой, я узнал, что Валя играет на виолончели, а Лена не говорит по-немецки. Маша не знает итальянского языка, а Оля — не скрипачка и не владеет английским. Валя не знает французского, Лена не играет на арфе, а виолончелистка не говорит по-итальянски. Я совсем запутался.

Не могли бы вы, ребята, мне помочь? Скажите, на каком инструменте играет Валя и в какой европейской стране ей не потребовался бы переводчик?

Внимательно прочитайте то, что рассказала бабушка, заполните вот эту таблицу, и она поможет вам разобраться в задаче.

	+ ЯЗЫКИ +				+ ИНСТРУМЕНТЫ			
	ФР.	НЕМ.	ИТ.	ИСП	РОЯЛЬ	СКРИПКА	АРФА	ВИОЛ.
МАША			—		+	—	—	—
ВАЛЯ								
ЛЕНА								
ОЛЯ								

А ВЫ ТАК МОЖЕТЕ?

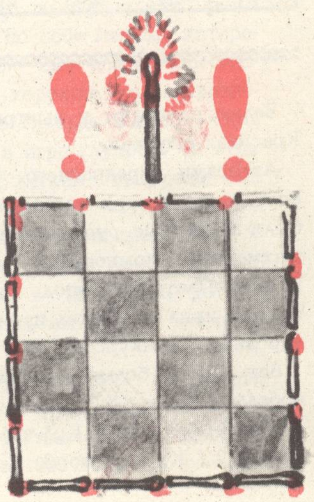
ИГРЫ ДЕДА-БУКВОЕДА

Что за ловкость! Что за сила!
Ай да Нина! Ай да Неля!
— Но когда же это было?
— 20, 19, 17, 15, 13
16, 6, 17, 3, 15, 4, 15
1, 16, 17, 6, 12, 32!

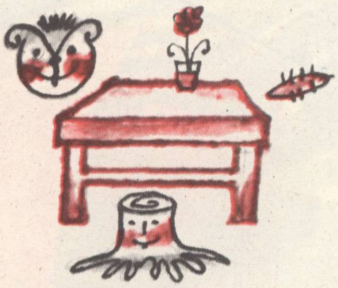
Вы это сможете узнать, когда расшифруете последнюю фразу четверостишия.

Осторожно!
Играем со спичками

Вокруг шестнадцати полей шахматной доски расположены шестнадцать спичек. Разбейте этот квадрат с помощью нечетного количества спичек на четыре фигуры. Каждая фигура должна состоять из четырех полей. (Форма фигур может быть разная). Конечно, это легко сделать, взяв 8, 10 или 12 спичек. А вы возьмите **нечетное число** спичек.

СЛОВА-НЕВИДИМКИ

— Я экзотический цветок.
— А я, как зверь, четвероног.
— А я бревно, и часть меня
В лесу осталась в виде пня.

— О — — —
— — — —
— — В — —

Кто это говорит? Слова-невидимки! Вы сможете их увидеть, если замените буквами черточки в таблице. У всех слов невидимые буквы одинаковые, только стоят они в словах в разном порядке. Вы отгадали, что, «как зверь, четвероног» — это стол? Из букв, образующих это слово, вы легко можете составить два других слова.

Запомните правила этой игры: слова-невидимки будут частыми гостями Палаты ума. Примените правила в следующих двух загадках:

— Я притаилась за щекой.
— А я расту вниз головой.
— Меня же вы легко найдете
Среди моих друзей в компоте.

И — — — — —
— ЕД — — — —
— Б — — — О —

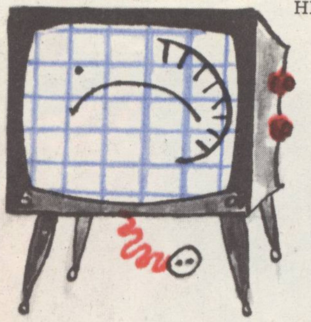

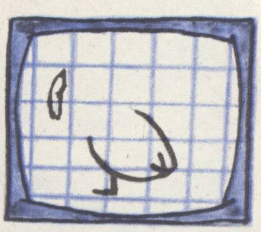
— В музее шапок я царица.
— А я, увы, всего лишь птица.
— А без меня, поверьте, мир
Не знал бы, что такое сыр.

— — — — Н —
С — — — — —
— — — — В —

ПОЧИНИТЕ ТЕЛЕВИЗОР

Что происходит с нашим телевизором? На экране ничего не поймешь. Появляются то там, то здесь вот такие части изображения. Может быть, вы попробуете починить телевизор?

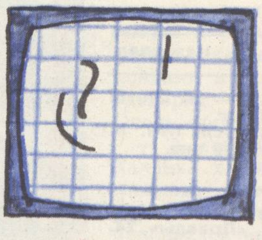

Нарисуйте сетку и соберите детали изображения в одном кадре. Так о чем же идет передача? Напишите.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки В. ЮРЛОВА.

Ответы на задачи из № 4

ЖИВЖИВКА

Вот что должно получиться в уравнении Живживки: риск, искра, старик, актриса, канистра, санитарка.

ЖОНГЛЕР КНОЛУ

На первом кубике нарисовано солнце, на втором — цветок, на третьем — вопросительный знак.

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ!

Спички нужно перекладывать так: из А7 в В. Из Б4 в А. Из Б6 в В. Из В4 в Б.

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Ленин.— Рисунки С. Трофимова. 1, 16, 24, 74
Планета Ильича. Стихи С. Озиева. Перевел с абхазского Ю. Кушак. Рисунки Е. Медведева 2
В те прекрасные трудные годы.— Рассказы, стихи ребят о Ленине. Год 1924-й. Предисловие Е. Драбкиной 4
Сын коммунара.— Рассказ В. Дюбина. Рисунки П. Багина 10
Мы наш, мы новый мир построим.— Б. Никольский. Рисунки А. Борисова 18
Вашим, товарищ, сердцем и именем 26
Когда поют Интернационал.— Стихи Х. Муталиева. Перевел с ингушского Ю. Кушак 31
Накануне.— Стихи Ю. Смирнова 31
Заветам Ленина верны.— Рассказы, стихи и рисунки ребят. Год 1970-й 32
Говорит Чукотка! Вэтгавыркын, Чукотка!— Ю. Рытхэу. Рисунки И. Галанина 40
Жизнь Ленина.— Повесть М. Прилежаевой. Продолжение. Рисунки О. Верейского . . 46
Старый кремлевский курсант.— Рассказ Э. Корпачева. Рисунки Е. Медведева . . . 60
Баллада об отце.— Стихи И. Тарбы. Перевел с абхазского А. Найман. Рисунок А. Борисова 63
Мы идем в театр.— И. Андреева. Рисунки Н. Доброхотовой. Фото К. Кунтышева . 64
Как из «вчера» рождается «завтра».— В. Сифоров. Записал беседу Р. Сворень. Фото С. Кропивницкого, Ф. Модестова 69
Рыбак и портрет.— Рассказ К. Давида. Перевела с немецкого И. Чуковская 75
Самая малая энциклопедия 76
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Доброхотовой 76
Ума палата.—Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки В. Юрлова 78
Академия домашних волшебников 80

На обложке:
22 апреля — день рождения В. И. Ленина. Рисунок П. Багина.

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Телефон 251-04-27.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 29/I 1970 г. А 00018. Подписано к печати 5/III 1970 г. Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 370 000 экз. Изд. № 656. Заказ № 365.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

—Снег тает, ручьи побежали,— мечтательно сказала Лёка, выглядывая из окна на улицу.— Кораблики можно пускать. Далеко поплывут.

— Далеко не поплывут,— сказал Алеша.— Вчера мы с Бобом Сухаревым сделали из старых газет пятнадцать кораблей. Они размокли почти сразу и потонули.

— Надо из пластилина. Не размокнут.

— Потонут,— сказала Калинка. Она сидела на спинке любимого маминого кресла и пришивала колокольчики к своей шапочке-невидимочке.— Ни газеты, ни пластилин не годятся. Но в ящиках Лёкиного письменного стола можно найти прекрасные корабельные материалы. Только беспорядок там удивительный: кеды вместе с марками, а тетради вперемешку с лентами.

— Вот так Лёка! — засмеялся Алеша.

— Между прочим, я и к тебе заглянула,— сказала Калинка, и Алеша сразу перестал смеяться.— Вот так... Если хотите строить корабли, быстренько наведите порядок в столах, а все не очень нужное несите сюда.

Через двадцать семь с половиной минут на любимом маминой кресле лежали: восемь карандашных огрызков и пустая коробка из-под цветных карандашей, пять картонных футляров от фотопленки, горсть щепок и обломки дубовой коры, скорлупки грецкого ореха и кусок поломанной свечки, барабанные палочки от давно не существующего барабана, моток запутанных ниток, охапка лоскутков, три пустых коробка от витаминов, обрывок кожаного Чубикова ошейника и даже два пакета из-под молока.

— Очень хорошо,— сказала Калинка,— из этого богатства мы и сделаем корабли. Еще нужно шило, утюг — чтобы разгладить лоскуты, тюбик масляных, не смываемых водой красок, ножницы и перочинный нож...

...Пришла Марина из музыкальной школы, а на столе по белым волнам скатерти плывут корабли. И какие корабли!

— Это яхта из коры,— важно объяснил Алеша.— Только на корме надо сделать надрез и вставить щепочку — руль. Полинезийский катамаран мы сделали из карандашей и связали навощенной ниткой. Мачту «Каравеллы» из грецкого ореха надо опустить ниже днища для устойчивости. Отверстия для мачты и руля залить парафином.

— Алеша, пожалуйста, теперь я,— попросила Лёка.— Основа моего катамарана «Золотая рыбка» — футляр от градусника. Этот корабль сделан из молочных пакетов. Края пакетов осторожно разрезаются в уголке. Один из швов распарывается, два пакета вкладываются один в другой распоротыми концами и сшиваются. Швы заливаются парафином. Распорка — коробочка от витаминов. Вот и все. Очень просто.

— А самый легкий кораблик появится сейчас.— Калинка хлопнула в ладоши, на стол опустился калиновый листок. В одну секунду навощенной ниткой связали край и черенок листа, и к флотилии прибавился еще один корабль.

— Давайте наденем резиновые сапоги,— сказала Лёка,— пойдем на самый большой ручей и устроим соревнования. Чей корабль быстроходнее?

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Всем, кто собирает марки!

Новая, большая, интересная и красивая серия

Министерство связи СССР в ближайшие дни выпускает в свет оригинальную серию почтовых марок, посвященную В. И. Ленину. В серии десять марок. На восьми — портреты Владимира Ильича в разные годы жизни, на двух воспроизведены скульптуры. Каждая марка печатается «малым листом», один такой лист вы видите здесь, на обложке. Сама марка, портрет, повторяется на листе восемь раз, а вокруг этого блока марок расположены четырнадцать дополнительных рисунков. Таким образом, к серии из десяти марок прибавлено еще сто сорок тонких и красивых миниатюрных рисунков. Целая выставка!

Эти рисунки очень интересно рассматривать, а для начинающего филателиста эта серия марок — просто клад, сразу десять новых страниц в коллекцию.